

Я уехал на Кавказ...

Введение

В одном из любимейших моих фильмов «Женитьба Бальзамина» есть сцена, в которой две купеческие дочери, Анфиса и Раиса, читают письмо отставного офицера Лукьяна Лукьяныча Чебакова, доставленное по его поручению Анфисе главным героем Бальзаминовым. В письме Чебаков зовёт Анфису бежать вместе с ним из дома и заканчивает его такими словами: «Впрочем, может быть, Вам Ваша жизнь нравится. В таком случае, извините, что я предложил Вам бежать со мной. Если Вы сегодня не решитесь, я завтра уезжаю на Кавказ». Конец письма читает Раиса, и просто надо слышать, как она произносит заключительные слова: «Я завтра уезжаю на Кавказ». Слово Кавказ она говорит по слогам и растягивает последнюю букву, получается «на Кав-каззз».

Лукьян Лукьяныч вовсе не хотел сказать, что если Анфиса ему откажет, он уедет на кавказский курорт. В середине XIX века слова «я уезжаю на Кавказ», особенно в устах военного, фактически означали угрозу самоубийства. Кавказская война ещё не закончилась, и на ней, случалось, убивали.

Я долго думал, как назвать эту книгу, перебрал множество вариантов и выбрал, наконец, название «Я уехал на Кавказ», потому что у меня в ушах почему-то стали звучать эти слова: «Я ... уезжаю на Кав-каззз». В своих записках я хочу довольно подробно описать переезд немолодой уже пары из подмосковного города Дубна в сельскую местность Краснодарского края. После начала описываемых событий прошло уже пять лет. Срок с одной стороны небольшой, а с другой – достаточный, чтобы понять, правильным ли оказался сделанный тогда выбор, и не оказался ли он самоубийственным.

Позвольте представиться – я кандидат химических наук, бывший начальник сектора в ядерном центре, родился и вырос в городе Дубна Московской области. Моя жена Таня – тоже кандидат химических наук, до 17 лет жила в деревне на Алтае. Мы оба после окончания своих институтов работали в Дубне в одной и той же лаборатории можно сказать всю свою сознательную жизнь. Но в определённый момент сначала мою жену, а затем и меня, особенно холодными и продолжительными зимами, стала всё чаще посещать здравая мысль: «А что мы здесь делаем?» Конечно, с зимой ничего нельзя поделать. Зима остаётся зимой, нравится нам это или нет. Однако не везде же зимы такие холодные. Год от года, точнее от зимы к зиме эта мысль крепла, обрастала некими конкретными размышлениями и поисками в Интернете. В разговорах со знакомыми, родственниками, коллегами мы обнаружили, что многие из них испытывали подобные чувства. Они тоже признавались в нелюбви к холоду, к гололедице и жаловались на сезонную депрессию.

У каждого из нас были и свои, более глубокие, причины для переезда. Таня выросла на Алтае, училась в Политехническом институте в Томске и привыкла к тому, что солнца должно быть много. На юге Западной Сибири солнечных дней гораздо больше, чем в Подмосковье. Наши друзья из Армении вообще не смогли жить в Дубне, потому что у них

началась депрессия от недостатка солнца. Они вернулись в Ереван, несмотря на то, что в 1990-е годы он был похож на блокадный Ленинград – не было отопления, перебои с электричеством и т.д. Но, наверное, главной причиной у Тани была депрессия, не сезонная, а духовная. И для того, чтобы избавиться от неё, Таня хотела переехать.

Чужая колея

Для того чтобы понять, почему в итоге и я тоже захотел переехать, попытаюсь проанализировать своё прошлое. Недостаток солнца для меня не был проблемой. Я просто не знал, что солнца может быть много. Всю жизнь я прожил в Подмоскowie, вечно накрытом низко нависшими облаками, и не то что бы считал, что это нормально, а просто не задумывался об этом. Интересно описала подмосковный климат девушка из Болгарии, которая делала дипломную работу в нашей лаборатории: «У вас восемь месяцев зима, три месяца тепло и один месяц то, что вы называете летом». Но эту замечательную мысль мы услышали уже тогда, когда решение было практически принято, и она ещё больше утвердила нас.

Когда я учился в МХТИ им. Менделеева, я впервые услышал песню Владимира Высоцкого «Чужая колея». Эта песня поразила меня, я подсознательно чувствовал, что еду по чужой колее, но жизнь в те, брежневские времена, была строго детерминирована, или, говоря простым языком, возможности выбора работы или сферы применения своих способностей были очень ограничены. Именно в те времена в магазинах продавали «просто сыр». Мы были довольны, что он вообще был, хотя бы один сорт.

После окончания института мне повезло, я попал туда, куда хотел, в свой родной город Дубна, в Объединённый институт ядерных исследований, ради которого и был построен в 1956 году этот город на месте деревни Ново-Иваньково. Я начал работать в группе, которая занималась поиском сверхтяжёлых элементов в природе. Это были, предположительно, ещё неизвестные науке элементы тяжелее урана. Их искали во многих объектах земного и неземного происхождения. Моя карьера началась с поисков в термальных (горячих) рассолах пустынного полуострова Челекен в Туркмении. На протяжении нескольких лет я и мои коллеги ездили туда в экспедиции весной и осенью, в июле и августе мы предпочитали там не бывать, очень уж жарко там было в это время.

На Челекене мы жили в большом деревянном доме, окружённом от пыльных бурь забором высотой три метра. За забором был заброшенный посёлок с разрушающимися домами и песок до горизонта. Мы много работали на скважинах, но было и свободное время. Я всегда любил читать, поэтому записался в библиотеку местного химического завода, на котором из этих рассолов извлекали йод и бром. Мне очень понравилось, что я мог без проблем брать любые книги. В Дубне на «модные» книги в библиотеке записывались в очередь, ждать приходилось долго, а здесь эти книги тоже были, и никто их не читал, как впрочем, и остальные книги.

Так в мои руки попала книга Альбера Камю «Посторонний». Я прочитал несколько страниц и понял, что это про меня. В самом начале главный герой, от имени которого ведётся повествование, говорит о ярком слепящем солнце, о пустыне. Действие происходит в 1950-е годы в Алжире, в те времена французской провинции. Я читал книгу почти в таком же месте. Но главным было не это. Герой без всякой причины убил

алжирца, и теперь он ждёт суда и казни. Он не может объяснить даже себе, за что он убил. Просто взял и застрелил...

Я читал книгу лет тридцать назад, подробностей уже не помню. Всё сводилось к тому, что герой не знает, зачем он живёт на белом свете. Его жизнь не имеет никакого смысла, он понимает это, и с безразличием, которое пугает его самого, воспринимает смертный приговор. Альбер Камю был экзистенциалистом. Я мог бы посмотреть, что это значит, в Википедии, но попытаюсь объяснить своими словами. По-английски, и, наверное, по-французски, «экзист» значит существовать. В двадцатом веке, когда люди окончательно отвергли Бога, они стали искать смысл жизни в чём-то другом, и некоторая их часть пришла к выводу: смысл жизни – просто существовать. К такому же выводу я пришёл самостоятельно за несколько лет до чтения Камю и в соответствии с этой философией жил.

У меня не было какой-то высокой цели в жизни. Цели не было вообще, в отличие от героя песни Высоцкого: «Я цели намечал свои, на выбор сам». Всё было детерминировано. Начальник моего сектора уже предсказал моё будущее: «Станешь научным (я тогда был младшим), потом старшим научным». Это было как в мультфильме «Малыш и Карлсон», когда Малыш говорит маме о своём старшем брате: «Вот мой братец-то вырастет, ну женится, ну умрёт...» Колея...

Я работал, общался с друзьями, чаще всего с выпивкой, моими любимыми писателями были Хемингуэй и Ремарк, теперь я понимаю почему – они жили так же как я, у них были хорошие друзья, любимый спиртной напиток, например кальвадос, и любимая женщина. У меня до встречи с Таней такой женщины не было, что ещё больше обедняло мою жизнь. Герои Ремарка и Хемингуэя понимали, что всё в этой жизни «суета сует», как сказано в библейской книге Экклезиаста, которую я тогда ещё не читал, и хотели прожить отведённый им срок достойно. Так же решил жить и я. То есть, на самом деле существовать, а не жить. Достойно дожидаться неминуемого конца – смерти. Таково было моё мироощущение до 1992 года, когда меня достиг Бог. Я стал верующим, узнал, что у жизни есть смысл и что наша жизнь продолжается и после смерти. Это освободило меня.

Изменилось всё. Жизнь стала цветной, наполненной. Но постепенно оказалось, что не всё так просто в жизни даже верующего человека. У меня началась духовная депрессия, я видел, что люди вокруг меня, даже верующие, не меняются или не хотят меняться. А самое главное – я не чувствовал изменений в самом себе. Работа перестала меня интересовать. В какой-то момент (я точно помню – когда) мне стало совсем неинтересно заниматься химией, поэтому, когда мне предложили стать начальником сектора вместо уехавшего за границу коллеги, я почти с радостью согласился, это избавляло от пробилок и казалось желанным изменением. Первые два-три года было действительно интересно, но потом снова началась рутина, наезженная колея.

Я чувствовал, что занимаю чужое место. Я должен был заражать энтузиазмом своих подчинённых, но не мог. Когда мы стали задумываться о переезде, то у нас стали открываться глаза на ужасные условия работы. Постоянно ранней осенью и поздней весной, когда отопление или ещё не включили или уже выключили, на работе было очень холодно (дома, кстати, тоже было холодно). Лет пятнадцать мы сидели в кабинете, окно

которого смотрело на ворота гаража. После того, как я стал начальником сектора, я переехал в кабинет, в окне которого место неба занимала длинная неостеклённая галерея с облупившейся штукатуркой. В этом кабинете на третьем этаже постоянно чувствовалась вибрация от компрессора, находившегося на первом этаже. Наши попытки бороться с вибрацией ни к чему не привели.

Может быть самое главное, что просто душило на работе – изменился душевный климат. Наступила другая эпоха – разговоры по душам ушли в прошлое, все стали прагматиками. Молодые сотрудники, по моему, просто не понимали, чего мы от них хотим, когда мы с Таней приглашали их по одному в свой кабинет на чай и пытались поговорить о жизни.

Город буквально выталкивал нас из себя. В Дубне практически нет так называемого «частного сектора», так как он сразу застраивался многоэтажными домами. В те времена никто и предположить не мог, что когда-нибудь наступят времена, когда почти в каждой семье будет свой автомобиль. И вот эти времена наступили – все подъездные пути и обочины дорог у каждого дома заполнены машинами. По тихой, спокойной, почти патриархальной Дубне стали носиться орды автомобилей. Много лет мы ездили на работу на велосипедах, но, в конце концов, решили ходить пешком, так как боялись погибнуть под колёсами автомобиля. Гулять в лесу, даже далеко от города, стало тоже невозможно, всё оказалось загажено вездесущими автомобилистами.

Итак, мы начали искать место, куда можно было бы бежать. Интернет предлагал множество заманчивых вариантов не только временного побега от зимы на несколько дней или недель, но и постоянное место жительства в одной из южных стран. В мечтах мы могли выбрать для ПМЖ Южную Африку, Флориду или Прованс, однако остатки здравого смысла возвращали нас в суровую реальность. У нас не было не только богатых, но и вообще родственников за границей. Нас не приглашали на престижную и высокооплачиваемую работу в Англию или даже в Грецию. Хотя была у меня попытка устроиться на работу во Франции, я даже съездил на собеседование в Париж в марте 2008 года. Но об этом когда-нибудь позже.

Всё что у нас было, это двухкомнатная квартира в Подмосковье, опостылевшая работа, хотя и со стабильным и неплохим заработком, и желание всё это сменить на тёплую зиму (лучше бы вообще без зимы, однако в России это неосуществимо), дом с садом и неплохо оплачиваемую любимую работу. Вариантов было не так уж много. Точнее всего один. Самое тёплое место в России – Краснодарский край. К тому же в нём самый высокий процент населения проживает в индивидуальных домах, а значит, есть шанс купить дом или построить его.

Но вновь суровая реальность российской экономики внесла свои коррективы. Несмотря на то, что на деньги, вырученные от продажи нашей квартиры, мы могли бы купить аналогичную квартиру в Ницце или даже дом в Чехии, оказалось, что этих денег далеко не хватает на то, чтобы купить дом (дом, как мы его себе представляем – или, выражаясь по современному евро-дом) в том месте, в котором мы захотели бы жить в России, например, в Сочи или в Анапе.

Всероссийская шизофрения

В этом месте моего повествования я хочу немного остановиться и рассказать о том, какой дом мы хотели купить или построить и о нашем видении жизни вообще.

Современный россиянин, осознаёт он это или нет, чаще всего – шизофреник. Прежде чем обижаться, прочтите, что я имею в виду. Слово шизофрения состоит из двух греческих слов. Слово «шизо» (правильнее «скидзо»), означает рвать, разрывать, раздирать, раскалывать. От него произошли слова схизма и схизматик – то есть раскол и раскольник. Слово «френос» означает ум, мысли. Итак, шизофреник – это человек с разорванным умом. Психически больные люди с диагнозом шизофрения отличаются именно раздвоением сознания, внутри разума такого человека живут два, а то и более человека.

Взрослый россиянин (или россиянка), у которого есть дача и (или) гараж, представляет собой именно шизофреника. Он вынужден одновременно думать о двух-трёх разных местах, где находится его имущество и часть его души. В своё время советская власть очень умело отвлекла людей от «классовой борьбы», выделив почти всем желающим пресловутые шесть соток. Люди, внутри которых всегда жило желание иметь собственный дом, ринулись исполнять своё заветное желание. Власть запрещала иметь частную собственность, но разрешила строить домики на садовых участках.

Я дважды участвовал в освоении садового участка. Сначала, это было, наверное, в конце 1960-х – начале 1970-х годов, когда я был подростком и часто ходил на новый участок семьи брата моей мамы. Людям дали по шесть соток земли на болоте, и нужно было видеть, с каким энтузиазмом они осушали это болото, рубили деревья и корчевали пни, снимали толстый слой торфа, привозили на его место песок и начинали строить свои домики. Потом, в начале 1980-х годов и мои родители получили участок, рядом с садоводческим товариществом моего дяди, на том же болоте. Но, поскольку желающих было много, они получили лишь по четыре сотки. Однако люди за прошедшие 10-15 лет стали жить богаче, они смогли строить уже более серьёзные дома, чем в «старом» товариществе.

Позднее, в начале 1990-х годов мой бывший школьный учитель английского языка Давид Натанович Белл включил в обязательную часть своей обзорной экскурсии для иностранцев именно наше товарищество. Он с гордостью показывал построенные нашими горожанами разнообразные дома приезжим американцам и говорил: «Вот что могут сделать русские, когда им дадут хоть немного воли».

Но ведь на самом деле это не настоящие дома. Это только игра. Взрослые люди играют в игру, что у них есть свой дом. На самом деле в этом доме они не живут, а только приезжают в него изредка. Может быть, кто-то и живёт в нём месяц-другой летом. Но не более того. Мой отец построил дом с мансардой. На втором этаже поставили старую, но хорошую кровать. Думали, что будем там ночевать. За прошедшие тридцать лет никто ни разу не ночевал. Моя мама справедливо сказала: «Зачем я буду ночевать невытая, если я могу уехать домой на автобусе, помыться и спокойно спать в своей постели?» Остальные члены семьи думали также.

Сейчас в садовых товариществах появились дома, в которых можно жить и зимой. Но всё равно это не полноценный дом. Зимой туда приезжают на короткое время, например,

встретить Новый год. Дом – это место, где вы живёте постоянно, где царит семейный уют. А дача – это только игра в своё поместье для взрослых детей.

Свой дом – наша давняя мечта

Мы давно хотели жить в своём доме. Таня родилась в деревне, а я родился в совсем маленьком городке в ту пору, когда рядом ещё оставались деревенские дома, и лес был совсем рядом. Стоило отойти от города на несколько сот метров, и можно было собирать грибы, малину, клюкву. Лес и сейчас рядом, но лучше в него не ходить... Бабушка со стороны отца жила в отдалённой деревне в Ярославской области, в детстве мне очень нравилось там жить летом. Так же как потом мне нравилось жить в деревне Таниных родителей на Алтае, когда мы приезжали туда в отпуск. И я мечтал, что когда-нибудь буду сидеть на завалинке своего дома и смотреть на закат.

В конце 1980-1990-х годов у нас в городе начали выделять участки под строительство коттеджей, снова на болоте. Мы записались, но нас не приняли в кооператив, так как мы были неперспективной семьёй (у нас нет детей). С тех пор прошло почти тридцать лет, болото осушено, но всё же осталось болотом. Строить там нельзя. Фундамент единственного построенного там лет двадцать назад дома сразу дал трещину. Другие владельцы участков рисковать не захотели...

Потом мы хотели купить дачный участок. Но и это никак не удавалось. На болоте мы не хотели, а участки в хороших местах были нам не по карману. Наконец, в начале 2000-х годов началось строительство коттеджей на берегу реки Дубна. Когда мы захотели туда попасть, оказалось, что в кооператив принимают только через мэрию. Но не это оказалось самым главным препятствием. Готовые каркасные дома площадью 100 кв.м. с земельным участком 10 соток продавались там за ни много ни мало 7 миллионов рублей. У нас таких денег не было, к тому же мы считали, что оно того не стоит.

Итак, в родном городе у нас ничего не получалось. Мы даже съездили в сельскую местность недалеко от Дубны, в Талдомский район, где знакомые построили себе дом. Но вид окружающей деревни и близость свинофермы нас совсем не вдохновили.

Кстати, о наших российских деревнях. Лет двадцать назад я сопровождал в поездке из Дубны в Москву американцев. Вдоль шоссе мелькали многочисленные деревни. Американцы с интересом смотрели в окна микроавтобуса. А один из них вдруг спросил меня: «А вот эти дома вдоль шоссе. В них, что, люди живут?». Я ответил: «Да. А что, почему ты спрашиваешь?» Он сказал: «Да так, ничего». Я задумался над его вопросом и понял, что он имел в виду. Нормальному человеку трудно себе представить, как можно жить в этих убогих, завалившихся, покосившихся хибарах. После этого я побывал в США и в других странах, и нигде такого убожества не видел.

Постепенно стало созревать решение переехать на юг. Таня, пользуясь Интернетом, изучила климат практически всех южных регионов и пришла к выводу, что единственным подходящим является Краснодарский край, причём местность около Анапы, так как климат в районе Сочи слишком влажный.

Интересно, что перед переездом «на Кавказ» нам с Таней попала в руки книга англичанина Питера Мейла о том, как он переехал из шумного и вечно туманного Лондона в солнечный Прованс. Книга очень интересная, и попала нам в руки как будто бы своевременно, однако практического значения для нас она не имела, так как россияне, несмотря на «перестройку» и «демократию», в большинстве своём (не считая олигархов и эмигрантов) так и не стали гражданами мира, которые по желанию могли бы переехать в любую понравившуюся им страну и там обосноваться. Питеру Мейлу просто нужно было решиться и купить понравившееся ему поместье в понравившемся месте Прованса. В нашем случае мы должны были купить (или построить, причём очень быстро, потому что зима в Краснодарском крае всё-таки бывает, и не такая уж и тёплая) на полученные от продажи двухкомнатной квартиры деньги дом (евро-дом) в месте, которое при наличии достаточной суммы денег, мы, возможно бы и не выбрали, но которое нас бы всё-таки устраивало.

У меня оставалась ещё одна проблема – многие предупреждали о том, что местные жители, коренные кубанцы, очень неприветливые, жадные, жёсткие люди. Я знал пару христиан, проживавших в Краснодарском крае, и решил им позвонить, чтобы выяснить, так ли уж всё страшно, как мне кажется. Не знаю, что они обо мне подумали, но разговоры с ними меня успокоили.

Уже после переезда мой друг в Дубне посоветовал мне посмотреть французский фильм «Бобро пожаловать». Я купил его на DVD через Интернет, и теперь это один из наших любимых с Таней фильмов. Это комедия, в которой рассказывается о переселении француза с Юга на Север Франции, его страхах и реальности. Когда я смотрел этот фильм первый раз, то многое напомнило мне мои страхи и предубеждения. А реальность оказалась почти такой же, как в фильме – если ты открыт навстречу людям, то и они повернутся к тебе своей лучшей стороной.

Поездка в Анапу и её окрестности

И вот в сентябре 2008 года мы взяли отпуск и поехали «на Кавказзз», в Анапу. Этот курортный город мы выбрали потому, что хотели совместить не очень холодную зиму с не очень жарким и не таким влажным летом, как в Сочи. В Анапе мы сняли комнату и вместо того, чтобы подобно всем нормальным отдыхающим, отправиться на пляж загорать и купаться, приступили к планомерному изучению окрестных населённых пунктов на предмет покупки дома – дома нашей мечты. Покупку дома в самой Анапе мы тоже не исключали, однако сразу поняли, что наша двухкомнатная квартира не даёт никаких шансов купить «дом нашей мечты» в Анапе, если бы даже такой был.

В процессе наших поисков первое, что мы обнаружили, это то, что в понятие «дом» разные люди вкладывают совершенно разный смысл. Если в Анапе всё-таки были дома, похожие на «дом нашей мечты», хотя и все они были слишком большими для двоих, то в окрестных населённых пунктах таковых не было вообще. В своих поисках мы сначала руководствовались несколькими адресами, взятыми мною из Интернета перед поездкой. Первым в нашем списке был дом в станице Натухаевской. Судя по карте, станица находилась в горах. И, хотя так и оказалось, ничего хорошего мы в станице не увидели. С трудом найдя дом, адрес которого с ещё большим трудом узнали у риэлтора, мы

осмотрели, что могли, потому что в доме никого не было. Недостроенный дом из белого кирпича на заросшем бурьяном участке, ощущение какой-то заброшенности – всё это не располагало нас продолжить дальнейшие контакты с продавцом. К тому же за дом просили очень много – около 3,5 млн. рублей. Картину не могли скрасить даже два магазина с парным мясом, в которые мы зашли по дороге. Поскольку у нас не возникло желания подробнее изучить станицу, то оставшееся до автобуса время мы провели на обшарпанной автобусной остановке.

Следующим номером нашей программы было посещение станицы Гостагаевской, что в 20 километрах от Анапы. Она оказалась очень большой деревней без особенностей, которые бы скрасили картину. Мы сошли на остановке маршрутки, стали искать нужный нам адрес, постепенно зашли поглубже в станицу, асфальт давно кончился, мы стояли посреди пыльной деревни, со всех сторон, куда хватало взгляда, были дворы с курами. И тут я произнёс фразу, которую с тех пор мы часто использовали: «Я себя здесь не представляю». Мы без сожаления покинули и эту станицу.

Надо отметить, что по возвращении в Анапу мы подробно рассказывали о своих впечатлениях своей хозяйке, у которой поселились. Стоит описать историю нашего вселения. Я подошёл к поиску жилья в Анапе со своей всегдашней серьёзностью и ответственностью. Попытался через Интернет найти и снять квартиру. Однако всё было очень дорого. К счастью в разговоре с нами одна знакомая, много раз бывавшая в Анапе, сказала: «В Анапе сдаётся всё. Просто идёте по городу и заходите в понравившийся вам дом и снимаете комнату или номер». Так и оказалось. На каждом доме была стандартная синяя табличка с надписью: «Сдаются комнаты...».

Оставив чемоданы в камере хранения автовокзала, мы ходили по городу около двух часов, но всё было что-то не то. Наконец мы совершенно устали и решили войти в первый попавшийся дом и снять комнату в нём. Комната оказалась на одном этаже, туалет на другом, совсем походные условия. Мы ушли. Затем увидели дом, на котором не было стандартной синей таблички, а была надпись, сделанная от руки: «Сдаются комнаты. Есть люкс». Это отличие привлекло наше внимание, и мы зашли. Здесь также не всё было, так как мы бы хотели, но возможно ли было вообще найти то, что мы хотели? Для таких случаев подходило высказывание майора с военной кафедры, которое я люблю цитировать: «Здесь вам не тут». Хозяйка оказалась очень милой и приветливой женщиной. Однако для порядка мы сказали, что подумаем. Зашли ещё в пару домов, в которых нам решительно не понравилось и, в конце концов, вернулись в дом с люксом. Мы, конечно, поселились не в люксе, однако условия нас устраивали и особенно сама хозяйка, Ирина Алексеевна, с которой мы вскоре подружились. Она нам очень помогла своими советами.

Следующим в нашем списке был дом в станице Варениковской. Это уже Крымский район, около 50 км от Анапы. Там продавали половину дома. Дом вполне соответствовал нашему представлению о доме. Хозяйка оказалось очень любезной женщиной, приехала за нами на машине в Анапу, и всю дорогу развлекала нас разговорами. Они с мужем приехали из Якутска. Сначала купили небольшой дом с участком, перестроили его, продали, и на эти деньги построили уже этот дом на двоих хозяев, и теперь продавали вторую половину, так как сын, для которого предназначалась эта половина, уехал работать и жить в Новороссийск. Дом нам понравился, хозяева, точнее будущие соседи, тоже. Однако, во-

первых, они увеличили цену по сравнению с заявленной в Интернете с 3,5 до 4 млн. рублей. Таких денег за свою квартиру мы не смогли бы получить. А во-вторых, наличие даже хороших соседей нас не устраивало. Мы укрепились в своём мнении после того, как хозяева нам рассказали, сколько родственников и знакомых приезжает летом к ним погостить. Однажды было сразу семнадцать человек. Мы ещё больше захотели отдельный дом. И участок земли был очень маленький, всего 5 соток. Любезная хозяйка довезла нас до автостанции, и мы с сожалением, надеюсь обоюдным, расстались.

Батарейка

Однако самый забавный случай ожидал нас в нашем следующем путешествии. В Интернете было выставлено очень привлекательно составленное объявление о продаже дома в населённом пункте со смешным названием Батарейка. Находилось оно на Таманском полуострове, который расположен между Черным и Азовским морями. В объявлении было написано, что продаётся дом такой-то площадью (устраивала), на участке площадью 30 соток (тоже хорошо), на котором разбит сад со следующими культурами (и шёл длинный перечень всех возможных плодовых деревьев, включая чуть ли не фисташки, и несколько сортов винограда).

Добирались до Батарейки мы на автобусе из Анапы до Темрюка, а дальше нас подвёз на машине человек, который ехал в посёлок Ильич, расположенный почти на самой западной оконечности полуострова, и искал попутчиков с оплатой за проезд. По дороге он нам очень интересно, не хуже экскурсовода, рассказывал о местах, которые мы миновали. Мы проезжали базы отдыха на Азовском море, виноградники, лиманы. Виды нам нравились, но было как-то очень плоско.

Как только мы вышли из машины напротив Батарейки, Таня сказала: «Поехали обратно». Я ответил: «Неудобно, я же договорился с хозяйкой». Кстати, характерная особенность нашей российской жизни: практически во всех случаях дела вела хозяйка, а не хозяин. Чаще всего он был, существовал, то есть хозяйка не была с ним в разводе, но ни за что не отвечал. Печально это, что российские мужчины сдались и не хотят брать ответственность на себя. Тане хватило одного вида Батарейки, чтобы тут же бежать из неё. Это была просто стандартная деревня. Мы стремились перебраться на юг отчасти и потому, что посмотрелись по телевизору репортажей из «горячих точек» на Кавказе и видели, что люди на Кавказе живут совсем неплохо, в прекрасных кирпичных домах, у них ухоженные дворы и т.д. Когда мы начали ездить по станицам и хуторам в окрестностях Анапы, мы увидели нечто совсем другое: большей частью саманные дома, затем дома из блока и совсем редко дома из кирпича. Потом мы поняли, что по телевизору мы видели сёла (или аулы) коренных кавказцев: чеченцев, ингушей и т.д., а не казаков. Коренные кавказцы и русские мужики – это, как говорят, две большие разницы.

Пояснения: станица – это село на юге нашей страны, хутор – это деревня на том же юге. Саман – это смесь глины и соломы, строительный блок – это большой кирпич размером 20х20х40 см, сделанный из различных смесей с цементом. Самый популярный и дешёвый на Кубани – «муровый» блок. Мура – это мелкая и очень мелкая фракция известняка, оставшаяся на карьере после распила известняка. Существует и более дорогой блок – из керамзита. Керамзит – это шарики или гранулы диаметром один-два сантиметра,

получаемые при обжиге легкоплавкой глины. Мура очень гигроскопична и обладает высокой теплопроводностью. Керамзит не гигроскопичен и, благодаря, своей большой пористости, обладает низкой теплопроводностью. «Мура» – это очень меткое народное название строительного материала и полностью отражает его качества. Но, так как, народ на Кубани в основном бедный, то многие строят именно из такого блока.

Расстраивало нас не столько то, что дома были построены не из кирпича, а то, как они и дворы при них выглядели. Видно было, что люди сдались. Жить им не интересно, они не живут, а влечат существование – везде разруха и грязь. Отвлекусь на лирическое отступление. У меня была тётя Соня, которая жила в Москве, она недавно умерла в возрасте 85 лет. Муж её умер ещё в 1970-е годы, она, оставшись одна в двухкомнатной квартире в «хрущёвке», жила бедно, только на небольшую пенсию («лужковской» доплаты тогда не было). Но, она регулярно, наверное, раз в два года переклеивала обои, переставляла на другое место мебель, в квартире всегда было чисто и уютно. Я называл это «благородная бедность». Тётя Соня уважала в первую очередь себя, затем своих двух детей и других многочисленных родственников, соседей и друзей. К сожалению, то, что мы видим вокруг себя, не только в деревнях, но и в городах, говорит о том, что в головах наших соотечественников – отчаяние, неверие в то, что что-то в этой жизни зависит от тебя, что ты – хозяин на своей земле. Один очень характерный эпизод из жизни нашего хутора. Как-то один из моих ближайших соседей попенял односельчанину, живущему в километре от нас, что вокруг его двора очень грязно (во дворе, честно говоря, было не лучше). Тот тут же оживился и сказал, что и он думает так же и хочет вызвать главу нашей администрации, чтобы он увидел это безобразие и навёл порядок. А работы-то там было на один день – убрать и сжечь мусор и скосить бурьян. Но нет, мы все ждём, когда приедет В.В.Путин и наведёт у нас порядок.

Вернусь в Батарейку. Мы пошли искать дом из объявления. Получилось так, что мы зашли к нему с тыла, при этом увидели, что там расположено кладбище, о котором в объявлении сказано не было. Дом оказался несколько улучшенной большой хатой, в нём даже был туалет с унитазом и небольшая душевая комната. В объявлении была фраза: «каминный зал». Воображение рисовало величественную картину, на поверку оказалось, что это обычная «зала» (так на юге называют гостиную комнату) с печкой, которую лишь с большой натяжкой можно было бы назвать камином. Конечно, это было совсем не то, на что мы рассчитывали. В объявлении также была фраза: «С лоджи открывается вид на Чёрное море». Мы спросили хозяйку, где вид. Она сказала, что нужно забраться на чердак, выйти на крышу, пробраться на огороженную лишь по колено площадку, которую она гордо назвала «лоджей» (а мы-то думали, что в объявлении опечатка!) и посмотреть вдаль. В конце осени, когда опадёт листва с деревьев, на горизонте будет видна полоска воды – это Динской залив Чёрного моря.

Когда мы спустились, я спросил: «А где же сад?» Я его не увидел даже сверху. «Да вот же», – сказала хозяйка и показала на многочисленные прутья, торчащие из земли тут и там. «Мы заложили сад совсем недавно, года два назад». И она с гордостью перечислила все те породы деревьев, которые, честно говоря, больше всего пленили меня в объявлении. Я представлял себе, как прогуливаюсь в тени персиковых и абрикосовых деревьев, как выбираю и срываю гроздь винограда к обеду. Кстати, к объявлению прилагались две фотографии, которые, как я понял после осмотра реальности, были

сделаны очень талантливым человеком. Он сумел так подать дом, что, найдя его по номеру на улице, мы вначале не поверили своим глазам, это не мог быть дом из объявления. Фотограф очень умело выбрал ракурсы. В общем, это не был дом нашей мечты, и это был последний дом из объявлений, которые я предварительно нашёл в Интернете.

Когда мы вернулись на шоссе, то почувствовали ещё один огромный минус проживания на Таманском полуострове. Дул очень сильный ветер. В Батарейке он был слабее, но на открытом месте просто сбивал с ног. Позже мы разузнали, что на Тамани почти постоянно дуют сильные ветра, ведь она находится между двух морей, с разным температурным режимом. Вывод – никогда не верьте объявлениям, даже с фотографиями, проверяйте всё сами, узнавайте как можно больше о климате и ландшафте местности, в которую собираетесь переезжать. Меня, человека выросшего в лесном краю, просто угнетает плоская степная равнина. Даже поэтому мне не нужно было бы жить на Тамани.

Разочарованные, но не очень, так как после предыдущих поездок по станицам и хуторам, мы уже поняли, что «здесь вам не тут», мы вернулись в Анапу. Я в своё время побывал в двух немецких, нескольких швейцарских деревнях, в болгарской деревне, в греческих городках на островах в Эгейском море. И должен с сожалением сказать, что даже болгарская деревня выглядит намного лучше кубанской станицы. А Болгария – бедная страна... Знаете, что мне сказал один грек: «Греция – бедная страна, зато люди у нас – богатые». К сожалению, о России можно сказать наоборот.

За тот месяц, что мы прожили в Анапе, мы съездили ещё в несколько населённых пунктов около Анапы: Гай-Кодзор, Варваровка, Пятихатки, Воскресенский, Супсех. О некоторых других населённых пунктах мы вынесли своё мнение просто проезжая мимо них, как например, о станице Раевской, расположенной на вершине возвышенности из щебня. Уже в начале нашего пребывания Ирина Алексеевна спросила нас: «А почему бы вам не воспользоваться местной газетой объявлений «Ваш успех»? Там очень много объявлений о продаже недвижимости». И дала нам один из последних номеров. Объявлений оказалось действительно много – сотни. В газете также был список анапских агентств по недвижимости, их оказалось 85 (при населении Анапы 50 тысяч человек)! После внимательного изучения всех страниц оказалось, что есть одно интересное объявление: «Продаётся: Дом с постройками в Школьном Крымского района, каменный, общ. пл. 40 кв.м, жил. пл. 30 кв.м, вода, эл-во, газ по границе уч., 25 сот., очень красивое место, все документы оформлены, собственник». Нас привлекла фраза «очень красивое место». Ирина Алексеевна сказала, что район хутора Школьный – это действительно очень живописное место. Мы решили съездить туда. Созвонились с хозяином дома, он объяснил, как нам добраться до места.

Впервые в Новопокровском

На следующий день мы вышли на автобусной остановке в хуторе с необычным названием Свет, сошли с шоссе вниз к речке, перешли мостик и ... как бы перенеслись в другой мир. У речки было тихо, деревья и кусты создавали столь желанную на юге тень. Мы находились в небольшой долине, скорее ущелье, по которому текла речка Псебепс.

Дом человека давшего объявление мы нашли не сразу. Он вышел к нам, сказал, что у него нет настроения показывать нам участок, да и нагрубить может невзначай, поэтому лучше будет, если с нами пойдёт его жена. Жена, молодая женщина по имени Таня, проводила нас до продававшегося участка. Мы шли мимо усыпанных плодами диких слив. Разогретый послеобеденным солнцем воздух пах осыпавшимися перезрелыми лопнувшими сливами. По обеим сторонам просёлочной дороги стояла трава в рост человека. Метров через триста мы свернули вправо и стали подниматься в гору, травы стало ещё больше, и была она ещё выше. Еще через двести метров мы подошли к участку и за бурьяном увидели дом.

Он, конечно, нас совсем не впечатлил – обычная белёная мазанка из самана. Но место нам понравилось, особенно вид с участка на противоположную сторону долины. Таня сказала, что даёт нам ключи от калитки и от дома, мы можем здесь побыть, осмотреться, а потом вернём их ей. И ушла. Мы осмотрели дом, внутри он был не лучше, чем снаружи, но жить в нём было можно. Две сравнительно больших комнаты, плюс прихожая и веранда. Рядом с домом стоял очень большой сарай, по виду тоже саманный. На участке, полностью заросшем бурьяном и молодыми деревцами сливы, алычи и цепляющей за ноги ежевикой, было ещё несколько старых грецких орехов с множеством сухих, голых сучьев. Непосредственно перед участком, рядом с колодцем, росли две высокие вербы, тоже старые и с огромными, как стволы средних деревьев, сухими сучьями.

Невдалеке мы увидели ещё один участок с домом и его хозяина, мужчину лет 65-ти. Он подошёл к нам, узнал, что мы возможные покупатели, и охотно ответил на наши вопросы. В ходе подготовки к своей поездке на юг мы где-то прочли совет, что нужно обязательно поговорить с соседями продаваемого дома, чтобы от них узнать обо всех «подводных камнях». Он сообщил нам, что, во-первых, здесь бывают очень сильные ветра, а во-вторых, наш участок, как и его, находится на проблемной почве. Несмотря на то, что участки расположены на склоне горы, на его участке находятся мочаги (я тогда впервые услышал это слово, оно имеет корень – моча и означает непросыхающее место), и однажды у него на глазах здесь чуть не ушёл под землю трактор. Нас удивило то, что он совсем не рекламировал то место, где живёт. Общий итог разговора сводился к тому, что он не советует нам строить здесь новый дом, так как фундамент может «уплыть».

Мы ещё раз осмотрелись вокруг и вернулись к продавцу. Накануне, в ходе нашего телефонного разговора с ним я попросил его, чтобы после нашего визита он отвёз нас на автобусную остановку в станицу Варениковская, так как непосредственно из Анапы в хутор Свет можно попасть только один раз в день, а из Варениковской в Анапу можно добраться и по другому маршруту. Когда мы вернулись и сказали, что нам нужно подумать, он сказал, что передумал и не повезёт нас в Варениковскую. Пришлось идти на шоссе и пытаться голосовать. До Варениковской необходимо было добраться до 17 часов, когда уходил последний автобус в Анапу. Оказалось, что машины по этой дороге ходят очень редко, а те, что проезжали, не останавливались. Идти пешком пришлось бы более 10 км. Когда мы прошли километра два-три, одна машина всё-таки остановилась, и добрый водитель «подобрал» нас.

Но не успели мы порадоваться, как машина заглохла, не проехав и километра. Водитель сказал, что будет звонить сыну, чтобы тот приехал из Варениковской и взял его на

прицеп. А мы снова поплелись пешком по жаре, шансы попасть на автобус таяли на глазах. Редкие машины снова не останавливались. В конце концов, нас нагнала сцепка машин – сын того мужчины быстро приехал и взял отца «на буксир». Тот сказал, чтобы мы садились в машину к сыну, ведь он же обещал нас подвезти. В Варениковской они довели нас до автостанции и деньги взять отказались. В ходе короткого разговора с отцом мы узнали, что они тоже переселенцы, по-моему, из Сибири.

Мы продолжили свои поездки и посмотрели много разных домов и мест. Всё решила, наверное, поездка с риэлтором одного из агентств Анапы. Он любезно согласился показать, на что мы можем рассчитывать в окрестностях Анапы за наши деньги. Он показал нам дом вблизи от Анапы, в хуторе Пятихатки, стоимостью 3,6 млн. руб. Как ни старалась хозяйка показать все «прелести» своего дома, довольно скоро мы обнаружили, что забор скрывает то, что это на самом деле дом на двух хозяев. Планировка дома была совершенно нелепая, к тому же сделана в расчёте на отдыхающих. Хозяйка сказала, что все думают, что не будут пускать жильцов, а потом все пускают. Участок при доме был всего 1,5 сотки. Это снова было совсем не то, что мы себе представляли. Затем риэлтор свозил нас в строящиеся неподалёку коттеджи, завёл в один из них, сказал, сколько он будет стоить, и мы окончательно поняли, что, если хотим жить в доме своей мечты, то нужно строить самим.

После долгих размышлений мы решили ещё раз съездить в село Новопокровское (оказывается тот дом в долине был не в Школьном, а в этом населённом пункте, а про Школьный было написано потому, что он был хорошо известен анапчанам, как дачное место). Хотя, конечно, после такого «горячего» приёма, ехать было страшновато. На этот раз мы поехали с утра, а не после обеда. Поехали автобусом до Варениковской, а затем другим автобусом до Новопокровского. Сошли с автобуса мы не на той остановке, и поэтому пришлось пройти пешком практически всё село – 2 км. На этот раз хозяин, Сергей Иванович, был любезнее, показал все документы на дом и землю, они действительно были в порядке. Он даже разрешил сфотографировать их. Мы с Таней ещё раз внимательно осмотрели дом и участок. Меня особенно поразило огромное небо над участком, обзор почти на полную полусферу! Мы решили, что после наведения порядка и небольшого ремонта, в нём можно будет жить во время строительства нового дома. Мы сказали хозяину, что готовы купить участок, но не за 500 тыс. рублей, а за 450 тыс., так как больше у нас просто нет. Он согласился и потребовал задаток, который гарантировал бы серьёзность наших намерений. Я спросил: «Сколько?» Он ответил: «Хотя бы три тысячи» Именно столько денег у меня было с собой, и я вручил их ему под расписку. Я обещал, что через некоторое время, вернувшись в Дубну и сняв деньги со счёта в банке, я вернусь сюда, и мы оформим сделку купли-продажи. На этом мы расстались.

Оставшееся время в Анапе мы, наконец, отдыхали. Сходили пару раз на пляж, искупались, гуляли, питались фруктами с рынка, попробовали кефаль (вкусно!), продолжали общаться со своей хозяйкой Ириной.

Возвращение в Дубну

Вернувшись в Дубну, мы стали уже очень серьёзно думать, что делать дальше. Я записался на курсы вождения автомобиля, так как было очевидно, что без автомобиля в

сельской местности будет не очень удобно. Мы начали строить планы, какой дом мы хотим иметь. Таня уже давно хотела жить в доме из оцилиндрованного бревна. Мы искали в Интернете, какие фирмы и за сколько могли бы построить такой дом. Как вдруг однажды вечером раздался телефонный звонок, и Сергей Иванович попросил меня сообщить ему наш домашний адрес. Он сказал, что хочет вернуть почтовым переводом задаток, так как у него появился другой покупатель, готовый заплатить 600 тысяч. Я, конечно, сказал адрес. Наша мечта лопнула! Мы с Таней решили, что нет на то Божьей воли, и мы не будем возвращаться к этой теме ещё год. А что ещё нам оставалось делать?

В этом месте необходимо сделать небольшое отступление. После устной договорённости о сделке, я молился, чтобы Бог дал знак, то ли это место. Ведь это не шутка, так круто изменить свою жизнь! И прожить её остаток здесь на Земле даже не в станице, а на хуторе. Ещё до этого, в процессе поисков, я молился, чтобы мы нашли место рядом с лесом, так как я вырос в городе, окружённом лесами со всех сторон, и чувствую себя очень неуютно в степи или в пустыне. Вторая молитвенная просьба была, чтобы это место было похоже на место в Алтайском крае, где жила Танина семья. Их деревня Сараса раскинулась в долине реки Сараса, и с двух сторон деревню окаймляют невысокие горы. Уже теперь бывший «наш» участок идеально соответствовал этим двум условиям. Выше участка, на нашей стороне был широколиственный лес, мы находились на одной стороне долины и смотрели прямо на другую её сторону, где тоже был лес. И вот – конец всем мечтам и планам!

Через две недели снова раздаётся телефонный звонок. Тот же Сергей Иванович спрашивает, готовы ли мы купить дом на прежних условиях? Я ответил, что нам нужен день для принятия решения, и спросил, почему он снова звонит нам. Оказалось, что тот покупатель передумал. После размышлений и молитв мы с Таней приняли решение – покупать. Мы решили, что это знак от Бога – мы уже смирились, а тут нам снова предлагают тот же дом. На следующий день я позвонил, и мы договорились, что я приеду в конце октября, он меня встретит в аэропорту Анапы и сразу отвезёт в станицу Варениковская, где мы оформим сделку в одном из агентств по недвижимости.

Я снял деньги со счёта, попросил выдать 5000-ными купюрами, чтобы взять их с собой в кошельке. Везти столько наличных с собой было страшно, но ещё страшнее казалось связываться со Сбербанком (единственным банком в Варениковской), вполне могло получиться так, что я не получил бы свои же деньги вовремя. Купив через Интернет электронный билет на самолёт Москва – Анапа – Москва, и взяв отгулы на работе, 28 октября я отправился покупать дом. Отправился на три дня, решив, что лишних два дня не помешают, мало ли какие проблемы и формальности могут возникнуть по ходу дела. На эти три дня мне необходимо было место для ночлега. В Варениковской, судя по Интернету, гостиниц не было. В Крымске гостиница была, но номер стоил 1000 рублей в сутки, да и Крымск от Варениковской далековато. В результате блужданий по Интернету я нашёл, что в 30 км от Варениковской есть гостиница в хуторе Садовый, принадлежащая Шато ле Гран Восток (Château le Grand Vostock). Оказывается в Краснодарском крае есть винодельческое хозяйство, созданное по образцу французского шато. Вообще-то слово шато по-французски означает замок, но со временем оно стало означать винодельню, в которой производят вино по полному циклу – от выращивания винограда до розлива в бутылки. Главный винодел в этом Шато – француз. Цена за номер меня вполне устроила,

и я позвонил туда, благо номер телефона был указан на их сайте. Мне ответили, что можно приезжать, они примут меня.

Покупка участка

Итак, я прибыл в аэропорт Анапы. Сергей Иванович встретил меня и повёз в Варениковскую. Всю дорогу он рассказывал мне о том, какие монстры все его (а в будущем наши) соседи. В станице, после обхода нескольких агентств по недвижимости, мы подписали в одном из них договор купли-продажи, и я оставил доверенность на агента Марину, чтобы потом она от моего имени занялась регистрацией прав собственности на землю и дом. Впоследствии оказалось, что договор был составлен очень грамотно, то есть в нём отдельно оговаривалась стоимость дома и земли, причём основная стоимость досталась дому. В то время я не обратил на это никакого внимания. Во время совершения сделки оказалось, что в домовый книгу не отмечено, что в доме никто не зарегистрирован. Бывший хозяин сказал, что это не его проблема, домовую книгу он уже отдал мне, а дальше я и сам могу получить в милиции отметку, что там никто не прописан. Пришлось согласиться, тем более что у меня было ещё два дня в запасе. После оформления сделки и получения от меня всей суммы, уже бывший владелец Сергей Иванович согласился отвезти меня в хутор Садовый, что было весьма любезно с его стороны, потому что начинало темнеть. Когда мы подъехали к гостинице, то сначала оба не поверили своим глазам, так как здание совсем не было похоже на гостиницу, но человек на улице уверил нас, что это действительно гостиница. В это было трудно поверить, глядя на нештукатуренное здание из блока.

Оказалось, что под гостиницу переоборудовали двухэтажное здание бывшего детского сада, а второй детский сад остался по-прежнему напротив этого здания. Были времена, когда в хуторе было много детей, а теперь их было, по крайней мере, вдвое меньше. Гостиница мне очень понравилась. Я неоднократно бывал в заграничных командировках, жил в тамошних гостиницах, и должен признать, что номер в этой гостинице был не хуже. В нём был достойный санузел с современным душем и исправным унитазом (в «совковых» гостиницах они всегда текут), мебель из сосны, электрический чайник. А самое главное – я был единственным постояльцем! Осенью и зимой там фактически никого не бывает. И ради меня гостиницу открыли, а потом даже включили отопление, когда я пожаловался, что по ночам подмерзаю.

Довольно много времени я провёл в разговорах с Наташей, дежурной гостиницы, сравнительно молодой женщиной, она гладила постельное бельё и, хотя была не очень разговорчива, отвечала на мои расспросы. Она, как и многие нынешние жители Садового, несколько лет назад приехала сюда из Таджикистана, после того как там началась гражданская война. Оказалось, что для организации Шато помимо главного винодела с женой, сюда приехали ещё несколько французов, в частности агроном. Наташа разрешила мне воспользоваться компьютером, чтобы я мог отправить мейл Тане. А на следующий день сказала, что я вообще могу бесплатно звонить по телефону в коридоре. Телефон работает по системе IP-телефонии, и денег за пользование не берут. Я, естественно, воспользовался этой возможностью, звонил Тане каждый день и разговаривал по полчаса и больше.

Утром следующего дня я на такси отправился в Варениковскую, чтобы поставить отметку в домовую книгу. Здание милиции находится в центре, недалеко от автовокзала и «моего» агентства по недвижимости, я его быстро нашёл. Но оказалось, что в здание войти невозможно. Посетителей впускают по одному, открывая ненадолго железные ворота, снабжённые видеокамерой и электрическим замком. Получается, что милиция боится тех, кого должна охранять? У ворот скопилось человек двадцать, пришедших, как и я, на приём по паспортным вопросам. Все нервничали, так как инспектор по этим вопросам приезжает раз в неделю, по средам, а приём ведёт только до обеда. Мне повезло, что я приехал покупать дом не после среды. Ближе к обеду стало ясно, что я не попадаю на приём. Я подумал и позвонил Людмиле Анатольевне, хозяйке дома в Варениковской, к которой мы ездили в сентябре, она тогда говорила, что у неё есть связи в администрации. Она вспомнила меня и оказалась настолько добра, что быстро приехала к милиции, поговорила по телефону с инспектором, ссылаясь на своего сына, и тем самым оказала мне огромную услугу. Я попал на приём по очереди перед самым обедом, без этого звонка у меня не было бы шансов получить отметку из-за недостатка времени на выяснение сведений о прописке в теперь уже нашем доме. Но так как звонок был, инспектор уже связался с Крымском и получил данные, что дом «чист». Желанную отметку я, таким образом, получил и отнёс домовую книгу в агентство к Марине, которая должна была завершить все формальности, связанные с куплей-продажей.

После этого я снова взял такси и поехал ещё раз посмотреть на наше приобретение. Доехал по шоссе до места напротив своего участка, потом прошёл метров 500 по тропинке, пересёк по мостику речку и снова, как и в первый визит, оказался совсем в другом мире. Было послеобеденное время 29-го октября, сияло солнце, было тепло, небо было ярко голубым и совершенно безоблачным. По дороге к своему участку я много фотографировал, настолько неожиданно хорошо было здесь в самом конце октября. Ни одного человека на своём пути в этот раз я не встретил.

Дорога к дому ещё больше заросла бурьяном, который правда уже побурел (может, поэтому и называется бурьян?) и высох. Листва у многих деревьев была ещё зелёной, хотя уже появились и жёлтые и красные листья. Трава и многочисленные травянистые растения выделялись ярким зелёным цветом из-под опавших листьев. Я полюбовался на вид с нашего участка на противоположную гору, открыл дом, тщательно осмотрел его, измерил данным мне Таней швейным «метром» все расстояния для будущего ремонта, сориентировался на местности с помощью компаса. Оказалось, что стороны дома расположены почти точно по сторонам света, причём на северной стороне не было окон, очевидно, чтобы в них не дул холодный северный ветер.

Я вернулся на шоссе ко времени, когда должен был проходить автобус на Крымск, сел на него, сошёл на хуторе Павловский и, подождав немного на остановке, пересел на маршрутку до хутора Садовый. Был уже вечер, половина шестого, солнце заходило за небольшие горы невдалеке от хутора, было очень красиво, я гулял и фотографировал до захода солнца. Утром Наташа говорила мне, что можно сходить поужинать в местном кафе или даже заказать ужин в гостиницу, причём стоимость будет почти такой же. Я посчитал, что заказывать в кафе слишком «буржуазно», и отправился по тёмным улицам в кафе. Там не было ни одного посетителя, я взял стандартный ужин, он состоял из главного блюда – огромного куска мяса с гарниром и двух закусок. Стоило всё это безобразно

дешево, рублей 90. Мясо я съел в кафе, а закуски я уже не вмещал и забрал с собой. В кафе продавали также все виды вина, произведённого в Шато Ле Гран Восток. Я купил две небольшие бутылки (0,375 л) белого и красного вина. В этот вечер я отпраздновал свою покупку, продегустировав для начала красное вино и закусывая ветчиной и сыром из кафе. Вина мне тоже было многовато, но за два вечера я выпил бутылочку красного вина, так как именно в это время на самолётах запретили перевозить любые жидкости. Второй закуской я пообедал на следующий день.

Хутор Садовый

Следующий день был у меня совсем свободен. Не нужно было ничего оформлять или куда-то ехать. Я решил сходить с визитом в дирекцию Шато. К моему удивлению, я попал к заместителю генерального директора, Игорю Борисовичу. Генеральный директор живёт в Москве, а он – в Садовом. Мы с ним мило побеседовали, он даже сказал, что, может быть, получится подыскать мне в будущем работу у них. Он рассказал мне о планах развития Шато, о строительстве туристических объектов, коттеджей для работников, показал топографические карты с расположением виноградников и даже расположенного на землях Шато грязевого вулкана. Они планировали устроить «приют» для тех, кому не нужны шум и гам курортов, кто хочет спокойно отдыхать на природе. В конце моего визита к нему зашла большая группа сотрудников и тепло поздравила его с днём рождения.

Я вернулся в гостиницу, попил чаю и, поскольку погода была по-прежнему прекрасной, решил отправиться погулять по виноградникам и окрестностям. Ближайший виноградник расположен на противоположной от хутора стороне шоссе. Лозы были ещё не обрезаны, листья с них ещё не опали и были скорее зелёные, чем жёлтые. К моему неожиданному удовольствию оказалось, что изредка попадаются небольшие неубранные гроздья винограда. Я попробовал несколько ягод и пришёл в восторг. Виноград, повисевший до 30 октября, набрал столько сахара, что слипались пальцы и губы. Попадались гроздья и белого и чёрного винограда, над многими из них вились тучи ос. Несмотря на конкуренцию ос, я съел не меньше килограмма ягод. Гуляя по винограднику, я наслаждался солнцем, которого так не хватает осенью (и честно говоря, и зимой и весной и летом) в Подмосковье. Потом заметил за виноградником лес и решил прогуляться до него.

Лес оказался замечательным – почва песчаная, как в сосновых борах около моего родного города Дубна, на ней растут сосны и дубы. Солнце ярко освещало золотистые стволы сосен, трава под ногами была ярко зелёной, я впервые гулял в российском южном лесу (до этого довелось побродить по подобному лесу в Швейцарии), и мне это нравилось. Половина лиственных деревьев, особенно кустарники, были ещё зелёными, а листва на других уже пожелтела. Несмотря на то, что нога человека здесь ступала, и очень даже заметно (везде был обычный для наших лесов мусор), я нашёл довольно много грибов: пару маслят, гриб-зонтик, сросток из 20-30 опят. Это тоже мне очень понравилось, я очень люблю эту тихую «третью» охоту.

Я прошёл лес насквозь, по площади он оказался небольшим, причём дальше росли преимущественно дубы впечатляющих размеров. Выйдя на другую опушку, я снова

увидел виноградник, но уже другой – старый и неухоженный, поднялся на холм, на вершине которого он располагался, и увидел вдали озеро. Так как времени до захода солнца было ещё много, я отправился к озеру. Заросшая просёлочная дорога пролегла по лугу и дальше по лесу. Виды природы так очаровали меня, что я впервые в жизни запел вслух наедине сам с собой. Я стал петь песню «Великий Бог»:

Великий Бог, когда на мир смотрю я,
На то, что Ты создал рукой Творца,
На всех существ, кого Свой свет даруя,
Питаешь Ты с любовью Отца.

Когда смотрю я к небу, к звёздам млечным,
Где дивно светлые миры текут,
Где солнце и луна в эфире вечном,
Как в океане корабли плывут.

Когда весной природа расцветает,
И слышу в дальней роще соловья,
И аромат долины грудь вдыхает,
И слух ласкает звонкий шум ручья.

Когда из туч навислых гром несётся,
И в ночи тёмной молния блестит,
Когда над почвой тощей дождь прольётся,
И радуга мой ясный взор пленит.

Тогда поёт мой дух Господь Тебе,
Как Ты велик, как Ты велик!
Тогда поёт мой дух Господь Тебе,
Как Ты велик, как Ты велик!

Приблизившись к озеру, я обнаружил, что оно рукотворное – люди сделали дамбу на пути крохотного ручейка, который в лесу, по пути сюда, я запросто перешагнул, и он образовал довольно большое водохранилище. В нём даже водилась рыба, о чём косвенно свидетельствовало присутствие двух рыбаков, спускавших на воду резиновую лодку.

Я вернулся в гостиницу, вдохновлённый природой, окружавшей хутор Садовый. За день до этого я видел природу рядом со своим участком, и она тоже меня очаровала. Всё вокруг мне нравилось. Немного перекусив и заказав на вечер ужин в номер (я решил не стесняться и не мелочиться), я снова пошёл гулять по хутору, дошёл до виноградника и леса. Ужин снова был обильным и дешёвым, всего 100 рублей. На следующее утро я снова на такси доехал Варениковской и сел на автобус до Анапы. Так как самолет вылетал после обеда, я решил заехать к Ирине Алексеевне. Она радушно приняла меня, я достал бутылочку белого вина из Шато, мы продегустировали его и даже не допили до конца, так как привычки пить вино с утра ни у кого из нас не было. Вместо этого мы попили чаю, я пообщался с ней и её дочерью Олей.

Как я уже писал, Ирина Алексеевна была очень приветливым человеком, а главное очень открытым. Когда мы с Таней жили у неё, она постепенно рассказала нам очень много о себе и о своей семье. Они с мужем благополучно жили в Петропавловске-Камчатском. Он был главой и владельцем строительной фирмы, состоятельным человеком. Но их дочь постоянно болела респираторными заболеваниями, и врачи посоветовали им сменить климат. Они переехали в Анапу в «весёлые» 1990-е годы. В то время в Анапе шёл почти такой же «отстрел» бизнесменов, как в Москве. Прописку тогда в Краснодарском крае было практически невозможно получить, даже имея своё жильё, они получили её только через суд. Бизнес муж оставил своему брату-близнецу в Петропавловске, а в Анапе у него была сравнительно небольшая строительная фирма. Они построили себе трёхэтажный таун-хаус, дочь поступила в университет по специальности туризм, и вдруг произошло несчастье: муж упал со строительных лесов на втором этаже строящегося дома и умер из-за внутреннего кровотечения, которое просмотрели местные врачи. Произошло это за год до нашего приезда. Ирина каждый день рассказывала нам о своём муже, о дочери и о себе. А потом неожиданно для нас пригласила нас на годовщину смерти мужа в начале сентября. Пришли их друзья, мы отказывались, но она настояла, это ещё более сблизило нас. Поэтому мне хотелось заехать к ней и поделиться своей радостью.

Проектирование своего дома

Итак, первая часть нашего плана была осуществлена. Теперь нужно было ждать известий от риэлтора Марины, которая должна была от моего имени зарегистрировать право собственности на участок и дом в регистрационной палате Крымска. Она говорила, что на регистрацию потребуется 30-40 дней, а после этого срока обещала почтой выслать копии свидетельств на право собственности.

Ждать письма пришлось очень долго, в конце концов, я позвонил ей и спросил, в чём дело. Она ответила, что всё в порядке, свидетельства она получила и давно выслала копии, правда обычным письмом, а не заказным, как мы договаривались. Мы договорились подождать ещё немного, письма так и не было, и я попросил её выслать мне оба свидетельства на факс на мою работу. Получив копии свидетельств, мы могли уже окончательно принимать решение об уходе с работы и переезде. Письмо с копиями мы так никогда и не получили. Наверное, потому что оно было послано перед самым Новым годом и безвозвратно утонуло в потоке поздравительной корреспонденции.

Тем временем мы начали самостоятельно проектировать свой дом. Я взял в библиотеке две книги, изданные в 1990-1991 гг., о строительстве индивидуальных домов на селе. В одной из них были здравые проекты, вернее планы домов. Потом я купил книгу «Строим дом быстро и дёшево», в которой оказался план, почти полностью нас устроивший, и мы стали рисовать свой собственный план, взяв за основу план одноэтажного трёхкомнатного дома из этой книги. Проекты двухэтажных домов мы отвергли почти сразу. Во-первых, нас всего двое, трёх комнат нам хватит, зачем располагать их на двух уровнях? Во-вторых, мы прекрасно понимаем, что с годами молодеть не будем, так зачем на старости лет карабкаться в спальню на второй этаж? В-третьих, мы тщательно изучили опыт некоторых друзей и знакомых, а также почитали статьи в Интернете. Даже пример дачного домика моей семьи доказывал, что второй этаж не нужен. За 30 лет своей истории

он никогда не использовался иначе, чем для сушки лука и чеснока. Поэтому, практически без колебаний, мы остановились на одноэтажном доме с большой террасой.

Вопрос о строительном материале тоже был решён довольно быстро. Моя жена родилась и выросла в деревянном (сосновом) доме на Алтае. Мои родители тоже выросли в деревянных (сосновых) домах в своих родных деревнях в Тверской и Ярославской областях. Дерево нам всегда нравилось и нравится. Как только в начале 2000-х гг. у нас появилось достаточно денег для покупки настоящей сосновой мебели, мы заказали и купили в Москве мебель для гостиной и спальни, сделанную из карельской сосны. Старую мебель из ДСП мы без сожаления продали за символическую сумму.

В настоящее время есть три варианта строительства деревянного дома: каркасный, брусовый или из оцилиндрованного бревна. Самый дешёвый вариант – каркасный дом. Делается каркас из стали или деревянного бруса, а промежутки заполняются изоляционным материалом (стекловата, минеральная вата и т.п.), внутренняя и внешняя обшивка делается по вашему выбору. Хотите, внутри обшиваете вагонкой или фанерой, или гипсокартоном и.д. Снаружи тоже возможны варианты: от пластикового сайдинга до блокхауса (доска, имитирующая оцилиндрованное бревно). Изучив каркасную технологию, мы пришли к выводу, что такой дом будет похож на полиэтиленовый мешок. Дело в том, что с обеих сторон утеплителя должны быть выложены паро- и гидроизоляционные полимерные плёнки. Они, безусловно, нужны, но что будет с воздухом в таком доме? Будет очень влажно! Поэтому в таких домах используется постоянная принудительная вентиляция. Самый дорогой вариант – дом из бруса. Самый качественный брус – клееный, то есть сделанный из предварительно высушенного и пропитанного антисептиком материала, как фанера. Дом, построенный из такого бруса, не будет потом давать усадку. От такого варианта мы отказались из-за высокой (для нас) стоимости. Остался средний вариант – оцилиндрованное бревно.

Мы стали изучать Интернет, самое большое предложение, естественно, было в Московской области. В Краснодарском крае нашли лишь одну фирму в городе Ейске. Стоимость бревна и работы показались нам завышенными, а также, по их условиям, нужно было дополнительно платить командировочные рабочим и кормить их. Это были расходы, не входящие в смету, и их было трудно предварительно оценить. Бродя по Интернету, я вышел на фирму из города Кирова, на мой запрос по электронной почте о цене они сразу ответили, приведя конкретную смету. Стоимость работ и материалов укладывалась в наши ожидания. Такой подход мне понравился, и мы решили в дальнейшем иметь дело с этой фирмой.

Преимущества деревянного дома

Что такое оцилиндрованное бревно? В принципе все жители центральной части России видели рубленые деревянные дома. По старинной технологии брёвна обрабатывали топорами, и, естественно, трудно было достичь идеального результата – бревно не было одинаковым по диаметру на протяжении всей своей длины. По современной технологии бревно прогоняют через станок, который «цилиндрует» его, то есть обеспечивает тот самый одинаковый диаметр. Также за этот прогон на станке вдоль всего бревна снизу вырезают полукруг, чтобы верхнее бревно как можно больше находило на нижнее. А

сверху делается небольшой продольный прорез для того, чтобы уменьшить растрескивание бревна при сушке. По современной технологии брёвна сразу после оцилиндровки пропитывают антисептиком.

Дерево обладает множеством преимуществ по сравнению с другими материалами для строительства дома, и, насколько я могу судить, только одним, но существенным недостатком – хорошей горючестью. Перечислю те преимущества, о которых знаю:

- Низкая теплопроводность, бревно толщиной 20 см заменяет кирпичную стену толщиной 120 см!
- Дерево обеспечивает идеальную естественную вентиляцию помещений. Воздух из комнаты относительно медленно диффундирует поперёк бревна, а затем быстро – по волокнам к торцам, которые находятся на улице.
- Дерево обеспечивает оптимальный влажностный режим внутри дома.
- Дерево пластично. Если происходят какие-то подвижки фундамента, а они после строительства практически неизбежны, то брёвна займут новое положение, а кирпичная стена при этом треснет.
- Дерево выглядит красиво, декоративно. Оцилиндрованное бревно нужно только покрыть достаточным количеством специальных составов, содержащих антисептик и другие средства для сохранения древесины от ультрафиолетовых лучей, и тогда снаружи и изнутри оно будет выглядеть «как в сказке».

Конечно, мы рассмотрели и варианты строительства не из дерева. Очень коротко можно суммировать результаты наших исследований:

1. Бетонные дома (много вариантов от обычного железобетон до пенобетона или блоков из керамзита). Основной недостаток – высокая теплопроводность. Летом – жарко, зимой – холодно. Требуют отделки как снаружи, так и внутри дома после окончания строительства.
2. Кирпичные дома теплее, но всё равно холодные. Требуется отделка только внутри дома. Хороший кирпич – дорогое удовольствие. Идеальный вариант – деревянный дом, снаружи обложенный кирпичом. Но нам он был не по карману.

Итак, к моменту нашего переселения мы решили, что будем строить дом из оцилиндрованного бревна и подрядчиком, скорее всего, будет фирма из Кирова, так как их расценки были ниже подмосковных и краснодарских фирм.

Почти до самого конца я держал наши планы в секрете от своих ближайших родственников – мамы и сестры, а также ничего не говорил коллегам на работе. В новом, 2009 году, мы должны были принять окончательное решение – бросаем мы всё и переезжаем или нет. Сомнений уже почти не оставалось – мы решили переезжать. После этого я объявил о своём уходе на работе директору и своей маме. Директор очень удивился моему решению и стал уговаривать меня одуматься. Его аргументы были весомыми, и, как потом оказалось, некоторые оказались правильными: «Ты не найдёшь там работы, разве что учителем в школе». «Ты уверен, что туда, в случае чего, сможет доехать «скорая»?» и т. д. Самым серьёзным доводом, по его мнению, было то, что наш институт обо мне всегда позаботится. Я это знал. Я знал, что в случае чего институт меня

и похоронит и поминки справит. Это я наблюдал неоднократно. Но именно от этого и хотелось сбежать. Нам хотелось жить своей жизнью, чтобы хоть что-то зависело от нас, а не от института или ЖЭКа или мэра города. В конце концов, моё заявление об уходе было подписано.

Самым тяжёлым было сказать о нашем решении маме, она выслушала меня стоически, но потом моя сестра позвонила мне и сказала, что мама плачет. Практически все наши друзья, родственники, знакомые и коллеги если не прямо выразили эту мысль, то обиняками дали нам понять, что мы сошли с ума. Основным возражением против идеи проживания в собственном доме было: «А вы понимаете, что вам ВСЁ придётся делать самим?» Имелось в виду не столько строительство, сколько обслуживание собственного дома. А это очень пугает современного городского жителя, который вместо того, чтобы поднапрячься и изучить устройство унитаза (не самого, по моему мнению, сложного прибора), будет месяцами мучиться из-за постоянных проблем с тем, что тот продолжает течь, с сантехниками из ЖЭКа. Так как у меня уже был богатый опыт самостоятельного ремонта унитазов, установки смесителей на кухне и в ванной, установки газовой плиты и газовой колонки, даже замены в своей квартире куска водопроводной трубы, то именно эта проблема меня не пугала. На самом деле пугало очень многое, главным образом неизвестность, но мы надеялись на Божью помощь.

Нашёлся только один человек, который одобрил наше решение и даже поддержал нас в этом. Это была наша коллега, Наталья Гавриловна, тогда ей был 81 год, а сейчас уже 86 лет, она до сих пор работает. Оказалось, что она несколько лет жила в Сочи, и что даже её сын, которого мы знали, родился в Сочи. Она любит Кавказ и сказала, что мы приняли правильное решение. Именно она дала нам почитать книгу Питера Мейла, о которой упоминалось в начале этого рассказа. Наталья Гавриловна казалась нам очень сдержанной, даже суховатой женщиной, но на деле оказалась романтиком и сказала нам, что то, что мы предпринимаем, будет приключением всей нашей жизни!

Мы продолжили теоретическую подготовку к строительству собственного дома, много читали на эту тему в Интернете. Особенно помог нам сайт www.okolotok.ru Дмитрия Костылева. Он подробно рассматривает все вопросы, относящиеся к самостоятельному строительству собственного дома, и даёт дельные советы. Наверное, самый важный совет был: «Поймите, что у вас и нанятых вами строителей – разные задачи. У вас – построить дом. У них – слупить с вас деньги». Я старался помнить про это во время строительства, но, к сожалению, не всегда следовал этому совету.

Также Дмитрий привёл цитату из американской книги по строительству саманных домов о том, что перед строительством нужно прочувствовать место, на котором собираешься строить дом и потом жить в нём. Приведу полную цитату из той книги: «Дом будет более удачным, если вы сможете наблюдать за участком в течение целого года, видеть, где снег тает позже всего, почувствовать, как тень помогает в послеобеденное время в июле. Возможно, Вы могли бы ездить туда круглый год, готовить на улице, спать в том месте, где, возможно, в будущем будет стоять Ваша кровать. Можете ли вы купить трейлер и побыть там год или, по крайней мере, понемногу во все времена года? Попробуйте побывать там во время проливных дождей, бурь, когда температура самая низкая, в раннее зимнее утро». Мы знали, что у нас такой возможности не будет. Мы должны будем

сразу после продажи квартиры построить дом до зимы. Но эта мысль помогла нам впоследствии как можно ответственнее подойти к выбору места для будущего дома.

Время шло быстро, мы дорабатывали последние месяцы на работе, которой посвятили большую часть своей сознательной жизни. Параллельно я учился на курсах вождения автомобиля. Приобретя совсем небольшую практику вождения по узким из-за снега и припаркованных машин улицам Дубны, я получил водительские права 27 февраля. Мы решили ехать на свой участок в середине марта, пробыть там месяца два, чтобы подготовиться к строительству и переезду, затем вернуться в Дубну, продать как можно быстрее квартиру и начинать строить дом на новом месте. К тому времени у нас уже был потенциальный покупатель, с которым мы договорились, что продавать квартиру мы будем летом, в июне или июле.

Впервые на своей земле

Середину марта мы выбрали как начало весны в Краснодарском крае, надеялись, что там будет уже тепло. Я купил билеты на 15 марта на поезд Москва – Анапа до остановки станция Крымская. Мы взяли с собой очень много вещей – три тяжёлых чемодана, так как ехали в дом, в котором из мебели был только диван-кровать. Поэтому пришлось нанять такси от своего дома до Казанского вокзала в Москве. В купе кроме нас был только ещё один пассажир, очень полная женщина, которая ехала в пансионат в Анапу по льготной путёвке от московской мэрии. Всю дорогу она непрерывно ела, причём как говорится, с чувством, с толком с расстановкой, при этом жаловалась на здоровье, которое, как мы прекрасно понимали, она сама же и гробит своим обжорством.

Мы предварительно сообщили бывшему хозяину Сергею Ивановичу, что приезжаем 17 марта в 5 утра. Как ни странно, он намёк понял и встретил нас на вокзале. Мы надеялись на это, но совершенно не рассчитывали. Он быстро довёз нас до нашего участка, мы занесли вещи в дом, и тут нас ждала первая проблема – в доме не было света. В прошлом году, когда я ездил покупать дом, электричество в нём было. Это было очень неприятным открытием. Вторым неприятным открытием была погода – на улице было холодно, мы рассчитывали на более тёплую погоду. Когда мы собирали вещи, я даже не хотел брать рубашки с длинным рукавом, а только с коротким и футболки. К счастью Таня оказалась более предусмотрительной и взяла не только рубашки с длинным рукавом, но и свитера.

Таня начала растапливать печку, а я отправился в продуктовый магазин. По дороге я встретил на улице и поговорил с относительно дальними соседями, Виктором и Светланой, они приблизительно в нашей возрастной категории и переселились сюда из Кемеровской области лет 20 назад. Они сказали, что в магазин можно не идти, он уже закрыт, хотя было утро. Пришлось возвращаться домой. После обеда к нам неожиданно заехал Сергей Иванович и предложил съездить с ним в Варениковскую, я, конечно, согласился. Он ехал в хозяйственный магазин купить два мешка цемента, а я, благодаря ему, купил много разных вещей, совершенно необходимых для новой жизни – топор, лопату, два оцинкованных вёдра, два пластиковых таза и умывальник.

На выезде из Варениковской он завёз меня в сетевой участок электриков, они сказали, что занимаются только сетевыми подключениями, а проблемы внутри домов их не касаются. Но мне всё-таки удалось уговорить их приехать к нам, как только они смогут. На

обратном пути мы забуксовали около участка Сергея Ивановича, хотя у него была полноприводная «Нива», вдобавок к этому пошёл дождь с градом. Электрики приехали и восстановили подачу электричества, когда уже начинало темнеть, оказалось, что просто окислились провода в месте скрутки подводящих алюминиевых и выходящих изнутри дома медных проводов. Электрики почистили их ножом, снова скрутили и взяли за работу 300 рублей. Но мы были счастливы. Таня весь день топила печку, а я пилил сухие сучья ореховых деревьев ножовкой привезённой с собой в чемодане, об этом мы подумали заранее. Несмотря на это в доме было холодно, около 12 градусов, спать пришлось в одежде.

Спали мы на раскладном диван-кровати, оставшемся от предыдущего, до Сергея Ивановича, владельца. С виду он был вполне приличным, только обивка потёрлась в некоторых местах. Почему его не забрали бывшие владельцы, разъяснилось в первую же ночь – некоторые (хорошо, что только некоторые) пружины у него были продавлены, сломаны и торчали из дивана, и спать на нём было, мягко говоря, очень неудобно. Этот диван был нашим ложем в течение нескольких месяцев. Мы пытались починить его, полностью сняли обшивку, разобрали и снова собрали, поняв, что ремонту он не подлежит.

На следующее утро, 18 марта, было холодно, 2-4 градуса, шёл дождь. Нужно было купить основные продукты и молоко. Я взял зонтик и пошёл в кроссовках по лужам в магазин, который находится от нас в 15 минутах быстрой ходьбы. По дороге встретился только один человек – девушка в летнем платье, которая шла под сильным дождём без зонта. Это было как в фильме итальянского режиссера Феллини: очень странно и романтично. В магазине я купил разных круп, сахара, хлеба. Около магазина женщина торговала живой рыбой, привезённой из-под Темрюка – карасями и краснопёрками.

На обратном пути я долго стучал в ворота Лидии Елизаровны, чтобы договориться о покупке молока, она была единственной, о ком хорошо отозвался Сергей Иванович и рекомендовал мне покупать молоко именно у неё. Так как она не услышала меня, пришлось вернуться после обеда и снова стучать. На этот раз она открыла ворота, но молока не дала, сказала, что корова скоро будет телиться и молока даёт мало. Лидия Елизаровна худощавая, прямая женщина, в 2009 году ей было 72 года. Она посоветовала обратиться к её соседке, бабе Даше. Я попросил Елизаровну (так её зовёт большинство соседей) продать немного картошки, она вынесла несколько килограммов и денег не взяла. Дальнейшая жизнь показала, что она щедрый человек, готовый всегда поделиться и вещами и продуктами. И ещё я договорился, что буду регулярно покупать у неё яйца. После этого зашёл к тёте Даше, которая живёт в соседнем с Елизаровной доме, и договорился о том, что мы будем регулярно покупать у неё молоко. Ей был тогда 81 год, она маленького роста и ходит, сильно согнувшись к земле.

Одной из основных работ Тани стало топить печку, причём не только для тепла, но и для приготовления пищи. Она говорила, что в детстве, когда жила с родителями на Алтае, они зимой протапливали дом всего два раза в день – утром и вечером, а здесь, весной на Кубани, приходилось топить три раза в день, и всё равно в доме было холодно. Во-первых, этот дом каменный, а во-вторых, пол в нём фактически земляной, практически на

земле в одной комнате лежит линолеум, а в другой – ДВП, который мы по-старинке называем оргалит.

Знакомимся с соседями

Утром следующего дня к нам зашёл сосед снизу и справа, Геннадий. Так как позже появится ещё один сосед с таким же именем, я буду называть нашего непосредственного соседа так, как он представился, просто Гена. Ему было 57 лет, приехал из Самарской области всего на год раньше нас. Работал на севере, электриком в Надымгазжилстрое, заработал себе льготную пенсию с 55 лет, а теперь хочет пожить для себя, как он выразился. С женой развёлся, так как она начала пить. Есть двое взрослых детей, сын и дочь. После обеда пришёл его друг, Игорь, ему лет 35, родом из того же посёлка, что и Гена. Он предложил съездить вместе с ним в Крымск на его «Оке». Интересно, что хотя Игорь очень высокий (не ниже 190 см), он совершенно спокойно помещался в своей машине. Таким образом я впервые побывал в Крымске при дневном свете. Этот город совершенно не похож на курортную Анапу, а скорее на станицу Варениковская, да он и был станицей Крымской до 1958 года. Заасфальтированы только главные улицы, а если отъехать немного в сторону, то попадаешь на грунтовую дорогу, которая всё-таки лучше, чем в Средней России, так как засыпана так называемым «околом», то есть крупным известняковым щебнем. Такой грязи, как в обычных российских сёлах нет, но всё равно луж было много.

Всю дорогу Игорь говорил без умолку. Оказалось, что он «дальнобойщик», изъездил весь бывший СССР, бывал даже в Дубне. Теперь он решил осесть с семьёй (у него жена и трое маленьких детей) в нашем селе. Гена год назад купил хату и прилегающую к ней землю (48 соток), сейчас они занимаются оформлением земли в собственность, потом разделят её поровну, и Игорь начнёт строить дом на верхней половине участка, то есть будет нашим самым близким соседом справа. Игорь с семьёй живут в Крымске, снимают дом, а он работает водителем маршрутного такси в Анапе, чтобы заработать деньги на строительство дома. В Крымском районе, по его словам, таких зарплат нет.

В Крымске мы сначала подъехали к дому, в котором живёт семья Игоря. Это был хороший дом из красного кирпича, не меньше трёх комнат, платят они за него всего 4 тысячи в месяц. Он зашёл буквально на несколько минут, и мы поехали по своим делам. Игорь часто ночует у Гены, так как на работе нужно быть рано, а ехать в Анапу всё-таки ближе от нас, чем от Крымска. Они показали мне городской рынок. Это, может быть, главное место в городе. Там было всё – овощи, фрукты, рыба, мясо, всевозможные крупы – одних видов риса около десятка, мука и тому подобное, а также хозяйственные товары. Пройдя рынок насквозь, мы оказались на улице, усеянной магазинами. Мне нужно было купить мотопилу. Следуя совету, данному мне ранее другом в Дубне, я купил в магазине под названием «Левша» не бензо, а электропилу японской фирмы «Макита», помня его отзыв о «неубойности» их инструмента.

Обратно мы ехали по объездной дороге Крымска, я был впечатлён её хорошим качеством. Ведь весной в Подмосковье, после долгой зимы, практически все дороги полностью разбиты. Совсем недавно я сдавал экзамен на вождение, то и дело попадая в глубокие ямы, прикрытые лужами. Когда мы подъехали ближе к нашим краям, Игорь решил

показать мне ещё одну дорогу в наше село. Мы свернули с главной трассы Крымск – Варениковская несколько раньше и оказались на грунтовой дороге. Так мы и ехали около 10 км до дома Гены. Места там тоже были живописные, ближе к шоссе расположен хутор Кубанская Колонка (сокращённо Кубколонка), а посередине пути – село Баранцовское, которое все называют Микоян, так как в нём живут преимущественно армяне. Кстати, наше село чаще называют сокращённо Покровка (по-южному звучит как Покроука). Когда осенью я оформлял документы на дом, меня и двух других женщин попросили выйти на улицу из агентства, так как собирались пересчитывать деньги, передаваемые от покупателя к продавцу. На улице мы разговорились, и когда женщины узнали, что я купил дом в Покровке, они с удивлением сказали: «В этой глуши?» Я не стал им говорить, что, на мой взгляд, и их Варениковка (обиходное название Варениковской) тоже глушь, но может быть этот эпизод поможет читателю лучше понять, где мы теперь живём.

Продолжаем знакомиться с соседями

На следующий день, 20 марта, снова было холодно, 4-5 градусов, и дул сильный ветер. В то же время рядом с нашим домом цвели жёлтым цветом кусты кизила, а дальше на участке цвело розовым цветом высокое дерево, «куряга» (то есть дикий абрикос), как назвал его наш самый близкий сосед Александр Павлович, с которым мы в этот день поближе познакомились. Он рассказал нам, что он беженец из Грозного, всю жизнь проработал машинистом электровоза, закончил свою рабочую карьеру машинистом-реvisorом. Ему 63 года, с женой он в разводе. В тот день к нему приехало трое гостей на «Жигулях»: его знакомая Татьяна с сестрой и своей подругой.

Мы осмотрели свои владения. Согласно свидетельству на право собственности нам принадлежит 25 соток, однако фактически участок гораздо больше, примерно 40 соток. Причём колодец почему-то не входит в границы 25 соток. На следующий день, в субботу, мы съездили на рынок в Варениковскую, чтобы купить жизненно необходимые галоши и сапоги. В этот же день я опробовал электропилу и быстро напил дров сразу на три дня. Таня расчистила от земли и травы большие плоские камни около входа в дом, стало чище и, что мне понравилось больше всего, двор сразу стал выглядеть как-то по-южному.

За первую неделю мы очень устали от физического труда, поэтому в воскресенье отдыхали. Сходили выше на гору, на склоне которой расположен наш дом. Уже цвели примулы и другие цветы. Погуляли по заброшенному колхозному саду, в котором доживают свой век неухоженные яблони и груши. Почти на всех растут омелы. После обеда измеряли участок и планировали, где можно ставить новый дом. Получалось, что вариантов не так много, и, скорее всего, придётся сносить сарай, чтобы на его месте строить новый дом.

Следующая неделя снова была насыщена многими неотложными делами. Таня нашла рядом с домом «месторождение» глины, замазала все щели и дефекты на стенах внутри дома и затем покрасила их. Сразу стало гораздо уютнее. Я разобрал деревянную пристройку к каменному сараю и использовал доски для того, чтобы сделать новую крышку для устья колодца, старая совсем сгнила.

В среду, 25 марта, Александр Павлович организовал мою поездку в Крымск вместе с Виктором Павловичем, ему около 60 лет, он подполковник в отставке, последним местом

воинской службы был город Феодосия. Он тоже наш сосед, живёт недалеко от нас и Александра Павловича. У него было много разных дел в Крымске, а заодно он взял и нас. Очень много времени мы провели на рынке. Оба Павловича родом из Грозного, то есть коренные южане. Они просто наслаждаются, прогуливаясь по рынку, щупая, пробуя, торгуясь и разговаривая с продавцами. Я привык совсем к другому стилю жизни: пришёл, нашёл, купил, ушёл. До сих пор я постепенно усваиваю новый для меня, южный, неторопливый стиль. Это касается не только рынка. Например, я быстро хожу. Все, с кем я здесь познакомился и подружился, говорят мне: «На юге так ходить нельзя! Куда ты торопишься? Только вспотеешь!»

Выехали мы в девять часов утра, а вернулись только часа в четыре. Я очень хотел есть. Зато купил ватный матрац на диван (так как спать на впивающихся в бок пружинах становилось невыносимо), электрические лобзик и рубанок (конечно же, снова фирмы «Макита»), ведро краски, не говоря о многих других полезных вещах. Мы подъехали к дому Виктора Павловича, расположенному недалеко от нас, и мне потребовалось немало усилий, чтобы донести все покупки до своего дома. Самым трудным был крутой подъем от дома Виктора Павловича на нашу горку. Но зато как красиво оказалось на горе – около тропинки цвели высаженные кем-то (позже я узнал кем) нарциссы. Впервые мы спали с относительным комфортом на мягком матраце, хотя диван по-прежнему страшно скрипел при каждом нашем движении.

В четверг в 9 утра мы впервые поехали в Варениковскую самостоятельно, на рейсовом автобусе. Чтобы добраться до автобусной остановки в хуторе Свет нужно спуститься с нашей горки, перейти убогий деревянный мостик через Псебепс около дома Елизаровны, пройти по краю поля до дороги, потом ещё минут пять по обочине шоссе до остановки. Быстрым шагом всего 15 минут. Снова покупали необходимые вещи: кастрюли, розетки и выключатели, для замены старых, грабли и швабру. После приезда домой начался сначала мелкий, а потом и сильный дождь.

В пятницу после обеда к нам в гости пришла Лидия Елизаровна. Она рассказала нам историю своего приезда сюда. Оказывается, лет тридцать назад её семья переселилась сюда из Киргизии, куда её родителей в своё время сослали как «раскулаченных». Старший сын служил в Армавире и ему очень понравился Краснодарский край. Потом младший сын учился в морском училище в Керчи. И вся семья решила переехать сюда. Они с мужем проработали 30 лет на овцеводстве, муж был бригадиром на овцеферме, у них всегда были машины, от «Победы» до «Волги», держали до трёх коров. Муж умер девять лет назад, теперь она живёт одна и очень скучает по мужу.

В субботу весь день работали, вечером, как всегда, помылись на кухне в тазаках. Позже, когда потеплело, мылись на улице, под орехом за домиком.

Вербы и день рождения

В воскресенье после обеда к нам пришли Геннадий (он наш дальний сосед, живёт за речкой, совсем на отшибе) со своей собакой Шайтаном (маленькая, но симпатичная, несмотря на кличку, собачка) и Анатолий (живёт между Александром Павловичем и Виктором Павловичем), чтобы сговориться спилить две вербы около нашего дома. Я совсем не ожидал их визита прямо сегодня. Накануне я просто посоветовался с Виктором

Павловичем, как быть с этими вербами, и он сказал мне, что пришлёт самого непьющего мужика из соседей, чтобы он спилил вербы. Вербы были старые и очень толстые, в два обхвата. Я уже давно пилил упавшие с них сучья, толщиной с хорошее дерево. В своё время один из упавших сучьев уже проломил крышу сарая, а другой порвал провода между нашим домом и домом Александра Павловича. С тех пор вербы ещё больше состарились и подгнили, и мы не хотели, чтобы они снова порвали провода, проломали крышу уже не сарая, а нового дома или сломали колодец.

Мужчины предложили свою цену – две тысячи рублей за обе вербы, пришлось согласиться. Они принесли бензопилу и начали пилить. А через некоторое время я начал молиться, чтобы всё обошлось без членовредительства. Они лазили по деревьям без всякой страховки, вставали на ветки в немыслимых позах и почти буквально пилили сучья, на которых стояли. Первым делом они очистили стволы снизу от многочисленных мешающих веток, а затем начали пилить толстые стволы. К вечеру они свалили оба дерева, всё обошлось благополучно, никто и ничто не пострадало.

Анатолий пригласил меня к себе в гости, угощал домашним вином, своим копчёным салом и хлебом, испечённым в своей хлебопечке. Вино он наливал из стеклянного графина в стеклянные рюмки. Это было очень необычно, я привык, что из рюмок пьют водку, а вино пьют из бокалов. Я впервые пил настоящее домашнее вино. Сначала оно показалось мне странным, но потом я постепенно привык к настоящему вину и теперь сразу отличаю его от ненастоящего. Могу уверенно сказать, что практически всё вино, продающееся в магазине, – не настоящее. Анатолий сказал, что, если бы пришла и Таня, то он угостил бы её другим, более хорошим вином.

Анатолий живёт слева от нас, под участком Александра Павловича. Он с гордостью показал свой дом – построенный им собственноручно из блока в начале 1990-х годов, когда он с семьёй бежал сюда из Приднестровья, где тогда шла гражданская война. У него взрослый сын, Дима, которому принадлежит магазин в нашем селе. Жена Димы Люда работает в нём продавщицей, у них есть дочь Кристина. Старший сын Анатолия трагически погиб несколько лет назад. Совсем недавно, 3 сентября 2008 года, тоже трагически, погибла жена Анатолия Светлана (позже я понял, что именно в этот день мы приезжали сюда впервые). Это она посадила те самые нарциссы на горе, которые так порадовали мой глаз, когда я возвращался от Виктора Павловича.

Понедельник, 30 марта, был моим днём рождения, который я «ознаменовал ударным трудом». Пилил доски электро-лобзиком, а потом строгал их электро-рубанком. Из подготовленных досок сделал полку для посуды, которую поставили на печку, и почти закончил стеллаж с четырьмя полками для размещения нашей одежды и вещей. Тут нужно сделать небольшое, но необходимое, отступление и рассказать о моём отношении к физическому труду. Честно говоря, я его не любил, но стараюсь полюбить. Никогда до этого я не держал в руках электропилу или электро-лобзик или электро-рубанок. Тем более не работал ими.

Я никогда не был бездельником: много и хорошо работал (получал похвальные грамоты) в летних трудовых лагерях после 8 и 9 класса, работал в студенческом строительном отряде, помогал родителям осваивать садовый участок и строить на нём дом. И наконец, в 1997-

1998 г. мы вдвоём с женой практически самостоятельно сделали капитальный ремонт вновь приобретённой двухкомнатной квартиры. Но удовольствия мне такая работа не приносила. Другое дело Таня – она всегда творчески подходила к такой работе, думала, как лучше и проще её сделать. Меня же губит перфекционизм (желание, чтобы плод моего труда был совершенством) и отсутствие терпения, я хочу, чтобы всё получалось быстро. Я практически никогда не бываю доволен тем, что сделал. Таня меня хвалит, но я считаю (она утверждает, что совершенно напрасно), что она делает это по долгу жены.

Многие предыдущие годы я устраивал себе выходной в день рождения – брал на работе отгулы. И хотя сейчас ситуация была другой, не до отдыха было, после обеда мы всё-таки не стали работать, а пошли ещё раз прогуляться по «своей» горе. На ней по-прежнему цвели примулы и много других цветов. Было 18 градусов тепла. Я фотографировал, мы полюбовались видами природы, и пошли домой. Вернувшись, увидели, что, наконец, снова пришли Геннадий с Анатолием и пилят поваленные деревья на чурки.

Но на этот раз они работали иначе, чем в первый день. Анатолий принёс двухлитровый графин вина и рюмки, которые поставил в кустах. Они часто подходили к нему, пили вино рюмками и курили. Работа шла очень медленно, ещё больше она задержалась из-за того, что они сломали зубья цепи, нечаянно перепилив вместе с бревном сетку Рабица, лежавшую под ним. В конце дня они подошли и попросили половину оговоренной суммы за уже сделанную работу. Я дал им деньги (это была ошибка, после этого пришлось их очень долго ждать). А мы с Таней решили, что нам нужно прекратить так упорно работать, как мы это делали до сих пор, сократить рабочий день и ввести второй выходной день, но не в субботу, а в четверг, чтобы отдых был равномерно распределён в течение недели.

В среду у нас было «новоселье». До сих пор мы жили на кухне. Таня докрасила комнату, и вечером мы вдвоём с трудом втащили в неё диван. Я доделал стеллаж, который тоже поставили в комнате и сразу уложили в него вещи. Наш быт постепенно налаживался.

Бывший владелец нашего дома

В четверг мы действительно устроили себе выходной. Я сходил к Сергею Ивановичу, он просил помочь с компьютером. Поселившись здесь несколько лет назад, он по-прежнему живёт в мазанке, газового отопления нет, только недавно он сделал душ в сарае, да и то, как выразился, для жены. В этом же сарае стоит автоматическая стиральная машина. По его словам, такой образ жизни его устраивает. Помимо этого участка ему принадлежит ещё три участка справа от него, на берегу Псебепса, за которыми начинается уже совсем узкое ущелье. Постепенно мы узнали, что несколько лет назад он скупил здесь и в Кубколонке несколько участков земли совсем дёшево по сегодняшним временам. Теперь он постепенно их продаёт. Наш участок был им куплен за 60 тысяч рублей.

Родился он в Свердловской области, учился на биолога в Свердловске, стал кандидатом биологических наук. Потом очутился в научном институте в Черноголовке Московской области, а в начале 1990-х годов занялся бизнесом в Москве. В начале 2000-х годов приехал сюда и довольно дёшево скупил участки, в основном уезжавших в Америку турок-месхетинцев. По образованию Сергей Иванович – орнитолог, то есть специалист по птицам. За то очень короткое время, что мы с Таней общались с ним, мы много узнали от

него о местных птицах. Интересно, что, по его словам, здесь он вывел породу бойцовых голубей. Есть в этом что-то демоническое: птица, символ мира и вдруг бойцовая. Я видел его видео об этих голубях в Интернете, к счастью они только пихаются и сталкиваются друг друга с кормушки. Никаких вырванных перьев и луж крови.

Сергей Иванович очень сложный человек. Чувствуется, что жизнь у него была несладкая. Я общался с ним совсем недолго, только при покупке дома, и потом он два раза просил меня помочь ему с компьютером. А затем он, скорее всего, узнал, что мы верующие и больше мы его ни разу не видели, даже случайно, уже три года, хотя он сосед Виктора Павловича. Он успел рассказать мне, что в начале 1990-х стал верующим (православным), а потом однажды, когда стоял и молился на коленях Богу, вдруг понял, какой глупостью он занимается и даже учит этому своих двоих сыновей. Он встал с колен и с тех пор сражается с Богом. Сейчас он пишет книги о доязыческой Руси и издаёт их за свой счёт. Сыновья уже взрослые, живут в Москве, иногда приезжают сюда. Не так давно он женился второй раз на молодой женщине, которую увидел в передаче «Ищу тебя». Она искала какую-то подругу, и очень ему понравилась. Он позвонил на телевидение, узнал номер её телефона, начал с ней переписываться по электронной почте и вызвал её из Тольятти сюда. В то время, когда мы их видели в последний раз, у них уже была маленькая дочка.

В следующий раз Анатолий и Геннадий появились только через несколько дней, в пятницу, причём привели с собой ещё одного мужчину по имени Сергей, он был повыше них и нёс пилу «Дружба» с более длинной цепью. С ними снова были графин и Шайтан. Чувствовалось, что этот графин был уже не первый. Они доделали большую часть работы, но всё равно спилить пни ближе к земле им не удалось, да они не очень-то и пытались. Более того, увидев, что вокруг пня той вербы, что росла у колодца, вьются очень большие фиолетовые насекомые, похожие на ос, они сказали, что это жуткие местные осы, которые если укусят, то мало не покажется. Поэтому дальше они пилить не будут, да и мне не советуют даже приближаться к этому пню.

Потом мы долго спорили о том, должны ли они распилить на чурки все стволы и сучья. Мне удалось настоять на своём и толстые стволы они распилили на куски. На мою долю осталось собирать их со своего и соседнего участка, на который упала вторая верба, и таскать ближе к дому, с восточной стороны которого мы устроили поленницу. А вместо верб остались стоять два высоких, почти в рост человека, пня. Кстати, Сергей Иванович сказал мне позднее про этих «ос», что на самом деле это один из видов стрекоз. Позже я спросил у Виктора Павловича: «Так по-вашему Геннадий – непьющий?» А он ответил: «Он самый непьющий из работавших у меня мужиков с нашего хутора».

В субботу, 4 апреля, меня взял в Варениковскую Виктор Павлович. Я купил на рынке бензокошу и щуку весом 2,5 кг. На рынке можно купить свежую морскую и речную (скорее озерную – из лиманов) рыбу. Из морской почти всегда есть пеленгас (вид кефали), а из речной – щука, судак, сазан, карп, карась, толстолобик. Когда мы подъехали к дому Виктора Павловича, произошло небольшое чудо: нас окликнул Анатолий, который живёт рядом, и сказал, что только что почтальон оставила ему для меня посылку. Оказалось, что это трёхтомник Жана Кальвина, который я заказал в петербургском издательстве Мирт

ещё из Дубны, уже зная свой новый адрес. Я почувствовал, что, несмотря на то, что мы забрались в такую «глушь», цивилизация всё-таки не так уж и далеко.

Пожар

В воскресенье утром мы с Таней на автобусе съездили в Варениковскую, вернулись домой и сели пить чай. Только мы его заварили, как увидели в окно кухни дым. Выбежали из дома и увидели пожар, который надвигался с участка Александра Павловича на наш. Ещё на прошлой неделе он говорил: «Вот стихнет ветер, я сожгу траву на своём участке. Всё будет под контролем, не волнуйтесь». На самом деле ветер в это воскресенье был довольно свежий и дул с юга, то есть прямо на наш участок. Горели сухая трава, кусты дикой сливы и ежевики. Пришлось вместо чая бегать по участку, заливать огонь, который в одном месте полосой прошёл через весь наш участок и перешёл даже на участок Гены. Я поднимал воду из колодца, моя Таня тушила огонь из ведра, а Татьяна, подруга Александра Павловича тушила, сбивая огонь своей курткой. Один Александр Павлович невозмутимо ходил по участкам с ведром и заливал огонь из маленького ковшика. Как мы потом поняли, это был самый правильный способ эффективно гасить огонь, экономя при этом воду.

Наконец пожар потушили, мы пообедали и после обеда сели пить кофе. Вдруг снова видим в окно дым. На этот раз горели огромные сухие остатки одной из верб, которые лежали на границе участков рядом с нашим деревянным туалетом. Во время первого пожара они начали тлеть, мы этого не увидели, а теперь они горели всю. Пришлось снова тушить, причём воды потребовалось гораздо больше, так как дерево было рыхлое, и огонь уже глубоко проник в него. Хорошо, что это случилось днём, а не ночью, а то не видать бы нам своего туалета.

К сожалению, здесь, на Кубани, люди любят делать палы. Жгут траву у себя на участках, жгут траву вокруг своего участка, жгут стерню на полях. При этом, «как ни странно», случаются пожары. Оказывается, незадолго до нашего приезда горела сухая трава непосредственно над нашим участком. Кто-то поджёг траву в заброшенном саду, и огонь пошёл дальше вниз, в нашу сторону. Наши соседи пытались потушить его своими силами, но не смогли, пришлось вызывать пожарную машину. Понятно, что жгут траву из-за лени, вместо того, чтобы постоянно скашивать её.

Соловьи, еноты и люди

В понедельник я начал испытывать свою бензокосу. По инструкции она должна заводиться после 4-5 рывков пускателя, я сделал 40-50 попыток, но заводиться она не желала. Я сходил к Анатолию, у которого, как я знал, была бензокоса, но он тоже не смог её завести. Потом ко мне подходил Александр Павлович, чтобы помочь, и у него ничего не получилось. Наконец, в один прекрасный момент, коса завелась, я отложил её до времени и начал устраивать поленницу из чурок напротив окна кухни. Для этого нужно было расчистить место. Тем, кто живёт в средней полосе России, трудно представить себе насколько велика здесь жизненная сила растений. Та часть участка, на которой я собирался устроить поленницу, была с одной стороны огорожена сеткой Рабица. Сквозь сетку проросли хмель и другая, неизвестная нам, но более мощная, чем хмель, местная лиана, а также колючие шиповник и ежевика. Всё это переплелось с сеткой и между

собой, и пришлось очень долго всё это вырезать и вытаскивать. Также в этом месте оказалась очень длинная полёгшая старая трава, которую не косили несколько лет. Так что в этот день мне удалось только расчистить место для поленницы, которую я стал укладывать на следующий день, взяв для перевозки чурок двухколёсную тележку у Александра Павловича. Таня таскала и ломала ветки.

Вечером после окончания работы мы почувствовали, что очень устали и надо отдыхать, но увидели, что сосед Гена жжёт что-то, и дым идёт прямо вверх, то есть, ветра практически нет. Мы решили, что если сожжём всю накопившуюся вырезанную нами сливу, то пожара не устроим. Дикая слива была нашим главным врагом. Она прекрасно вегетативно размножается, заполонила большую часть нашего участка, и вдобавок ко всему усеяна длинными колючками. Нам пришлось выкорчевать целую небольшую рощу. Мы снесли все накопившиеся деревья и ветки в центр нашего участка, который был уже выжжен благодаря «заботе» Александра Павловича, и жгли костёр часа два. Эта работа была уже не такой тяжелой, и мы были вознаграждены за неё тем, что наблюдали великолепный закат и слушали соловьёв, которые прилетели именно в этот день, седьмого апреля.

Я вырос в городе, который с трёх сторон окружён лесами, а с четвёртой стороны – река Волга. В Дубне всё ещё можно услышать соловьёв, и даже в черте города. Но по моим наблюдениям, там они поют с мая по июнь и по расписанию, утром и вечером. Здесь же соловьи прилетают ровно на месяц раньше, поют по июль и без всякого расписания, их можно услышать в любое время суток. В этот первый год на нашем участке было полно соловьёв, но так как мы вырубали много деревьев, а соловьи гнездятся на земле под ними, то теперь они, естественно, подались в более безопасные места. Но в лесочке на участке Александра Павловича они живут, а вдоль речки их по-прежнему так же много, как в тот год, когда мы здесь впервые появились.

Вообще здесь, можно сказать, птичий рай. Мы постепенно учимся узнавать новые для себя виды по их внешности и пению. По количеству, наверное, самые многочисленные – сойки. Сначала они нам нравились своей красивой внешностью – это крупные, размером с голубя, птицы, с пёстрым оперением и хохолком на голове. Но потом наше отношение к ним изменилось, оказалось, что они «бандиты», тащат всё, что «плохо лежит». Они клюют ягоды, виноград и даже грецкие орехи. Живут здесь круглый год, никуда не улетают. А голубей, кстати, здесь совсем нет. Так же как и галок и ворон. Много привычных для нас воробьёв, синиц, трясогузок и чёрных дроздов, которые делят первое место по «бандитству» с сойками и занимают второе место по пению после соловьёв. Постепенно мы стали видеть и различать и других птиц и сейчас, спустя три года, я могу насчитать буквально десятки видов, которые живут здесь.

Всю среду я занимался дровами: пилил стволы и сучья электропилой и носил их в поленницу. Таня покрасила доставшиеся нам «в наследство» лавку, стул и вешалку голубой краской. Теперь они стали выглядеть как новые.

На следующий день, в наш выходной четверг, мы съездили с утра в Варениковскую за продуктами и всякими необходимыми вещами. Возвращаясь домой и перейдя мостик, вдруг увидели на дороге впереди нас какое-то небольшое животное, размером с

небольшую собаку. Это оказался енот, он стоял, широко расставив ноги и вытянувшись вверх, чтобы казаться выше и больше. К нам подошёл ещё один сосед, Валерий, ему около семидесяти лет, он работал чабаном и обладает своеобразным чувством юмора, любит пошутить. Он подошёл к еноту и сказал: «Хороший ты мой. Ты зачем пришёл ко мне?» Енот стоял напротив участка Валерия. Енот подумал-подумал и боком, всё время держа нас в поле зрения, так же расщеперившись, пошёл к речке и залез там на дерево. В это время подошёл Гена и тоже по-доброму стал рассуждать, что это за зверь, и откуда он тут взялся. Мы почувствовали, что приехали в удивительное место, где пешком ходят непуганые еноты, а наши соседи не бегут за палкой, чтобы убить их. Позже мы узнали, что Валерий забрал енота себе, держал у себя несколько дней, а потом отнёс за речку и отпустил.

В пятницу утром, 10 апреля, на улице было минус два с половиной градуса! До полудня работали дома. Таня продолжала восстанавливать брошенные предыдущими хозяевами стулья. Она красила их и с помощью мебельного степлера обивала кусками новой ткани, которую предусмотрительно привезла с собой. Я восстанавливал сломанные сиденья. У одного стула пришлось полностью заменить продавленное фанерное сиденье широкой дубовой доской. Теперь он стал похож на кресло, если не удобством, то своим весом.

На следующий день на улице тоже было холодно и ветрено. Мы сидели дома и читали Кальвина. Я ходил к дому Елизаровны, чтобы купить хлеба. В Варениковской две хлебопекарни, и владелец одной из них организовал развозку своего хлеба по окрестным хуторам. Машина с хлебом (так называемый «каблук») проезжает через всё Новопокровское около 12 часов, останавливается через каждые 4-5 домов и сигнализирует. Народ выходит и покупает хлеб. Чаще люди собираются уже заранее, чтобы побалакать. Например, наш Александр Павлович выходит гораздо раньше двенадцати, идёт к дому Елизаровны, она часто приглашает его в дом попить чаю, потом подходит Валерий, так они втроём пьют чай, общаются и ждут машину с хлебом. Иногда Александр Павлович уходит в 11, а возвращается домой в половине второго, потому что Елизаровна может не только напоить чаем, но и накормить обедом.

В воскресенье мы снова ездили в Варениковскую. Было холодно, дул сильный ветер. Когда мы, наконец, вернулись домой и посмотрели на термометр, оказалось, что температура была плюс 17 градусов. В этих краях 17 градусов при сильном ветре кажутся десятью или даже меньше.

Наша жизнь постепенно входила в русло. Мы много работали, сильно уставали, продолжали выпиливать и выкорчёвывать сливу, ежевику и прочие ненужные растения. Я по-прежнему не мог добиться того, чтобы заработала бензокоса. Заводилась она только после нескольких десятков рывков, потом работала совсем недолго и глохла. Зато полностью освоил электропилу. Распилил все останки верб и принялся спиливать высокие, почти в рост человека, пни плодовых деревьев. Предыдущие хозяева почему-то спилили их на этом уровне, а дальше не спилили и не выкорчевали. Вначале я взялся спилить пень шелковицы метрового обхвата, она росла слишком близко к дому, пень уже пустил несколько мощных побегов, и они почти заменили собой спиленное дерево. Оказалось, что спилить живую шелковицу не так легко, как пилить рыхлую древесину верб. Я пилил очень долго, древесина шелковицы исключительно прочная и, к тому же,

очень красивого жёлтого цвета. В результате цепь пилы явно затупилась. Это только от одного дерева! После этого я попытался спилить пень сливы, гораздо меньшего диаметра, но не смог пропилить и нескольких сантиметров. Засохшая древесина слив и вишен тоже очень прочная и красивого красного цвета. Зато именно на этой неделе я впервые увидел, что на участке в результате нашей работы появляются свободные от бурьяна и зарослей сливы места.

В пятницу меня снова взял с собой в Крымск Виктор Павлович. Помимо всяких нужных вещей, таких как грабли и мотыга, я купил судака, которого выпотрошил и почистил на улице, потом дал все остатки сидящей на привязи собаке Александра Павловича по кличке Стелла. В результате она вечером сорвалась с цепи, чтобы подбежать ко мне и лизать мои руки. У меня встал в горле комок, я понял, что с ней никто до сих пор так не обращался, как мы. И потом, когда мы изредка давали ей свои объедки (мы стараемся жить так, чтобы их не было), она всегда благодарно лизала руки. Я же всегда прятал их, так как чувствовал, что такая форма благодарности меня просто смущает.

В гостях у Виктора Павловича

В воскресенье, 19 апреля, был христианский праздник, Пасха. Таня испекла на печной плите четыре больших лепёшки на сливочном масле, и в это время позвонил Виктор Павлович и пригласил нас к себе в гости на праздник. Мы радостно согласились. На столе были шашлык, красная рыба собственного посола, всякие закуски и, конечно, домашнее вино, которое тоже наливали в рюмки. Помимо нас были Олег, сын Виктора Павловича и Лидии Михайловны, Анатолий с сыном Димой и внучкой Кристиной. Поскольку была Пасха, то сам собой завязался разговор о Боге, в ходе которого никто из наших новых соседей не отрицал, что Он есть, что уже было хорошо.

Наверное, именно в этом месте стоит попытаться описать дом и участок Виктора Павловича. Как я писал, мы живём в самом конце села, из-за рельефа местности с нашего участка мы видим дома только Александра Павловича и Гены, причём, когда наши грецкие орехи покрываются листвой, то дом Гены тоже скрывается. Наши три участка расположены на относительно пологом склоне горы. Участки Виктора Павловича и Анатолия находятся совсем близко к нам, но их не видно, так как в этом месте гора более крутая, а они находятся под горой, ближе к речке.

Виктор Павлович купил участок с саманным домом около десяти лет назад. Сначала он строил дачу, а потом они окончательно сюда переселились. Старый дом он не снёс, а совсем рядом с ним построил новый каменный дом с мансардой. Размер дома относительно небольшой, не такой как у новых русских. На первом этаже две комнаты, кухня, санузел, и на втором этаже две спальни. Дом оштукатурен и покрашен в белый цвет, крыша из металлочерепицы тёмно-вишнёвого цвета. Всё выглядит очень аккуратно и нарядно, особенно по сравнению с домом соседа, Сергея Ивановича. Трава на участке всегда выкошена, плодовые деревья обрезаны, старые деревья выкорчеваны, а вместо них около дома насажены голубые ели, пихты и сосны.

Особую прелесть участку придаёт то, что почти сразу за домом кончается ровное место, начинается крутой подъём в гору, и это место Виктор Павлович с особой любовью облагораживает. Гора является как бы стеной, огораживающей участок с юго-востока, с

неё стекает ручей, он выложил его русло камнем, сделал красивый деревянный мостик. Около мостика построил каменную баню. Рядом растут посаженные им сосны и берёзы. Для нас, приехавших из Подмосковья, это самые обычные деревья, а для него – предмет особой гордости и заботы!

За столом зашёл также разговор о том, что мы не собираемся жить в своём саманном доме, а хотим строить новый, причём деревянный. Олег сказал, что его сослуживец построил себе дом из оцилиндрованного бревна под Темрюком. Олег работает в Порт-Кавказе, а живёт в Темрюке. Порт-Кавказ – это российский порт в Керченском проливе, расположенный на очень узкой косе Чушка, а с другой стороны пролива, на украинском берегу, находится Порт-Крым и город Керчь. Через пролив ходит паром, время в пути полчаса, а из-за очередей и процедур на таможне на преодоление пролива может уйти и четыре часа. Мы очень заинтересовались, кто и как строил дом коллеге Олега. Он обещал расспросить его об этом и потом сообщить нам.

Говорили о том, какая здесь природа, как много птиц. Олег рассказывал, что летними ночами, когда бывает особенно жарко, хочется открыть окно, чтобы впустить свежий воздух, но тогда соловьи своим пением просто мешают спать. Гора над участком Виктора Павловича покрыта почти непроходимым лесом, в нём живёт огромное количество птиц. И Олег произнёс фразу, которую мы потом с Таней часто повторяли, так она нам понравилась. Он сказал, что однажды утром пожаловался матери: «Соловьи достали!»

После праздничного обеда Анатолий пригласил нас к себе в гости. Его участок рядом с участком Виктора Павловича, причём большая часть расположена на плоском месте, а дом расположен на горе, на которой он с помощью бульдозера вырезал ровное место, получилось тоже красиво и живописно. Он показал нам все комнаты и свою особую гордость – баню, которая является частью дома. Как мы поняли, любимое его место – кухня, которая одновременно служит предбанником. В предбаннике уже сидели Геннадий и Шайтан, а также огромный белый кот Виктора Павловича по кличке Атос. У него широкая и наглая морда, и на шкуре всегда видны следы недавних боёв. Атос пытается доминировать над всеми соседскими котами и, судя по всему, у него это получается.

На этот раз Анатолий достал из своего подвала, предмета его ещё большей гордости, вино для Тани. Оно действительно оказалось мягче и слабее, чем то, которым он до этого угощал меня одного. Тане оно очень понравилось, хотя она тоже впервые пила настоящее вино. Мы посидели у Анатолия, они с Геннадием пили вино, рассказывали нам всякие истории из своей жизни. Одной из главных тем был «щенюк». Так местные жители называют подземного зверька, носящего научное название слепыш. Они говорили, что это страшный зверь, который роет землю под всем участком, выкапывает картошку и всё другое, включая чеснок, и приносит очень много вреда тем, у кого он поселился. Они говорили, что он как крот, только гораздо больше, размером с небольшую собаку. Тогда я с недоверием отнёсся к этим разговорам. Позже я убедился, что так оно и есть, мы до сих пор ведём на своём участке войну с этими зверями, в которой, увы, проигрываем.

Узнали мы также, что в лесу водятся, по их словам, белки-летяги, которые часто бегают по крыше дома Анатолия. Я до сих пор этих белок не видел и не слышал, до нас они не

добегают. Весь день дул сильный ветер, а когда мы собрались домой, пошёл сильный дождь, поэтому домой мы вернулись промокшими, но довольными общением с соседями.

Я увидел дом Таниной мечты

Утром понедельника я ходил за молоком к тётё Даше и встретил Валерия, который почему-то вёл корову Елизаровны. Тётя Даша была явно расстроена. На обратном пути снова встретил Валерия, и он рассказал мне, что сегодня в шесть утра сын тёти Даши Иван побил Елизаровну её же молотком, которым она «прибивала» корову. Я здесь слышал много новых для себя выражений. «Прибивать» корову или козу – одно из них. Это значит – взять тяжёлый молоток (я бы назвал его молотом), железный кол, вдеть кол в последнее кольцо цепи, которая привязана к шее животного, и глубоко забить его в землю в месте выпаса. Животное потом ходит вокруг кола и выедает траву по кругу. Через некоторое время хозяин приходит, расшатывает и вынимает кол из земли и забивает его в новом месте. Оказывается у Елизаровны и тёти Даши давно идёт война за выпас. Две соседки никак не могут поделить окружающее их огромное пространство. Сегодня это вылилось в драку и членовредительство. У тёти Даши два сына, Иван и Толя, оба пьют, жёны их выгнали, и теперь они живут у матери. Причём Иван, когда выпьет, становится очень агрессивным и начинает бить своего брата, а иногда бросается на него с ножом. Однажды я видел тётю Дашу с замотанной рукой, и позже узнал, что это она бросилась защищать от ножа Анатолия. Елизаровна вызвала милицию, позже состоялся суд, и Ивану присудили три года условно. А она долго ходила с синяками.

На следующий день, во вторник, мы с Таней поехали в Крымск. Сначала приехали на ПАЗике в Варениковскую, а потом на автостанции сели в почти пустой «Икарус». Но из Крымска ехали в переполненном ПАЗике. Одна из пассажирок начала ругать власти, затем существующий строй и закончила: «Пора делать революцию!» Такие же разговоры мы постоянно слышали и в автобусе между Светом и Варениковской. Интересно, что в Дубне в автобусах пенсионеры просто вслух жаловались на жизнь, но к таким крутым мерам никто не призывал. Вечером позвонил Виктор Павлович и сказал, что завтра в 8 утра можно съездить с Олегом и его коллегой в Темрюк посмотреть тот самый деревянный дом. Я с радостью согласился.

В среду в 8 утра я уже стоял у дома Виктора Павловича. Подъехала белая легковая «Тойота». Коллега оказался почти моим двойником, зовут тоже Сергей, с седой бородой, как у меня, и примерно такого же возраста. Он заехал, чтобы забрать Олега на работу. А заодно, по просьбе Виктора Павловича, показать свой дом. Мы ехали со скоростью не меньше 100 км/час по прекрасным шоссе и очень быстро оказались на месте. По дороге Сергей и Олег предупредили меня, что они едут дальше, на работу в Порт-Кавказ, а мне придётся добираться домой самостоятельно. В Темрюке Сергей показал мне автовокзал и сказал номер маршрутки, на которой я могу доехать до посёлка Красный Октябрь, а потом нужно будет ловить попутку до Варениковской, которая от него в 15 км.

Дом Сергей Анатольевич построил на дачном участке недалеко от Темрюка. Дом небольшой площади, на первом этаже большая кухня и комната, а на мансарде одна большая комната. Особенно мне понравилось, как красиво выглядит продольная структура оцилиндрованного бревна. Каждое бревно имело свой, индивидуальный узор.

Внутри не было никакой отделки, только округлые брёвна, покрытые специальным средством «Сенеж – аквадекор». Я сделал много фотографий, расспросил о том, кто и как строил, сколько стоил один квадратный метр и так далее. Потом они завезли меня в Темрюк, я сел в пустую маршрутку, кроме меня была только одна пассажирка. Я с ней разговорился, они с мужем переселились из Тюмени, муж купил 10 гектаров земли в станице Анастасиевской, пытается заниматься земледелием, но безуспешно. Если много урожая, то он идёт по дешёвке, а если неурожай – то это, естественно, ещё хуже. Продать эти 10 га невозможно, покупателей нет. На этой почве они поссорились, и она сейчас живёт у дочери в Темрюке.

Уже один я доехал до конечной остановки в Красном Октябре, вышел и оказался на очень высоком месте, продуваемом всеми ветрами. Впереди, километрах в пяти, было хорошо видно реку Кубань и ещё дальше Варениковскую. После нескольких попыток остановить попутки, я, наконец, сел в «Жигули», которыми управлял человек лет 60, едущий из Краснодара в Анапу. Я уговорил его проехать по другому маршруту, то есть мимо нас, хотя ему было бы выгоднее ехать напрямую.

Дома я тут же показал фотографии Тане, ей всё понравилось, и мы практически сразу приняли окончательное решение строить дом именно из оцилиндрованного бревна и, по возможности, с этой строительной фирмой из Кирова. Это была другая, не та фирма, с которой я уже общался по Интернету из Дубны. Мы попили чаю, и я пошёл к дому Елизаровны купить свежего хлеба, машина стала приезжать пораньше, в 10:45. Там я встретил Виктора Павловича, он очень удивился, увидев меня, и даже спросил, ездил ли я с его сыном. Он не ожидал, что я вернусь так быстро и обрадовался, узнав, что дом мне понравился, и что мы, скорее всего, будем строить с той же фирмой. У Виктора Павловича есть редкое свойство – радоваться чужим успехам. Он сказал, что будет очень рад, если его соседи будут жить в красивом доме.

Мёд

Следующий день, четверг, наш выходной, оказался очень насыщенным событиями. С утра мы поехали в Варениковку к стоматологу. Вообще-то проблема была у Тани, я поехал заодно с ней, для профилактики, тоже сел в кресло, и неожиданно мне сказали, что нужно срочно удалить зуб мудрости. Пришлось соглашаться. После этого мы ездили к этому же стоматологу несколько раз, она подлечила нам все проблемные зубы. Пломбы, поставленные ею, спустя пять лет все пока на месте. После обеда позвонил Виктор Павлович и предложил прийти к нему, чтобы взять растения, которые они прореживали, для обустройства нашего сада. Таня сказала мне, что нам сейчас совершенно не до этого, да и грядки-то у нас ещё нет, и уедем мы отсюда скоро, и никто не будет поливать эти растения. Но я всё-таки пошёл, пробыл у них часа два, вернулся нагруженный всякими растениями для альпийской горки, черенкам роз и юккой. Я вскопал грядку, и мы с Таней посадили всё, что я принёс. Впоследствии выжила только юкка, да и то не все её саженцы.

Уже в девять часов вечера в окно постучал Анатолий и сказал, что я должен срочно идти к нему, чтобы забрать мёд. Дело в том, что когда мы были у него в гостях, он предложил нам попробовать мёд с пасеки, расположенной рядом с участком Геннадия. Владелец пасеки живёт в Варениковской, а пчёл держит здесь, в предгорье.

В этом месте стоит снова сделать небольшое отступление, на этот раз о мёде. Таня родилась и до учёбы в институте жила в Алтайском крае в посёлке Пролетарка, расположенном в узкой долине реки Сараса и окружённом горами. Позже родители и старшая сестра переехали несколько ниже по течению реки в большое село Сараса. После нашей с ней женитьбы мы почти каждый отпуск проводили там. Там я научился разбираться в мёде. Алтайский мёд славится во всей России. Но конечно не тот мёд, который продаётся в магазинах. Нам посчастливилось, что сначала мы могли покупать мёд с совхозной пасеки, а потом у пасечницы, подруги Таниной мамы. Я много раз бывал в Сибири – в Бурятии перед Байкалом и в предгорьях Горного Алтая, и могу сказать, что летом природа там настолько прекрасная, что дух захватывает от красоты. Долины просто изобилуют цветущими растениями. И самое главное – разнообразными растениями. Поэтому мёд, который собирают пчёлы в этих местах, отличается насыщенным ароматом разнотравья, которого мы так и не смогли найти в мёде из других регионов России. Ближе всего к алтайскому мёду находится башкирский, наверное, потому, что пчёлы собирают его тоже в предгорьях Уральских гор.

Мёд, который давал нам попробовать Анатолий, был очень твёрдым, что говорило в пользу его натуральности, и обладал некоторым вкусом. Мы выбрали один вид мёда из двух и договорились, что Анатолий узнает, можно ли купить пару килограмм. И вот сейчас Анатолий стучит на ночь глядя, и нужно срочно покупать этот мёд. Он сказал, что завтра утром надолго уезжает в Анапу на заработки, а деньги нужно отдать сегодня. Оказалось, что мёд был не дешёвым, гораздо дороже неплохого мёда, который мы покупали в Дубне в специализированном магазинчике. Мы надеялись, что у производителя мёд будет подешевле. Но раз договорились, пришлось покупать.

Со временем мы перепробовали мёд почти у всех местных пасечников и поняли, что вновь ощутить вкус алтайского мёда вряд ли удастся. Мёд в наших местах достаточно дорогой и без аромата, что бы там ни утверждали местные пасечники. А пасечников здесь, в нашей Покровке и хуторе Свет много, и своих и приезжих. Есть пасечники, которые специально привозят сюда свою пасеку «зимовать». Например, у Валерия постоянно зимуют ульи бывшего капитана ВВС из Ростовской области. Прошлой зимой к нашему соседу Гене тоже ставили ульи какие-то пасечники.

Выбор места для дома

Время шло, пошёл второй месяц нашего пребывания на новом месте. Я постепенно покупал всё новый и новый инструмент: огородный и для работ по дому, купил электродрель, конечно же, фирмы «Макита», глубокую тележку на двух колёсах, два шланга по 20 метров для того, чтобы качать воду из колодца, а не таскать её вёдрами. Наш быт постепенно налаживался, на улице теплело, мы привыкали к сельской жизни. Я, наконец, разобрался, в чём же дело с бензокосой. Через месяц после покупки съездил на рынок и сказал продавцу, что в следующий раз приеду сдавать косу обратно. Он расспросил меня, какие возникают проблемы, и дал несколько советов. Приехав домой, я тут же открыл и проверил воздушный фильтр. Оказалось, как и предполагал продавец, что небольшое отверстие для забора воздуха было аккуратно заклеено круглой бумажкой со штампом технического контроля. Удивительно, что при этом мотор хоть иногда работал!

Мы долго думали, где же всё-таки ставить новый дом. Несмотря на то, что земли у нас много, вариантов было мало. Наш участок расположен на склоне горы, и самое ровное место находится у дороги в самом верхнем месте участка. Здесь уже стоит дом и большой сарай. Поскольку дом нас разочаровал, мы готовы были снести его и построить новый на его месте. В таком случае во время строительства нам пришлось бы жить в сарае. Сарай разочаровывал ещё больше – огромные трещины в стенах, земляной пол. Что нам нравилось в сарае, так это его размеры и черепичная крыша. После обдумывания всех вариантов, я предложил начать строить гараж справа от существующего дома, для того, чтобы в нём смогла жить бригада строителей из Кирова. Мы будем жить в каменном доме, а сарай снесём сразу и на его месте построим новый дом. Таня со мной согласилась, и мы начали действовать.

Незадолго до этого мы познакомились с Сергеем, местным строителем, верующим, членом церкви евангельских христиан-баптистов. Он живёт в 25 км от нас, в посёлке Светлый Путь Ильича (сокращённо Светлый Путь). Мы договорились, что он тут же начнёт строить нам гараж. Мы выбрали конкретное место для гаража и наметили колышками границы фундамента. Я заказал размеры гаража: шесть на пять метров. Когда я измерил гараж после строительства, так и оказалось, но я-то имел в виду внутренние, а не внешние размеры! Это оказался далеко не единственный случай, когда я думал одно, а строители – другое. После завершения всех строек я, наконец, понял, что нужно всегда чётко оговаривать все детали, и самое главное – размеры.

В том месте, где должен был стоять гараж, уклон казался небольшим, но всё равно составил 95 сантиметров при длине гаража шесть метров. Поняв это, мы попросили Сергея прикинуть, каков будет перепад высоты фундамента у нового дома, если строить его на месте сарая. Получилось, что при длине дома десять метров, терраса будет поднята над землей, по крайней мере, на 1,2 метра. Мы с Таней начали рисовать окончательный план дома. Спустя несколько лет даже интересно рассматривать сохранившиеся фотографии этих рисунков, вспоминать, как далеко не сразу мы пришли к тому варианту дома, в котором теперь живём.

В конце апреля я позвонил главе фирмы в Кирове, чтобы выяснить, существует ли фирма до сих пор и могут ли они построить дом летом этого года. Ответ на оба вопроса был положительным. Мы с ещё большим энтузиазмом продолжили подготовку участка к строительству. Весна всё-таки взяла своё, вся растительность начала буйно расти. Для того чтобы сражаться с ней я, по совету Александра Павловича, купил гербицид, чтобы опрыскать траву вокруг дома. Сосед же называет этот процесс «раундапить» или «прораундапить» – от названия самого распространённого здесь гербицида «раундап». Ещё одно новое слово, услышанное от него же, – «промотоблочить» – наверное, не нуждается в пояснениях.

С наступлением тепла начали выползать из укромных мест змеи. Таких мест из-за запущенности участка было много, и змей, соответственно, тоже оказалось много. Мы с Таней не испытываем по отношению к ним панического или мистического страха, поэтому старались быть осторожнее и, по возможности, ловили их и относили за дорогу. Я не очень разбираюсь в них, но некоторые, скорее всего, были гадюками.

Наступил май, стало совсем тепло, деревья покрылись листвой, показались крошечные пушистые листочки и на нашем винограде. На углу дома растут две лозы винограда самого распространённого здесь сорта Изабелла. Листочки очень красивого нежно розового цвета. Потом, когда они выросли, они стали обычного зелёного цвета. Виноград, как и грецкий орех, совсем не торопится. Эти два растения последними здесь выпускают листья и правильно делают. Заморозки в апреле здесь не редкость. Чёрное и Азовское моря действуют как огромные аккумуляторы. Летом они накапливают тепло и потом медленно отдают его вплоть до декабря. Зима фактически начинается с середины января, продолжается до марта, а потом довольно долго тянется прохладная весна. Моря, остывшие за зиму, теперь уже отдают воздуху холод. Но всё равно, среднемесячная температура всегда на десять градусов выше, чем в Подмоскowie.

Мы продолжали бороться с растительностью, вырубали, выпиливали, вытяпывали, вырывали, выпалывали. Это была наша основная работа, не считая того, что мы ещё очищали участок от кирпичей и камней, бутылок, консервных банок и пузырьков, оставшихся от предыдущего хозяина. Я имею в виду не Сергея Ивановича, который купил этот дом для перепродажи, а того, у кого он его за несколько лет до этого купил. По словам Александра Павловича, это был молодой человек по имени Игорь, алкоголик и наркоман. Количество стеклянной посуды из-под водки, а также аптечных пузырьков подтверждало его слова. Позже я узнал, что Игоря поселила сюда его мама. Он был бизнесменом в Ростове-на-Дону, обанкротился, его «поставили на счётчик», и он скрывался в наших краях. Потом всё как-то образовалось, и он переехал в менее укромное место, недалеко от наших мест, и больше не пьёт.

Наша работа проходила под пение птиц. К этому времени прилетели, наверное, уже все птицы, которые покидали эти места на зиму. Мы оказались просто погружены в торжествующую песню весны. Пение начиналось с рассветом и продолжалось до заката, после заката включались лягушки, обитающие в речке внизу и в маленьком пруду над нами. По ночам также раздавались загадочные звуки, похожие на скрип качелей с детской площадки. Звук повторялся с такой чёткой механической равномерностью, что Таня сомневалась в его естественном происхождении. Через несколько недель тайна раскрылась. На верхней границе нашего и Гениного участков росла ещё одна верба. И вот однажды, когда Таня косила рядом траву, она заметила сидящего на вербе совёнка. Она позвала меня, я побежал за фотоаппаратом, вернулся и сделал снимок. Через некоторое время мы решили посмотреть, как он там, сидит ли ещё. Оказалось, что сидит, и не один, а с ним ещё два совёнка, и выглядят они очень забавно. Я снова побежал за фотоаппаратом и стал наводить резкость. Тут совы, которые до этого сидели неподвижно, сильно забеспокоились, стали сдвигаться в сторону, причём их движения явно совпадали с движением фотоаппарата. А потом взяли и улетели, и снимка всех троих у меня так и не получилось. Скорее всего, им не понравился ультразвук или инфракрасное излучение, которые как я думаю, используются в цифровых камерах для измерения расстояния. И с этой ночи мы перестали слышать «скрип качелей». Так мы поняли, что эти звуки издавали птенцы, подзывая свою маму.

Девятого мая нас пригласил к себе «под орех» Александр Павлович. Ниже его дома растёт большой раскидистый орех, под ним стоит низенький стол, сколоченный из досок, и такие же низенькие скамейки. Это место он называет «под орехом» и приглашение туда

означает приглашение к застолью. Александр Павлович любит праздники, особенно старые добрые советские. Были приглашены также Виктор Павлович, Валерий и Анатолий. Александр Павлович выставил своё вино, сделал шашлык, приготовил молодую отварную картошку в мундирах, поставил на стол свои соленья. Всё было очень вкусно, особенно понравилась молодая мелкая картошка, отваренная вместе с молоденьким укропом, и соленья с большим количеством острого перца. Многие наши соседи – артистические натуры, проявляется это у каждого по-разному. Виктор Павлович пишет картины маслом и акварелью, в основном южные пейзажи и цветы, и даже продаёт их в Краснодаре. Александр Павлович любит гулять в лесу, делать шашлык, декламировать стихи и петь песни, выпив рюмку-другую вина. Он также очень вкусно рассказывает о приготовлении пищи. Гена разводит цветы – на его участке их гораздо больше, чем овощей. Валерий тоже любит природу и обладает хорошим чувством юмора. Однажды я заходил к нему домой, чтобы попросить инструмент. Он собирался обедать. На столе у него стояло много разных тарелочек, почти как в китайском ресторане. Мне это понравилось, это значило, что он уважает себя и любит жить красиво.

Строительство гаража

Сергей сказал, что его бригада начнёт работать с начала мая и это будут не верующие, но очень работающие парни, как он выразился: «Работают как роботы». Договорились, что он их привезёт сразу после праздника, 11 мая, так как 10 мая было воскресенье. В понедельник после обеда он позвонил и сказал, что сегодня не получается, так как ребята никак не могут отойти после праздника. Он привёз Лёху и Женю во вторник, смотреть на них было страшно. Первые пару часов они приходили в себя, потом постепенно начали копать канаву под фундамент, и к концу дня вырыли её. Я до этого копал землю на нашем участке и был поражён такой скоростью.

Когда мы покупали участок, то были уверены, что наша земля – это чернозём. Таня выросла на Алтае, где слой чернозёма очень солидный – до метра. При беглом взгляде на нашу землю в сентябре, она определила, что это чернозём. Из литературы мы знали, что юг России и Украину охватывает зона чернозёмов. Однако когда я стал копать землю, оказалось, что земля именно на нашем участке представляет собой перемежающиеся суглинки и чернозём. Причём суглинка гораздо больше. Позже нам разъяснили, что так и должно быть на склоне горы. Сначала идёт эрозия местного известняка до глины и суглинков, потом постепенно нарастает слой чернозёма из отмирающей растительности. А вот что такое суглинок в реальной жизни: после дождей невозможно копать, потому что он прилипает к лопате, а когда сухо – невозможно копать потому, что он становится как обожжённая глина и его невозможно проткнуть. Когда мы впервые шли на свой будущий участок в сентябре нас поразили глубокие трещины на дороге. Теперь мы знаем – это обычное явление для суглинков, летом они высыхают, и появляются трещины шириной с ладонь. Осенью глина набухнет, и трещины исчезнут до лета.

Парни работали действительно, как роботы. Сергей заказал машину песка и машину «окола», привёз на своём подержанном «Опеле» несколько мешков цемента, потом привёз на верхнем багажнике чьих-то «Жигулей» бетономешалку, и работа, наконец, началась. Сначала сделали фундамент, потом нужно было дать время бетону «созреть», то есть, класть керамзитовые блоки на фундамент в течение недели было нельзя. И чтобы ребята

не простаивали, мы дали им задание – сломать, вернее, разобрать сарай. Сарай оказался не саманным, как мы думали, а каменным. Внешние стены были сложены из «дикого» камня и обмазаны глиной, и только внутренние стены были саманными. Мы попросили их бережно снять черепицу и сложить её в одном месте, затем разобрать крышу, а потом и стены. Они сколотили из досок носилки, которые даже пустые были слишком тяжёлыми для нас с Таней, и с их помощью переносили черепицу и камни. Стропила были сделаны из дубовых стволов, Женя попросил разрешения забрать их себе домой, сказал, что в хозяйстве всё пригодится. Черепицу сложили аккуратно в одном месте, а камни – в другом. Саман раскидали на месте сарая, впоследствии оказалось, что это была крупная наша ошибка – глина, как ей и положено, раскисла и потом мешала не только ходить, но и копать фундамент для нового дома.

Лёха и Женя – одни из немногих коренных кубанцев, с которыми мы здесь повстречались и познакомились. Нам очень нравилось, как Лёха с Женей общались друг с другом. Они буквально ворковали, а не разговаривали. Я ни разу не слышал, чтобы они кричали или ругались друг на друга. И это на стройке!

Наверное, большая часть наших новых знакомых – переселенцы. Кто заработал северную пенсию, чтобы поселиться на юг, кто переселился из бывших среднеазиатских республик снова в тёплые места, а некоторые, как мы, переселились из северного города в более спокойное и южное место. Когда я перед переездом интересовался нравами местного народа, то несколько раз слышал отрицательные отзывы о кубанцах (для унижения ударение делалось на последний слог). Говорили, что они туповатые, жестокие, жадные и т. д. Моё личное общение с коренными кубанцами не подтвердило этого мнения с первых же дней. Например, тётя Даша принесла нам в подарок дюжину яиц на Пасху. Было много и других примеров щедрости.

В это время Таня сделала печку на улице: сложила её из целого и битого кирпича, валявшегося в сарае, и обмазала глиной с нашего участка. Эта печка прослужила нам два года, пока Таня не сложила другую печку из нового кирпича напротив входа в наш дом.

В середине мая появилась завязь на Изабелле. Листочки появились за две недели до этого, а теперь появились крошечные грозди винограда. Я впервые видел такое чудо. Весна просто бушевала. Всё росло, цвело и радовалось жизни. Даже чурка вербы, которую я поставил около дома как подставку для умывальника, дала длинные побеги с листьями, хотя стояла даже не на земле, откуда могла бы сосать воду, а на плоском камне.

В середине же мая мы, наконец, увидели Александру Наумовну, о которой нам так много рассказывали оба Павловича. Она с мужем живёт и работает в Магадане. Они оба биологи, она доктор, а Алексей Николаевич – кандидат биологических наук. Несколько лет назад она купила дом с участком 36 соток в нашей деревне, и теперь они время от времени приезжают на свою дачу. В этот раз она приехала одна, чтобы купить квартиру в Анапе. Позже мы узнали, что она действительно купила «малосемейку», то есть крошечную однокомнатную квартиру в многоэтажном доме.

Мы сделали почти всё, что планировали: очистили участок для строительства, начали строить гараж, нашли строителей для «дома нашей мечты». Можно было уезжать в Дубну, чтобы продать квартиру, погрузить вещи в контейнер и начинать строить дом.

Постепенно мы приходили в себя после напряжённого труда на участке, рисовали и перерисовывали план нового дома. На участке последовательно отцвели сирень, чубушник (который многие ошибочно называют жасмин) и бульденеж (вид калины с красивыми круглыми соцветиями, по-французски «буль де неж» означает снежный шар). В лесу отцвели дуб, граб, боярышник, шиповник. На лугах по очереди цвели разные растения. Но мы, честно говоря, плохо замечали тогда окружавшую нас красоту, все мысли были о переезде.

Сергей оказался продвинутым пользователем компьютера, это нас ещё больше сблизило, я тоже люблю использовать компьютер для всевозможных задач. Он старается покупать самые последние модели компьютеров и незадолго до нашего приезда вдобавок к своему ноутбуку приобрёл нетбук, то есть маленький ноутбук, предназначенный в основном для работы в Интернете. Узнав, что у меня нет компьютера, он предложил мне свой нетбук на время, а потом, когда мы уезжали, сказал, что я могу вернуть его после возвращения. Этот нетбук мне очень пригодился в Дубне.

Я купил билеты на поезд из Крымска на 30 мая. Сергей обещал отвезти нас на вокзал на своей машине. Но утром в день отъезда шёл сильный дождь, и он не смог въехать на нашу горку из-за размокшего суглинка и мокрой травы. Он позвонил и сказал, что будет ждать нас внизу, около дома Елизаровны. Пришлось нам надевать галоши и идти пешком до машины, а строитель Женя вызвался отнести за меня чемодан и отнести обратно галоши. Уезжали мы с Кубани приятными чувствами, зная, что уже точно вернёмся сюда.

Последние дни в Дубне

Вернувшись в Дубну, я тут же позвонил возможному покупателю и сказал, что мы готовы продать свою квартиру. Прошло более полугодом с тех пор, как мы договаривались о продаже. За это время многое изменилось. Начался экономический кризис. Радио и телевидение, которые мы не слушали и не смотрели последние два месяца, обрабатывали людей, что всё будет плохо. Результатом этого стало снижение цен на недвижимость, и как следствие то, что покупатель явно не торопился. И его можно было понять: вдруг цены завтра рухнут, и он окажется в дураках. Мы молились, чтобы наша сделка не сорвалась, тогда нам пришлось бы продавать квартиру через агентство, а на это могли потребоваться месяцы. Судя по объявлениям в газетах и Интернете, в Дубне продавались сотни квартир, предложение явно намного превышало спрос.

Через несколько дней покупатель пришёл с женой. Ей квартира явно понравилась, и мы договорились, что они подумают ещё несколько дней до окончательного решения. Я занялся подготовкой документов для продажи квартиры. Ещё раз проверил в регистрационной палате и БТИ, все ли документы у меня есть. Договор купли-продажи я составил сам, следуя советам и образцам из Интернета. С покупателем мы договорились, что оформим всё без посредников в лице агентств или юристов.

В это же время я переписывался с Кировом. Ещё из Новопокровского, благодаря тому, что Сергей дал мне нетбук, я послал туда окончательный эскиз нашего дома и получил примерную смету и черновик договора. Чтобы проверить масштаб цен, я послал тот же эскиз в первую кировскую фирму и попросил их смету. Они тут же ответили, сметы получились похожими. Договор подряда на строительство я, ещё не продав квартиры,

подписывать не хотел, но Александр убедил меня, что мне это ничем не грозит, и мы, пользуясь Интернетом, подписали его 25-го мая. Александр сказал также, что может сделать проект дома, для гарантии серьёзности моих намерений я оплачу эту работу, а потом он вычтет эту сумму из сметы.

Приехав в Дубну, я сразу оплатил проект через банк (при этом в банке потребовали копию договора, как основание для платежа, и в дальнейшем при оплате работ через Интернет, я всегда ссылался на договор) и через два дня получил рисунки дома из бревна. Увидев рисунки нашего будущего дома в изометрии, мы с Таней реально почувствовали, что наши планы приобретают видимое очертание. С другой стороны, мы тут же увидели свои ошибки, что без этих рисунков плохо себе представляли. Для того чтобы избежать возможных проблем с расстановкой мебели и сантехники, Таня нарисовала их в масштабе проекта, вырезала, и затем мы «расставили» их по комнатам. В итоге в некоторых случаях мы изменили расположение окон и дверей, а также ширину дверей. Я послал Александру наши исправления, мы получили от него исправленный проект дома и договорились, что как только продаём квартиру, то сразу даём ему знать, и что строительство начнём с середины июля.

Прошла неделя. Покупатель не звонил, напряжение нарастало. Время тянулось страшно медленно. Мы не могли ничего предпринимать для переезда, так как находились в состоянии полной неопределённости. Я сходил в два агентства, чтобы узнать, сколько мы можем просить за квартиру и каковы шансы быстро её продать. Ответом было, что если хотим продать быстро, то не можем просить тот максимум, который хотели бы. Звучала та сумма, ниже которой мы продавать не хотели.

В середине июня я оформил в банке договор на дистанционное обслуживание. То есть, теперь благодаря современным технологиям я мог, находясь в любом месте, через Интернет осуществлять любые платежи на основании договора с фирмой в Кирове, а также снимать деньги со счёта, пользуясь пластиковой картой.

Наконец, тоже в середине июня, покупатель решил всё-таки купить нашу квартиру. Мы встретились, он сказал, что тоже ходил по агентствам, и пришёл к выводу, что наша квартира стоит именно столько, за сколько мы уже готовы были уступить. Мы с минуту поколебались и согласились. Договорились, что завтра идём в регистрационную палату. Но назавтра оказалось, что документы у нас принять не могут, так как у меня нет кадастрового паспорта на квартиру, хотя две недели назад я был в БТИ, и они не дали его мне, сказав, что в нашем случае достаточно только технического паспорта. Я тут же поехал в БТИ, юрист сказала, что она ошиблась и извиняется, а нам теперь нужно было ждать этого паспорта ещё десять дней. Через две недели у нас была вторая попытка в регистрационной палате, на этот раз на нас не хватило рабочего времени, окошко закрыли как раз тогда, когда подошла наша очередь. Наконец, с третьей попытки, 29 июня, мы одновременно зарегистрировали сделку и сдали документы на государственную регистрацию договора.

Пока продолжались все эти мытарства с регистрационной палатой, мы с Таней начали собирать вещи. Понадобилось огромное количество картонных коробок. Я ходил и просил

их в ближайших магазинах и аптеках. В один прекрасный день я обнаружил, что закрылся наш соседний сетевой супермаркет «Самохвал». Кризис был не только в телевизоре.

Я съездил на вокзал, чтобы узнать про контейнерные перевозки. Оказалось, что есть контейнеры на 5 и 20 тонн. Мы прикинули и пришли к выводу, что придётся брать два контейнера на 5 тонн. Я договорился с индивидуальным предпринимателем, телефон которого мне дали на вокзале, о погрузке контейнеров на его грузовой автомобиль и погрузке всех наших вещей в контейнеры силами его грузчиков. Я решил не экономить и не мучить своих друзей, уже таких же немолодых людей, как я. Когда к нам приехала машина, оказалось, что грузчиками были два его сына-подростка. Им было тяжело, но они справились. Отец укладывал и устанавливал вещи внутри контейнеров, и нужно сказать, что справился со своей задачей очень хорошо, практически всё приехало к нам в целостности и сохранности.

Деньги, полученные за проданную квартиру, я положил на счёт в банке и уже 6 июля авансом оплатил первый этап строительства, примерно четверть от общей суммы предварительной сметы.

Вещи мы отправили за день до своего отъезда. Последнюю ночь переночевали у моей мамы. Уезжали из Дубны в Москву снова на такси, взяли много вещей в чемоданах, так как было неизвестно, когда придут на место контейнеры. Нас пришли провожать наши друзья и моя мама. В Москве мы ехали на Казанский вокзал по Садовому кольцу, мимо нас буквально впритирку проезжали московские таксисты, улица была переполнена машинами, мы даже попали в небольшую пробку, и всё это лишний раз утвердило нас в нашем решении покинуть этот суетный мир.

Окончательный переезд в Новопокровское

Поезд прибыл в Крымск в субботу, утром 11 июля. Нас встретил Сергей, который всё ещё строил нам гараж. Когда мы попрощались, ребята-строители сказали, что через месяц всё будет готово. Но реальность всегда другая. Сначала пошли ливневые дожди, потом Лёша решил уйти от Сергея и работать самостоятельно, и тому пришлось искать других ребят. В итоге к нашему приезду гараж только-только был готов, да и то не совсем. Оставалось вставить два окна и установить дверь, ворота для машины уже стояли. Это не очень радовало, так как контейнеры могли прибыть в любой день, а хранить вещи в гараже без двери было бы не очень спокойно.

Сначала мы заехали в Варениковскую, чтобы купить холодильник. Наш старый холодильник ехал в контейнере, а здесь, когда температура днём за 30 в тени, хранить продукты без холодильника мы просто не смогли бы. Договорились о доставке за 100 рублей, потом, когда водитель въехал в нашу горку, он сказал, что за такое нужно доплатить ещё 100 рублей. Пришлось дать.

Когда мы подъехали к своему участку, то сначала не узнали его. Всё заросло так, как будто мы и не вычищали его до этого около двух месяцев назад. Особенно меня поразило то, что два огромных пня, оставшихся после того, как мы срубили две старые ивы, дали многочисленные побеги, так что пней даже не было видно. Они стали похожи на короткие

пальмы. Получилось здорово: мы не знали, как прикрыть это безобразие, а природа разобралась сама, без нас.

Не успели мы немного прийти в себя, как нас пригласил к себе «под орех» Александр Павлович. Он сказал, что сегодня 40 дней со дня смерти его сестры, которой было за 80 лет (у него 6 или 7 братьев и сестёр, и он самый младший), и надо её помянуть. Короче, мы снова попали за импровизированный обеденный стол в тени пирамидального тополя, он пригласил также Виктора Павловича. Снова было домашнее вино, свежие огромные кубанские помидоры и огурцы, зелень, сыр и купленное в магазине отварное мясо. В общем, наши соседи в очередной раз показали нам, что они приняли нас, как родных.

А вечером я участвовал в устройстве «купальни» на речке. Виктор Павлович заставил участвовать всех мужчин нашего «хутора». Александр Павлович ворчал про себя, что у него куча дел по хозяйству, но, тем не менее, повёз на тележке, прицепленной к его мотоблоку, большие камни из нашего разрушенного сарая для устройства запруды. Устройство купальни заключалось в том, чтобы сделать нормальные ступеньки для спуска в воду, вычистить дно от коряг и перегородить речку камнями, чтобы приподнять уровень воды. Первые две задачи выполнили, а запруды не доделали. Нужно было слишком много камней для этого, а в долговременность этой «дамбы» никто не верил, кроме Виктора Павловича. Весенний паводок следующей весной благополучно смыл все камни, и второй попытки мы уже не делали.

Тем не менее, мы с Таней по вечерам купались в речке для того, чтобы помыться. Речка была далеко не тёплая, не выше 21 градуса. К тому же нас при этом заедали комары. Появление комаров было неприятным сюрпризом ещё в мае. Мы как-то надеялись, что здесь их не должно быть. Ведь болот, как в Дубне, вокруг нет. Но комарам, по-видимому, достаточно речки и прудика около нашего дома. Поэтому мы стали мыться по вечерам на своем участке. Таня кипятила воду на уличной печке, и мы мылись гольшом за домом в тени грецкого ореха, благо, что все соседи далеко и ничего увидеть не могли.

В первую летнюю неделю нашего пребывания на новом месте, наконец, раскрылся один секрет. Бывшие кубанцы, ныне живущие в Дубне, пугали нас тем, что летом жара на Кубани достигает 45 градусов. Тут мы вновь услышали разговоры о том, что, вот, вчера было 45 градусов. Мы говорим: «А у нас на термометре было всего 30». «Так у вас же термометр в тени?» «Да, конечно». «А работаете вы тоже в тени?» Мы с облегчением поняли, что всё будет не так страшно, как нас пугали. Было действительно жарко, особенно днем, и влажно. Но мы надеялись, что постепенно акклиматизируемся. Так постепенно и происходит.

Начало второй части

Регистрация, разрешение на строительство

В понедельник съездили в районный центр Крымск, где оформили бумаги для регистрации по месту жительства. Тут мы впервые столкнулись с распространённой на Кубани системой делания денег на бесплатных государственных услугах. Когда мы заняли очередь в отдел регистрации, нам сказали, что нужно сначала сходить в другой кабинет, чтобы оформить заявления. Мы пошли туда, куда нас послали, там девушка,

представляющая некое ООО «Технология плюс» заполнила на компьютере кучу бланков и взяла за это по 442 рубля с каждого. Потом в милиции на бланках сделали какие-то отметки и сказали, что теперь мы можем зарегистрироваться в Варениковской. Позже мы узнали, что могли заполнить бумаги сами, если бы потребовали в милиции чистые бланки.

Во вторник был приёмный день у главы нашего Адагумского сельского поселения. Хутор Адагум находится в 16 км от нас, добираться без своей машины тяжело. Меня отвёз на машине Сергея (он привозит к нам с утра рабочих, а затем уезжает) новый рабочий Дима. Он до этого был «дальнобойщиком», но жена сказала, что ей надоело, что его не бывает дома по 2-3 недели, и чтобы он нашёл другую работу. Глава поселения подписал в бумагах для регистрации, что он не против нашего поселения в нашем собственном доме, побеседовал со мной, обещал как можно лучше для нас решить вопрос об аренде или выкупе 13 соток, прилегающих к нашему участку, но которые нам пока не принадлежат.

Я остался в Адагуме и после обеда, так как оказалось, что в это время был приём местного архитектора. Она приезжает в определённые дни в центры сельских поселений и консультирует по вопросам оформления строительства домов. А поскольку я совсем скоро собирался начать строительство дома и не хотел, чтобы из-за каких-то формальностей у меня нашли нарушения в бумагах, то пришлось заказать топографическую съёмку участка за 2700 руб. Как сказал мне по секрету заместитель главы, когда я вновь приеду сюда со схемой участка, то получу от неё ещё через неделю этот же план, где от каждой стороны участка будет отступ в 3 метра, а остальное будет заштриховано, как площадь, на которой мне разрешено строить дом. Я в принципе, мог бы сделать это и сам, но в нашей стране такие правила.

В среду на 7-ми часовом автобусе я приехал с папкой бумаг в Варениковскую, чтобы получить штамп регистрации в наши паспорта. Прием в местной милиции ведёт всё тот же сотрудник милиции из Крымска по средам и по первым и третьим субботам месяца. Население Варениковской свыше 15 тыс. жителей. У меня оказался 37-ой номер очереди. Сотрудник приехал около 10 часов, хотя начало приёма в 9 часов, потом начал принимать людей не из очереди и где-то только около 11 часов начал принимать очередь. Люди занимали её с 2 ночи. В итоге я, конечно, не попал, так как приём закончился точно по расписанию в 13 часов. Потом я съездил в субботу, которая, к счастью была третья суббота месяца, очередь была гораздо меньше, и мы с Таней, наконец, получили местную прописку. По крайней мере, присутствие Тани не требовалось, и она оставалась дома. Пока я валял дурака в очередях на жару, она вручную косила траву на нашем участке. Вернее не траву, а бурьян.

Топограф приехал в начале следующей недели. Это оказалась маленькая, немолодая, но очень энергичная женщина. Она потребовала мои рабочие штаны, потому что прошли дожди, и трава была по пояс. Надела их поверх своей одежды и довольно быстро вдвоём со своим помощником с теодолитом сняла план нашего участка. Сказала, что план будет готов через неделю и уехала.

Покупка машины

Пора было покупать машину. По Интернету я нашёл, что выбранный мною Рено Логан можно купить в Новороссийске или Краснодаре. Новороссийск был гораздо ближе,

поэтому я позвонил дилеру, узнал, есть ли интересующая меня модель. Мне ответили, что есть и именно серого цвета, как мы хотели. В чёрной машине на юге можно свариться, белая слишком обязывает, а серая в самый раз для пыльных дорог. Спустя пять лет могу сказать, что выбор цвета и модели был правильным. Я поинтересовался, принимают ли они платежи с пластиковых карт, оказалось, что нет. Пришлось попросить выставить счёт и выслать его на мой адрес электронной почты. Через день я оплатил счёт через дистанционное обслуживание со своего (вернее Сергея) компьютера, ещё через два дня деньги дошли до дилера и они сообщили мне, что можно приезжать забирать машину. Не знаю, были ли ещё на свете такие мужчины, которые бы подобно мне купили автомобиль, даже не взглянув на него.

Тем временем Сергей с новыми строителями, братьями Димой и Виталием, продолжали заниматься гаражом. Сергей штукатурил стены декоративной штукатуркой, ребята были на подхвате. После завершения строительства гаража Сергей предложил мне заняться подъездным путём к гаражу, нужно было сделать бетонную полосу. Я согласился, приехал трактор, который выравнивал землю, потом ребята начали делать подсыпку песка, потом «окола» и затем приступили к бетонированию этой полосы. Не помню, кто именно метко назвал её «взлётной полосой», потому что гараж расположен значительно ниже дороги, и когда машина выезжает из гаража, она едет вверх. Второй причиной для такого названия стало то, что Павловичи посчитали, что я «закопал» слишком много денег в эту полосу, такая она получилась широкая и длинная, как настоящая взлётная полоса. Тем не менее, название прижилось, и мы с Таней так её и называем.

Одновременно Сергей пригласил электриков, Олега и его друга Сергея, чтобы они сделали электропроводку и освещение в гараже. Олег тоже верующий, живёт в посёлке Ильич на Тамани, работает в Порт-Кавказе, раньше его начальником был Виктор Павлович. Они провели из старого дома кабель в гараж, установили в нём розетки и светильники. Мы сразу договорились, что позже Олег займётся проводкой и освещением и в новом доме.

Павловичи приходили пообщаться почти каждый день. А так как мы продолжали вырубать сливы и всё остальное на участке, и нам было некогда разговаривать, то они познакомились со строителями, и общались с ними, давая им советы, как и что лучше делать. Когда они подходили с такими советами ко мне, я старался не обижаться и терпеливо их выслушивал.

Время от времени я звонил Александру из Кирова. Приезд его бригады тоже затягивался. Они заканчивали строительство в Татарии, потом строители должны были отдохнуть дома семь-десять дней, и только потом могли приехать к нам. Получалось, что это будет не раньше первой недели августа. С одной стороны, это было плохо, с другой стороны, мы ещё не могли предоставить им гараж как жильё.

23 июля нужно было ехать за Логаном. Мы отправились втроём, Сергей, Дима и я. Я был совсем не уверен в себе, поэтому попросил пригнать машину из Новороссийска Диму. Большая часть дороги была горной, улицы в городе были переполнены автомобилями, а салон и вовсе оказался расположен на очень крутом подъёме. Я, без опыта вождения, точно бы не справился. В салоне я получил машину, подписал договор, оформил ОСАГО.

Не обошлось без ложки дёгтя: мне выдали лишь копию паспорта транспортного средства, сказав, что оригинал прибудет из Москвы недели через две. Нужно будет снова ехать за ним в Новороссийск.

На обратном пути мы заехали в компьютерный магазин, где я купил ноутбук, сканер и принтер, и заодно в салоне мобильной связи купил модем для выхода в Интернет. По дороге мы включили кондиционер, но он проработал только до середины пути, а потом около станицы Раевской отключился. Дальше мы ехали уже с открытыми окнами. Я тут же позвонил в салон, мне ответили, что готовы исправить кондиционер в любое удобное для меня время. Так как всё равно нужно было ехать за паспортом машины, я решил подождать с ремонтом две недели.

В понедельник я позвонил на железнодорожную станцию Крымска, спросил о наших контейнерах, ответили, что их еще нет, а потом через час позвонили и сказали, что пришли оба. Во вторник и среду их машина была занята, поэтому договорились на четверг. В среду мы с Таней поехали в Крымск, чтобы оплатить перевозку контейнеров до нас. Заодно Таня, наконец, сходила в местное отделение Пенсионного фонда и перевела пенсию на новый адрес. Нас снова возил Сергей, я пока не отваживался на дальние поездки. На той неделе я два раза сам съездил в нашу ближайшую станцию Варениковскую. Самое страшное для меня в поездке было преодолеть мост через нашу речку. Он представляет собой две металлические трубы большого диаметра, перекинутые через реку, а на них уложены сваренные между собой листы железа, причём с обеих сторон моста, как бы специально, по одному листу отогнулось. Они стоят торчком, как делают на некоторых железнодорожных переездах, и существенно сужают колею. Дорога в этом месте узкая, совершает поворот, из-за буйной растительности ничего не видно, и летом всегда есть угроза столкнуться со встречным автомобилем.

Прибыли контейнеры. Первая авария

Два раза я доверял поездки на своём авто Александру Павловичу. Он был рад, что не надо ехать на автобусе, а я – что не слишком интенсивно обучаюсь вождению. А времени на обучение было совсем мало. В четверг после обеда привезли первый контейнер, потом тот же водитель привёз второй контейнер уже в 5 часов вечера. Я попросил помочь разгрузить вещи Диму и Виталика, которые продолжали делать «взлётную полосу». Основную часть вещей носили в дом, а некоторые поставили в гараж. В четверг мы легли спать «без ног» в одиннадцать часов. Всю пятницу разбирали вещи и собирали мебель, снова легли спать «без ног» тоже в одиннадцать часов.

На субботу я договорился с плотником, что он вставит нам четыре окна в старом доме. По ночам в доме было очень душно. Дело в том, что в окнах были глухие рамы, без единой форточки, и очень мелкие переплёты, как делают на дачах. Между рамами лежали груды погибших мух. За две недели до этого я, опять с помощью Сергея, заказал у этого плотника (молодого баптиста из станицы Гостагаевской) новые рамы и подоконники и получил их готовыми неделю назад. Потом я приглашал стекольщика из Варениковской, который только вырезал стёкла, а вставлять не стал. Сказал: «Это просто, сами сделаете». Сергей купил мне штапики – реечки, которые должны держать стёкла. Я купил защитное покрытие от плесени и жучков. Но времени покрыть рамы и штапики у нас не хватило, так

как мы два дня занимались разбором вещей. Плотник сказал, что приедет в субботу после обеда.

С самого утра мы лихорадочно покрывали рамы и штапики защитной пропиткой, Таня вбивала в штапики гвоздики, вместе вставляли стёкла, а потом я ещё пытался выломить старые рамы из стен дома. Они оказались дубовыми, сделанными на совесть, крепко сбитыми и страшно тяжёлыми. Я разворотил все четыре окна, причём ни одно из них не смог разобрать до конца, гвозди были не меньше «сотки» и вбиты в очень плотную дубовую древесину. Время было уже три часа, плотник всё не ехал, и я мне живо представилось, как нам придётся ночевать в доме без окон. И в воскресенье тоже. И мне стало совсем не по себе. По вечерам появляются комары, они хоть и помельче подмосковных, и менее агрессивные, но тоже не подарок. Но плотник, слава Богу, приехал. Он быстро доломал то, что мне было не под силу, за два часа вставил окна и подоконники и уехал. У нас появились красивые окна в тон нашей сосновой мебели. Стало гораздо больше света. А вид своей старой, родной мебели действовал очень успокаивающе.

В конце июля пошли дожди с грозами, лило как из ведра. Мы сидели дома и радовались, что всё сделано, и никуда не нужно идти.

В воскресенье, 2 августа, мы с Таней впервые отправились в Варениковскую на нашем автомобиле. Для того чтобы припарковаться на обочине дороги, нужно было развернуться на 180 градусов. Почти не снижая скорости, на третьей передаче, я начал лихой манёвр. И тут мы оба с ужасом увидели, что едем в глубокий кювет, который был не замечен из-за высокой травы. Я всё видел и понимал, время буквально растягивалось, но ничего сделать было уже нельзя. Машина (и мы в ней) плотно села днищем на землю. Когда я вышел из машины, то увидел, что вокруг валялись пластмассовые обломки всяких защищающих днище и колёса деталей.

Мне помогли вызвать по телефону эвакуатор, и он вскоре приехал. Водитель в одиночку сделал всё: и зацепил машину и вытащил её из кювета. Я лихорадочно думал, хватит ли моих пяти тысяч, которые у меня были с собой. А он взял с меня рублей четыреста. Машина сильно пострадала, но в основном декоративно: помялся бампер, отвалились брызговики, защита двигателя от грязи и т.д. Корпус не пострадал. Я, тем не менее, был в трауре. Только начав вождение, я попал в аварию! Все успокаивали меня, говоря, что такое, или что-то похожее случалось с каждым из них, но я-то был уверен, что это я самый бестолковый водитель на свете. Всё это произошло потому что, у меня не было никакой практики вождения автомобиля, кроме курсов. Курсы я закончил уже пять месяцев назад, и те немногие навыки, которые я там получил, уже забылись.

В понедельник мне позвонили из Новороссийска и сообщили, что можно приехать и забрать паспорт машины. Опять пришлось просить Сергея отвезти меня туда во вторник. После случившегося в воскресенье, я и подумать не мог, что могу поехать в Новороссийск самостоятельно. В салоне мы сдали машину для ремонта кондиционера и довольно быстро получили её обратно. На мой вопрос, что же случилось, менеджер только мило улыбалась. Можно предположить, что, так как кондиционер я приобретал сверх стандартной комплектации, рабочие салона просто небрежно его установили. Также мило

улыбаясь, менеджер предложила мне сделать ремонт машины тысяч за сорок. Я расстроился было, но так как Сергей уже осмотрел машину и сказал, что ничего серьёзного не случилось, отказался. Спустя пять лет я спокойно продолжаю на ней ездить.

В среду в нашем селе вновь появилась Александра Наумовна, но уже не одна, а с мужем. На следующий день Александр Павлович пригласил их, а заодно и нас и других соседей к себе под орех. Магаданцы переночевали в своём доме, и Алексей Николаевич очень ругался, что за прошедший с его прошлого приезда год было украдено много вещей из дома и с участка. На что мы ему сказали, что они должны радоваться: на самом деле украдено не так уж и много, в Московской области украли бы всё, зная, что в доме никто не живёт.

Август. Начало строительства дома

Наконец в начале августа приехали первые строители из Кирова. Глава фирмы Александр приехал на своей машине, привёз инструмент и бригадира, самого молодого из них, по имени Алексей. На второй машине приехал младший брат Александра Женя. Оказалось, что Александр переехал в Киров из города Шахты Ростовской области, где до сих пор живут его родители и брат. По пути к нам он заехал на родину и привёз брата в качестве рабочего. Через два дня должны были приехать на поезде ещё двое рабочих. После организации начала строительства Александр собирался уехать обратно в Киров. Женя оставался со своей «Волгой», и это снимало с нас обязанности по снабжению их продуктами. Они сказали, что закупать продукты и готовить пищу будут сами.

Мы привезли из Дубны двухконфорочную переносную газовую плиту и хотели купить газовый баллон. Но Александр Павлович предложил взаимы свой баллон. Несмотря на то, что его дом подключен к газопроводу, у него в запасе два баллона со сжиженным газом. Впоследствии оказалось, что у Александра Павловича, как в Греции, есть всё. У него есть практически любой инструмент, даже циркулярная пила, сварочный аппарат, бензопила «Дружба» (весьщая 16 кг), угловая шлифовальная машина, в просторечии именуемая «болгарка» (его ещё советская модель весит не легче «Дружбы»). Прихожу я к нему, например, и спрашиваю: «Александр Павлович! А у Вас есть сверло диаметром 4 и длиной 200 (очень длинное и поэтому редкое)?» Он отвечает: «Сейчас посмотрю», уходит, иногда надолго, а потом приносит требующийся инструмент. Он очень нам помог тем, что всегда даёт попользоваться своими инструментами. Или помогает сам, если я не могу сообразить, как что-то сделать.

Итак, проблема с обеспечением питания строителей была решена. Тот же Женя стал и главным поваром у них. Контейнеры пришли за три дня до их приезда, и это решило возникшую было проблему – у нас не было кроватей для строителей. Правда, я был уверен, что соседи, как всегда помогут. Елизаровна уже предлагала нам кровать. Но контейнеры пришли вовремя, мы торжественно вынесли из дома в гараж наш «пыточный» диван, а на его место поставили свою родную кровать. И ещё поставили в гараже две пришедшие в контейнере раскладушки. В первый же день Женя продавил одну из них, так как был выше средней упитанности.

Мы оговорили с Александром все вопросы и подписали ещё несколько бумаг. Следующей ночью они съездили в Крымск, чтобы забрать прибывших поездом Сергея и ещё одного

Лёшу, постарше бригадира, но всё равно лет тридцати. И уже на следующий день работа началась. Парни вчетвером быстро выкопали траншеи под фундамент. На фундаменте мы решили не экономить, запланировали делать ленточный фундамент под каждую стену дома. По моей просьбе строители уточнили с помощью простейшего инструмента, состоящего из длинной полиэтиленовой трубки с водой, что перепад высот фундамента будущего дома составит 1,6 метра при длине фундамента около 11 метров. Это сильно увеличивало объём бетона и соответственно удорожало стоимость фундамента. Ширина тоже была около 11 метров. Я мог бы сэкономить много времени, если бы сделал бетонный фундамент заранее с другой бригадой, например, бригадой Сергея. Но в самом начале нашего общения Александр сказал, что он предпочитает делать всё с нуля, чтобы потом не было разборок, почему что-то не так и кто виноват. Он хотел отвечать за всё. Нам понравилась такая позиция, и мы согласились.

По моей просьбе Сергей-баптист заранее купил и привёз металлический профиль, из которого вновь прибывшие строители сварили, используя его сварочный аппарат, каркас для душа. Я тоже заранее купил двухсотлитровый жестяной бак, мы его покрасили чёрной краской, чтобы вода быстрее нагревалась. Таня обернула металлический каркас чёрной полиэтиленовой плёнкой, получились стены, наверх мы установили бак, и у нас появился замечательный летний душ. Воду из колодца мы закачивали насосом через шланг. Залитая вечером вода прекрасно нагревалась за день. Позже, когда похолодало, мы с Таней грели воду в двух вёдрах на печке, парни потом, стоя на стремянке, доливали этот кипяток в бак, где была уже не такая тёплая вода, в результате получалась очень комфортная температура для принятия душа.

С самого начала перед нами встала проблема, о которой меня предупредил ещё Дима. Он как бывший «дальнобойщик», сказал мне, что ему кажется, что фура с прицепом не сможет развернуться на повороте, ведущем на нашу горку. С одной стороны мешает опора линии электропередач, а с другой стороны – речка, в которую может сползти прицеп. Александр тоже внимательно осмотрел это место и пришёл к выводу, что придётся доставлять материалы не фурами, а так называемыми «сцепками», то есть более короткими машинами с прицепами. Соответственно получалось, что вместо планируемых двух фур, мне придётся оплачивать три сцепки. Он сразу предупредил, что найти три сцепки, которым по пути из Кирова на Кубань, в несколько раз сложнее, чем найти фуры. Так впоследствии и оказалось.

Автомобильные мытарства. Вторая авария

Почти сразу после приезда новых строителей, я самостоятельно отправился в Крымск, чтобы пройти государственную регистрацию автомобиля, проще говоря – получить номера. Города я совсем не знал, и заехал на улицу, примыкающую к районной больнице. Дороги в Крымске, также как и везде в нашей стране, совершенно не были рассчитаны на удесятывшееся количество машин. Вся улица вдоль больничного городка была с обеих сторон заставлена припаркованными машинами. Я с большим трудом пробирался посередине улицы, и вдруг справа в десяти метрах впереди меня стала вырывать от остановки на улицу маршрутка. Я попытался увернуться, это мне не удалось, в результате я въехал правым крылом и фарой в задний левый фонарь маршрутки. Пассажиры и

водитель выскочили и начали кричать на меня. Я был в шоке. Вторая авария за несколько дней! Водитель требовал с меня полторы тысячи на ремонт фонаря, сел и уехал.

Я постепенно пришёл в себя и поехал дальше, в ГИБДД. Там я припарковал машину, оплатил в кассе госпошлину за регистрацию, и предъявил свою побитую машину для осмотра милиционеру. Он очень удивился, что машина в таком состоянии, и сказал, что регистрировать не будет, пока я не приведу её в порядок. Мои уговоры не подействовали, и я, если так можно выразиться о езде на машине, поплёлся восвояси. На выезде из Крымска я с расстройства свернул не в ту сторону и проехал двадцать километров до тех пор, пока не понял, что еду совсем не туда. Пришлось развернуться и ехать обратно до Крымска и только потом уже домой.

Я был полностью раздавлен. Мне казалось, что езда на автомобиле не для меня, если я умудрился за такой небольшой срок совершить две аварии. Дома Дима и Сергей успокоили меня, сказали, что это дело житейское, со всеми бывает, и что не прав в той ситуации был водитель маршрутки, а не я. Оказывается, именно в это время изменили правила, и теперь водители не обязаны уступать дорогу отъезжающим с остановки пассажирским транспортным средствам. А наоборот, те обязаны пропустить проезжающий автомобиль и только затем покидать остановку. Но мне было не легче. Совсем новый автомобиль превратился в сильно подержанный. Однако мне не позволили долго посыпать голову пеплом. Сказали, что нужно покупать новое крыло и фару и делать ремонт.

Через Интернет я вышел на самый крупный интернет-магазин запчастей для иномарок, оказалось, что у них есть офис в Анапе, нашёл требующиеся мне запчасти, оплатил их со своего счёта в банке, снова через Интернет, и стал ждать сообщения о том, что запчасти пришли в Анапу. Меньше чем через неделю мы с Сергеем поехали в Анапу за новыми крылом и фарой, там же в Анапе Сергей нашёл для меня мастерскую по компьютерному подбору краски, и мы заказали краску для покраски купленного крыла в тон остальной машине. Дима нашёл мне мастера в своей станице, который обещал покрасить и установить крыло и заменить фару. Ещё через несколько дней я получил свой автомобиль, внешний вид которого, кроме слегка помятого переднего бампера (после первой аварии), уже ничем не напоминал о моём бездарном вождении.

Так как я теперь боялся ездить в Крымск, то попросил Диму съездить со мной для получения номеров. Потом просил Александра Павловича свозить меня на техосмотр. Для того чтобы обрести уверенность в себе, я совершил одну поездку по дороге от нас через хутора Свет и Школьный до хутора Фадеево. Много раз я ездил этой дорогой с Сергеем и Димой, но теперь, когда вёл машину сам, я впервые почувствовал какая она узкая и как много на ней крутых поворотов. В то же время я впервые увидел, какие красивые виды открываются после хутора Школьный. Горы у нас совсем не высокие, около 200 метров, но так как отсчёт высот ведётся от уровня моря, а море совсем рядом, то перепад высот всё-таки значительный. Дорога от хутора Свет до хутора Школьный идёт круто в гору, потом после Школьного выходит на перевал, с которого открывается замечательный вид на все 360 градусов на разбитые вблизи от дороги виноградники и горы вдали, затем начинается извилистый участок дороги, по обеим сторонам которой стоят величественные дубы и другие широколиственные деревья. Затем дорога ещё более круто спускается к

хутору Фадеево, стоящему на федеральной трассе Анапа – Варениковская. Эта поездка, несмотря на её краткость, дала мне некоторую уверенность в себе как в водителе.

Начало строительства откладывается

Тем временем подготовка к строительству давно закончилась. Траншеи были вырыты, можно было делать опалубку, но для неё нужны были доски, которые планировалось отправить вместе с оцилиндрованным бревном из Кирова. Как и предупреждал Александр, машину не удавалось найти очень долго. Ребята-строители слонялись без дела. Поняв, что времени у них в запасе много, Женя посадил всех строителей в свою «Волгу» и отвёз к себе домой в Шахты. Наконец, Александр известил меня, что машину нашли, загрузили и отправили. Но через два дня он снова позвонил и сказал, что ему звонил водитель и сообщил, что сломался карданный вал, и он встаёт на ремонт. Сколько продлится ремонт, он не знает.

Шла уже вторая половина августа, а у нас были только траншеи, даже строители уехали. Нам, в отличие от них, скучать не приходилось. Работы было невпроворот. Бригада Сергея начала строить септик. Таким громким названием теперь называют обычные выгребные ямы, но мы хотели построить настоящий септик. Я нашёл в Интернете описание и чертежи трёхсекционного бетонного септика. Метрах в двадцати от будущего дома с помощью трактора «Беларусь» выкопали большую яму. Затем строители должны были соорудить три отделения, причём в первых двух отделениях дно забетонировано, а в последнем отделении, без дна, вода очищенная анаэробными бактериями в первом и аэробными бактериями во втором отделении септика, должна уходить через песок вглубь. На наше счастье, на дне третьего отделения действительно оказался песок, иначе пришлось бы делать более сложную и дорогую систему. Так что времени для того, чтобы рвать на себе волосы по поводу задержки машины у меня не было. Машина пришла ровно через две недели после того, как были вырыты траншеи.

Надо было также заблаговременно улучшить дорогу, ведущую к нашему дому. После дождей Сергей даже на легковой машине не мог въехать на нашу горку. Я заказал машину щебня объёмом 12 кубометров. Водитель высыпал на нашем подъёме несколько куч «окола», и мы потом с Димой и Виталием разбросали его, как могли, по колею дороги.

Я был занят практически всё время, если не расчисткой участка, то организацией строительства. Ведь прибывшие из Кирова строители должны были сделать только так называемую «коробку». Обычно отделку домов из оцилиндрованного бревна или бруса делают через год после строительства, так как за это время дерево сохнет, и дом даёт большую усадку, до 6-10 процентов по высоте. Поэтому трудно заранее рассчитать какой высоты должны быть двери и окна. Мы не хотели ждать год и всё это время жить в саманном доме, поэтому я договорился с Александром, что они сделают все проёмы с так называемыми фальш-коробками. Брёвна при усадке должны скользить по брусу, а сверху коробки оставляется пространство в 10-15 см сверх размера оконной рамы или двери, исходя из величины усадки в этом месте.

Наконец, водитель сообщил, что машина восстановлена, и он продолжает свой путь. Женя и остальные ребята заблаговременно вернулись из Шахт. 26 августа утром, в конце концов, прибыл долгожданный «КАМАЗ» с прицепом и без проблем поднялся в гору,

хотя накануне прошёл небольшой дождь. Я, помня, что Сергей не смог в мае подняться к нам на легковой машине, плохо спал всю предыдущую ночь, мысленно представляя себе, что может произойти с тяжелогруженной машиной. Если она не сможет сразу въехать в гору, то соскользнёт в речку. И размышлял, что мне делать, если машина просто будет буксовать и вообще не сможет въехать в гору. Неужели нужно будет искать другую, более лёгкую машину, и перегружать на неё все материалы? Но всё получилось так, как уверяли меня строители. Они говорили, что «КАМАЗ» пройдёт в любом месте. Так и оказалось.

В эту первую машину были загружены все пиломатериалы, требующиеся для создания опалубки фундамента, стропил крыши, черновых полов и потолка: доски толщиной 50, 40 и 25 мм, брус 40 и 50 мм. Оставшееся место было заполнено оцилиндрованным бревном. Кузова были герметично заделаны тентом, две недели машина находилась на жаре, даже в северных областях России, поэтому дерево было буквально мокрым от испарившейся из него влаги. Водитель был из города Будённовска Ставропольского края (печально нам всем известного). В Киров возил помидоры, а обратно диспетчер по попутным перевозкам нашёл ему наш груз. Впервые от него я узнал, что расстояние от Кирова до нас 2500 км, а не 1600 км, как думал я. Я почему-то считал, что от Кирова должно быть приблизительно столько же километров, как и от Дубны.

Большая часть брёвен была длиной шесть метров. Ребята делали глубокие вдохи, брали эти брёвна из кузова и вдвоём (!) раскладывали их на земле, чтобы они сохли. Видно было, что хотя брёвна очень тяжёлые, им не привыкать к тяжёлому физическому труду.

Диаметр брёвен для строительства дома мы выбрали 20 см, так как посчитали, что для наших южных условий этого будет вполне достаточно. Сейчас, спустя три года, и после холодной зимы 2011-2012 года, когда ночные температуры доходили до минус 26 градусов, можно сказать, что дом испытание выдержал с честью.

Первым делом строители сделали для нас и для себя новый уличный туалет. Старый туалет располагался слишком близко к строящемуся дому и к тому же мог развалиться в любой момент. Затем они начали сбивать из «сороковки» (доски толщиной 40 мм) щиты для опалубки. Женя сделал для себя из той же «сороковки» широкий топчан и мог теперь спать, наверное, с большим комфортом, чем все остальные. Изготовление щитов продолжалось больше недели. Некоторые из них были просто огромными – в том месте, где была самая большая высота цоколя, это были щиты длиной 6 метров и высотой 1,6 метра. Строители потом переносили их вручную и устанавливали на месте. Внутри получающихся «траншей» из досок они делали каркасы из проволоки, чтобы получался железобетон. Проволоку сваривали аппаратом, снова позаимствованным у Сергея. Щиты изнутри покрыли полиэтиленовой плёнкой, чтобы легче было потом снимать опалубку.

Интересно было слушать разговоры строителей, которые одновременно работали у нас. Южане говорили с южным акцентом, а прибывшие из Кирова, кроме Жени, который тоже говорил по-южному, говорили со своеобразным вятским акцентом. Сейчас трудно даже передать в чём он выражался, но нам с Таней очень нравилось слышать как, например Лёша разговаривал с Сергеем-вятичем. Интересно было также со временем узнавать характеры каждого из строителей. Больше всех нам понравился Лёша – очень добросовестный и трудолюбивый.

После окончания строительства мы поняли, что стиль работы «южан» и «северян» отличался. Северяне работали дольше и упорнее. И причина этому не «природная лень» южан, а в том, что на юге нельзя слишком напрягаться, иначе «спечёшься». А северяне должны успеть сделать работу за короткое время между окончанием одной зимы и наступлением новой. В нашем случае ребята торопились, чтобы построить дом и уехать домой до снега. Правда, потом Александр нашёл им ещё один объект для строительства – дом с мансардой на Таманском полуострове в посёлке Кучугуры на берегу Азовского моря. Так что домой они вернулись только к Новому году.

Какой дом мы строили

До сих пор я не упомянул о размерах нашего дома. Мы хотели построить дом, в котором было бы уютно жить и без проблем принимать гостей. Первые двенадцать лет совместной жизни мы прожили в однокомнатной квартире. Единственная комната служила одновременно и гостиной и столовой и спальней и кабинетом. Потом мы купили двухкомнатную квартиру, у нас появилась отдельная спальня, которая заодно была и кабинетом. В ней мы тоже прожили почти двенадцать лет.

Имея такой опыт, мы с Таней решили, что нам вполне хватит дома с тремя комнатами: гостиной, спальней и кабинетом, а также большой кухней, большой ванной комнатой, небольшой гардеробной и большой террасой с видом на запад. В окончательном виде получился практически квадратный дом общей (с террасой) площадью 101 кв.м. Жилая площадь – 80 кв.м. Из них кабинет и кухня по 12, гостиная – 20,5, спальня – 13, ванная (совмещённый санузел) – 8, прихожая – 10, гардеробная (она же и кладовка) – 4,5 кв.м.

Дома такого размера практически не предлагаются на рынке строительства индивидуальных домов. Чаще всего мы читали объявления о строительстве коттеджей площадью от 250 кв.м. Мы слышали рассказы двух знакомых об их родственниках, которые построили подобные дома – двух, а то и трёхэтажные, с большой площадью. У одного из них лестница на второй этаж покрылась пылью, а другой лишь иногда заходит на второй этаж, где у него хранится водка, а на третий не поднимается вообще.

Строительство началось!

Буквально в двух метрах от одного из углов будущего дома стоял грецкий орех. Как и все остальные наши орехи, он выглядел ужасно после мороза зимы 2006 года, когда температура воздуха с плюсовой(!) резко упала до минус 36 градусов, и такой мороз держался целых три дня. Строители предложили срубить его, чтобы он не мешал работе. Но я представил себе, как ветви этого ореха будут свисать на террасу, когда дом будет готов, и, самое главное, его листва будет заслонять окно спальни от летнего солнца. И не разрешил срубить дерево. К тому же ещё задолго до этого Александр Павлович советовал нам не срубать ни одного плодового дерева, как бы ужасно они не выглядели. Он сказал: «Срубить можно очень быстро, а вот чтобы вырастить дерево нужно очень много времени». Мы прислушались к его совету, спилили только совсем не нужные сливы и алычи, а грецкие орехи каждый год платят нам неплохим урожаем и дают столь необходимую на юге тень.

Местная бригада закончила строительство септика и попрощалась со мной. Второго сентября я получил формальное разрешение главы администрации на строительство жилого дома. Всё шло своим чередом. Во время своего приезда Александр предварительно договорился с фирмой по производству бетона в Крымске о его доставке. Бетон должны были доставлять так называемые «миксеры» – машины с постоянно крутящейся цистерной. И тут Александр Павлович сказал мне, что подъём у нас такой крутой, что, хотя машина с лесом и смогла заехать, но машина с бетоном уже может и не въехать из-за гораздо большего веса. Или, что ещё страшнее, перевернётся, так как миксер с бетоном расположен таким образом, что центр тяжести может переместиться и это приведёт к опрокидыванию. В результате я плохо спал все оставшиеся до заливки бетона ночи. Наконец, бригадир Алексей сказал мне, что заказывает первую порцию бетона на 6 сентября. Это было воскресенье, но для этой бригады выходных не существовало. Они работали с восхода до заката. Он заказал три машины общим объёмом бетона 16 кубометров.

За несколько дней до этого звонил Александр и сказал, что вторую машину для перевозки «леса» уже нашли, загрузили и отправили ко мне. И вдруг мы узнаём, что эта машина доехала очень быстро и должна прибыть 5 сентября. Оказалось, что на ней было два водителя, которые по очереди вели машину и пригнали её всего за три дня. Водитель позвонил бригадиру Алексею и сказал, что они приедут вечером и хотят, чтобы машину разгрузили сразу, потому что утром хотят поехать на море, а потом сразу в обратный рейс. А у нас на следующий день утром – заливка бетона!

Итак, вечером в субботу они действительно приехали. И тут начали сбываться мрачные предсказания Александра Павловича – машина не смогла въехать в гору. Мощности иномарки под названием DAF не хватало, чтобы заехать на первый подъём. Колёса буксовали. Тогда строители начали возить нашей тележкой и подсыпать под колёса «муру», оставшуюся после строительства гаража и септика. Через час машина преодолела первый подъём. Но после небольшого пологого участка впереди был ещё один подъём и резкий поворот вправо, причём дорога в этом месте проходит между двумя глубокими канавами и места для манёвра абсолютно нет. DAF не смог с разгону преодолеть этот второй подъём. Сергей бегал взад-вперёд с тележкой, остальные подкидывали под колёса «муру». В общей сложности это продолжалось четыре часа. От меня толку не было, я пытался поспать, но конечно, ничего не получилось. В голову опять лезли всякие нехорошие мысли. Наконец, машина с большим трудом преодолела и второй и последний третий, затяжной, но уже не такой крутой, подъём и подъехала к нашему участку.

Ребята заранее выкосили траву и бурьян напротив нашего дома и протянули электропроводку для освещения. Но это освещение понадобилось только внутри кузовов машины, так как на улице было полнолуние. Луна светила так ярко, что было видно всё вокруг. Она была огромная и стояла так низко над землёй, что казалось, что её можно коснуться. Я попытался как-то, по мере моих интеллигентских сил, помогать, но ребята сказали мне, чтобы я лучше не мешался и шёл спать.

Я предложил водителям освежиться в душе, они сказали, что с удовольствием это сделают, но только после окончания разгрузки. Вода в баке летнего душа уже остыла, и я вскипятил для них два ведра на Таниной печке. Утром мы узнали, что водители выпили

водки «с устатку», потом один из них полез по стремянке, чтобы долить горячей воды в бак, и сильно ошпарился. Но всё равно рано утром они уехали, чтобы осуществить свою мечту – искупаться в море, они были из Татарии.

Заливка фундамента

На следующий день, или вернее, в тот же день утром приехал первый миксер и следом за ним машина с насосом и длинным шлангом. Водитель миксера сказал, что наша горка им не страшна, они и не такие видели в нашем Крымском районе. Началась заливка бетона. Бетон из машины-миксера сливался в специальный поддон, из которого машина-насос качала его по шлангу. Такая техника позволяла залить несравненно больший объём бетона, чем тот, который производили и заливали наши местные строители со своей бетономешалкой. От вятчей требовалось только крепко держать шланг (что было не так просто) и равномерно заливать бетон. Потом приехали вторая и третья машины, и наш план на сегодня был выполнен.

На следующий день залили тоже три машины и заказали ещё три на последний день заливки. Но этот день оказался не последним. У машины-насоса сразу начались проблемы, то шланг забивался, то насос не качал. Уже приехали второй и третий миксер, двигатели машин работали, миксеры вращались, а бетон по шлангу не шёл. Так продолжалось часа два. Я испугался, что, в конце концов, бетон «застынет» внутри миксеров, а мне придётся за него платить, нужно было срочно отправлять машины обратно. Так как договаривались через Александра, то я позвонил ему в Киров и рассказал про ситуацию. Он позвонил в Крымск, и водители получили команду везти бетон в другое место. Выяснилось также, что машина-насос не принадлежит производителю бетона, а он нанимает её. Он обещал завтра найти другую машину.

На четвёртый день всё снова прошло хорошо. Действительно приехала другая машина-насос, у которой всё работало нормально. Водитель одного из миксеров стоял рядом со мной и смотрел, как заливают бетон, а потом прокомментировал: «Хорошую опалубку сделали. Я много раз видел, как под конец заливки опалубка разваливалась. На самом деле, наверное, в половине случаев». Так что у меня был повод порадоваться качественной работе вятчей. Накануне мы обсуждали с бригадиром, сколько бетона заказать, по его расчётам хватило бы и двух машин, но могло совсем немного не хватить. Я решил, что закажем три машины. Оказалось, что всё-таки хватило двух. Но третья-то машина уже пришла. Её водитель подсказал нам: «Залейте бетоном площадку перед домом и дорожку к гаражу». Имелся в виду, конечно, старый дом. Строители быстро соорудили кое-какую опалубку и залили бетоном из оставшейся машины площадку и дорожку. Мы потом радовались, что сделали это, теперь после дождей можно было ходить не по грязи.

После заливки бетона выждали несколько дней для его «созревания». Вообще-то положено ждать около месяца и только потом продолжать строительство. Но наш дом – деревянный, намного легче кирпичного или бетонного, поэтому мы могли продолжать совершенно спокойно. Строители сказали, чтобы я купил в Варениковской пятьсот красных кирпичей. Эти кирпичи они уложили в два ряда вдоль всего ленточного фундамента в качестве гидроизоляции. Поверх кирпичей положили два слоя рубероида, на

рубероид – пропитанные антисептиком доски и, наконец, на доски – полубрёвна, то есть распиленные вдоль брёвна, которые можно было положить плоской стороной на доски. Пятнадцатого сентября началась укладка стен.

Уже через несколько дней стены выросли в рост человека. Ведь все брёвна были заранее подготовлены по размерам и пронумерованы на заводе в Кирове. Бригадиру Алексею оставалось только смотреть в чертежи и говорить какое бревно брать и куда нести. На каждое бревно вдоль всего жёлоба мебельным степлером прибивалось рулонное джутовое волокно для теплоизоляции и лучшей герметизации. Между собой брёвна связывали нагелями – это длинные (сантиметров 30) толстые берёзовые шипы, своего рода деревянные гвозди. Ребята сверили в уложенных брёвнах длинным сверлом диаметром больше двух сантиметров отверстия, проходящие насквозь через два бревна, а потом Женя или Сергей забивали в них нагели.

Продолжение автомобильных страданий

До того как я приобрёл автомобиль, мне не нравилось, когда милиционеров называли ментами или мусорами. Теперь я понял, почему их так совершенно справедливо называют. После ремонта машины я сначала получил государственные номера, а потом вместе с Виктором Павловичем и Александром Павловичем отправился на первый в моей жизни техосмотр. Все мои новые знакомые говорили, что без взятки там никогда не обходится. Причём Сергей-баптист говорил мне, что они обсуждали этот вопрос среди христиан и пришли к выводу, что в случае «ментов» это не взятка, а вымогательство, поэтому христианин вынужденно даёт деньги, а не взятку. Взятка – это дача денег для того, чтобы получить что-то, что тебе не положено.

Я был уверен, что теперь, после ремонта, к моему автомобилю не может быть никаких претензий. Я уплатил символическую госпошлину за регистрацию, дождался своей очереди, которой, справедливости ради говоря, долго ждать не пришлось, и въехал в ангар для техосмотра. Первым делом меня попросили показать аптечку. К моему ужасу оказалось, что я купил какую-то «туфту». В ней не было почти ни одного нужного лекарства. А сотрудник с каким-то сладострастием тянул: «И анальгина нет, и аспирин нет». Я говорю: «Мне в магазине подсунули такую аптечку. Я обещаю, что тут же куплю новую». Он продолжает: «Этого тоже нет». Я снова: «Я куплю». Он: «И пластыря нет». Это продолжалось несколько минут. Наконец, машину поставили на специальные катки для проверки тормозной системы. И другой сотрудник объявил, что тормоза моей машины не соответствуют нормам – слишком хорошие и показал какой-то график на мониторе компьютера. Я спросил: «Что же мне делать?» Он ответил: «А вы поездите пока месяц, колодки немного сработаются, и приезжайте к нам снова». Приезжать ещё раз мне, конечно, не хотелось. Никакие мои уговоры не подействовали, но видно было, что они чего-то ждали.

Расстроенный я выехал из ангара, и задал ожидавшему меня Виктору Павловичу тот же вопрос: «Что мне делать?» А он ответил: «Нужно спросить сотрудника, не помогут ли пятьсот рублей решить эту проблему». Именно в такую сумму он оценил мою «проблему». За две тысячи здесь проходят техосмотр машины, которые вообще не должны появляться на шоссе. Впервые в жизни я пошёл давать «взятку». Как ни странно,

пятьсот рублей действительно решили все проблемы, и я получил талон техосмотра на три года, так как машина была абсолютно новая.

Но вскоре мне предстояла ещё одна встреча с сотрудниками ГИБДД. В середине сентября мы решили купить хлебопечку. Хлеб, который развозят по селу, нам, честно говоря, совсем не нравился. Это современный хлеб с «улучшителями». Мы же хотим знать, что едим. Я поехал в Варениковскую, купил там хлебопечку фирмы Кенвуд, потом заехал в лучший, по моему мнению, хозяйственный магазин в конце станицы. Постепенно расширяя «географию» своих поездок, я решил вернуться по новому для себя маршруту. Выехал на перекрёсток с шоссе, свернул на шоссе и сразу вижу жезл «гаишника». «Гаишник» сказал мне, что я пересёк «сплошную» линию и потому мне грозит лишение прав. Оказывается, в этом месте выезд с обычной дороги на четырёхполосное шоссе я не должен был сразу после поворота уходить направо к обочине, а нужно было продолжать движение прямо метров 50, так как с этой стороны шоссе было поделено на две полосы не пунктирной, а сплошной линией. Тем временем гаишник продолжал: «Не знаю, как решить эту проблему. Вот нужно вместе подойти к капитану (он был в другой машине), что он скажет. Нужно писать протокол».

Я страшно расстроился, но вспомнил, чему меня учили, и спросил: «А тысяча рублей не поможет решить проблему?» и достал бумажник, чтобы проверить, сколько у меня денег. На моё счастье их там было мало. Гаишник заглянул в кошелёк, оценил мою платёжеспособность и взял полторы тысячи, оставив мне пятьсот рублей. Инцидент был исчерпан. Тане я ничего в тот раз не стал говорить. Рассказал Сергею-баптисту, а он сказал мне, что на этом месте постоянно ловят таких «клохов», как я. Ведь эта линия не является той самой сплошной линией, которая разделяет встречные потоки машин, а лишь разделяет одну сторону дороги на две полосы. Переезд через неё карается штрафом рублей в сто. Через два года, когда милицию переименовали в полицию, и ГИБДД должно было наконец-то прекратить произвол на дорогах, на том же самом месте наш знакомый из Кубколонки расстался с двумя тысячами в такой же ситуации.

Сентябрь. Газоснабжение

Так как я был сам у себя и прорабом и главным архитектором, то приходилось одновременно делать много дел. Градостроительный план, узаконивающий строительство дома, я оформил. Теперь нужно было оформить проект дома для газификации. Оказалось, что он должен быть сделан по особому образцу, проект из Кирова в данном случае не подходил. Пришлось съездить в Крымск и заказать этот проект у одного из частных архитекторов, за четыре тысячи рублей. Весь сентябрь я выяснял, как дешевле сделать газификацию. Несколько раз я был в государственной компании «Крымскгаз». Они ни разу не смогли назвать мне точную сумму, говорили, что нужно смотреть на месте, и что меньше 120-ти тысяч не получится. Наконец, один из сотрудников сказал мне: «А вы сходите в частную компанию «Крымскгазстрой», здесь рядом». Компания оказалась буквально в двух шагах, я поговорил с директором, он взял у меня номер телефона и сказал, что скоро мне позвонит мастер из Варениковской.

Мастер позвонил на следующий день, потом приехал, осмотрел участок и сказал, что врезка в трубопровод, прокладка 120 метров трубы по границе моего участка,

подключение газа к плите и котлу, а также оформление всех необходимых бумаг обойдутся мне в 75 тысяч рублей. Я, конечно, сразу согласился. Мастер оказался очень порядочным человеком, своё слово сдержал. Всё было сделано, как договаривались. Мне не нужно было совсем ничего оформлять, все согласования и разрешения получил он, а после подключения газа привёз комиссию, которая приняла работу. Мы условились, что я дам ему знать, когда дом будет практически готов, и кухня будет сделана нами в соответствии с требованиями всех надзоров, то есть будет окно с форточкой, вентиляционные отверстия в двери и, самое главное, вентиляционная труба диаметром 20 см.

Погода всё время строительства стояла замечательная. Было не очень жарко и практически не было дождей. Осенью тоже не было дождей до конца ноября и было тепло, как летом в Подмосковье. Наши строители работали без спецодежды, надевали только шорты и пластиковые сандалии на босу ногу.

Как только началось строительство, Женя предложил мне, что он займётся водоснабжением и отоплением в доме. Я попросил Александра выслать мне смету. До этого я уже беседовал с Сергеем и просил его найти для нас верующего сантехника. Через своих друзей он нашёл Володю из города Славянск-на-Кубани. Мы стали с ним переписываться по электронной почте. Сначала он выслал мне фотографии образцов своей работы, а потом проект и приблизительную стоимость материалов и работы. Это было гораздо дешевле, чем у вятичей, поэтому я сказал Александру, что буду делать все сантехнические работы с местными рабочими. К тому же я, честно говоря, не очень доверял Жене, который, по его же словам, до этого работал в автосервисе, а сейчас работал строителем. Я всегда предпочитаю профессионалов. Правда в случае с Владимиром возникал вопрос оплаты его поездок из Славянска и обратно, а также его занятость. Но и эта проблема разрешилась сама собой и самым лучшим образом.

Во время поездок в Варениковскую я заметил, что на въезде в станицу с нашей стороны появился новый магазин под названием «Теплодар». Я зашёл в него, узнал, что это филиал магазина в Крымске, здесь продаётся любая сантехника и можно заказать бригаду для её установки. Я позвонил Володе, чтобы узнать, каково его мнение об этом магазине. Он ответил, что прекрасно знает владельца фирмы, он родной брат главы фирмы в Славянске, в которой работает Володя. Он сказал, что я спокойно могу договориться с ними о покупке необходимого оборудования и работе. Так я и сделал и впоследствии не пожалел.

Я прохожу азбуку виноделия

В середине сентября Александр Павлович сказал, что пора покупать виноград и делать вино. Я ответил, что мне совсем не до этого, у меня много других дел, да и нет никаких приспособлений для того, чтобы этим заниматься. Он ответил, что всем необходимым обеспечит. От меня же требовалось только доставить купленный виноград с рынка к нашим домам.

Мы съездили в станицу на моей машине и купили несколько килограммов Каберне, так как больше у продавца не было. У другого продавца купили ещё винограда сорта Молдова. После того, как мы не нашли ничего другого, я купил себе несколько

килограммов Изабеллы. Александр Павлович, как и все мои остальные соседи-виноделы, её презирает, и покупать не стал.

Сразу после возвращения домой мы занялись давлением винограда. Как я уже упоминал, у Александра Павловича есть всё. Сейчас оказалось, что у него есть несколько больших пластиковых бочек для первоначального брожения виноградного сока и много стеклянных десяти- и двадцати- литровых бутылей для окончательного брожения. Мы взяли по мелкой широкой эмалированной кастрюле и стали давить виноград кто, чем мог. Я принёс из своего дома деревянную толкушку для картофеля. Она очень хорошо подошла для этой работы, и с тех пор я ежегодно пользуюсь ею для этой цели. Мы брали чистые грозди и давили их с гребнями, то есть с веточками. Образовавшуюся кашу с гребнями бросали в бочку. Вокруг нас витали тучи ос и дроздофил. С непривычки у меня вскоре заболела рука, которой я давил виноград. Изабеллу давил я один в отдельную бочку. Часа за два мы закончили работу, тщательно перемешали сусло в бочках, затем поставили бочки под навес на улице и закрыли сверху марлей.

Александр Павлович вырос на Кавказе и говорит, что с детства знает, как делать вино. По его технологии сусло должно выстоять в бочках три дня. В это время дрожжи, которые живут на кожице ягод размножаются, начинается винное брожение, а также происходит переход красящих и биологически активных веществ из кожицы в сок. В течение этих трёх дней нужно регулярно перемешивать раздробленные ягоды, потому что выделяющийся при брожении углекислый газ выталкивает мезгу (это раздавленные ягоды) наверх. При этом образуется «шапка», которая не погружена в сок, то есть не происходит настаивание, а наоборот происходит нежелательное окисление мезги в этой шапке.

Через три дня мы занялись отжимом мезги. У Александра Павловича есть специальный винный пресс из нержавеющей стали, купленный ещё в советские времена за 20 рублей. На выходе крепится полиэтиленовая трубка, по которой сок стекает в подставленную под неё стеклянную бутылку. Отжатую мезгу мы бросали в другую бочку. Я спросил: «Зачем? Разве Вы не выбросите её?». Он ответил: «Я сделаю «второе вино». Залью мезгу водой, добавлю сахара, и получится вино не хуже первого». Тут я понял, что такое «вино» тоже имеет право называться «домашним». И скорее всего, именно его и продают приезжим. В лучшем случае.

Я получил свою бутылку с будущим вином и отнёс её на веранду нашего домика. Именно так мы теперь называем старый дом – домик. Там, на веранде, бутылка стояла три недели, пока не закончилось брожение. Затем молодое вино положено слить с осадка и поместить в другую, чистую ёмкость. Так как таковой у нас не было, мы с Таней сразу разлили молодое вино по чистым «полторашкам». Так на Кубани называют пластиковые бутылки из-под минеральной воды или лимонада ёмкостью 1,5 литра, их дал всё тот же Александр Павлович.

Некоторое время спустя мы с ним купили ещё белого винограда, тоже два сорта, немного Муската и большую часть Шаслы. Таким образом, в 2009 году мы сделали три вида вина: моя доля была – по 9 литров красного и белого, и только мои литры 10 Изабеллы (тоже красного вина на самом деле).

Позже я скачал из Интернета несколько книг по промышленному и домашнему виноделию и понял, что, как и все другие продукты, изготавливаемые для массового потребления, промышленное вино практически не имеет ничего общего с тем натуральным продуктом, который получился у нас. Даже если винзавод соблюдает технологию, то есть не «бодяжит» (ещё одно новое для меня слово, означает разбавлять или смешивать с чем-либо вино, бензин и т.п.), конечный продукт, то есть вино, практически лишён всех полезных веществ, которые были в нём исходно. К сожалению, бодяжат практически все винзаводы Кубани. Не буду сейчас развивать эту тему. Надеюсь поговорить о натуральных и промышленных пищевых продуктах во второй части этой книги. Она будет посвящена тому, что мы приобрели в результате нашего переезда, как в физическом, так и в духовном плане.

Октябрь – разгар строительства. Кровля.

Октябрь оказался самым важным для строительства месяцем. Третью машину для перевозки материалов из Кирова снова долго не могли найти. Чтобы вновь не получился простой, я попросил строителей сделать бетонную отмостку вокруг всего дома. Бетон для этой цели нужно было готовить самим. После строительства гаража и септика остались большие кучи песка и муры, а Сергей не успел ещё забрать свою бетономешалку. Нужно было только купить цемент. Пришлось мне регулярно ездить в магазин стройматериалов в Варениковскую и привозить в багажнике автомобиля по четыре мешка цемента за раз, причём иногда приходилось совершать две, а то и три поездки в день.

Эти поездки стали для меня лучшей практикой вождения. Самое опасное место – это мост через Псебепс. Кусты и деревья закрывают обзор, ты не видишь встречную машину, а разъехаться на мосту невозможно, можно только сдавать назад по узкой дороге. Практически каждый раз, когда я ехал в Варениковскую, мне попадалась встречная машина именно на мосту. Село наше маленькое, машин не так много, по теории вероятности такого просто не должно было быть. Я спрашивал Женю, который регулярно ездил в станицу за продуктами: «Тебе часто попадаются встречные машины на мосту?» Он отвечал: «Ни разу не попадались».

Однажды я вернулся с очередной порцией цемента, а строители встречают меня словами: «А у нас вода кончилась». То есть насос вместо воды качал из колодца воздух. Как я уже упоминал, дождей практически не было, поэтому стало ясно, что наш колодец питается не только глубокими подземными водами, но зависит и от атмосферных осадков. Я знал, что опускал насос не на самую большую глубину, поэтому можно было бы опустить его ниже, но Таня предложила подождать до завтрашнего дня и посмотреть, накопится ли вода за ночь. Вода, действительно, накопилась, а к вечеру снова «кончилась». Но с этого дня бетона стали делать уже меньше, и проблем с водой больше не было.

28 сентября, наконец, пришла третья машина с лесом, это был грузовик марки MAN, он оказался мощнее КамАЗа, и тем более DAFA, и въехал в гору без проблем. Помимо брёвен на этой машине прибыли материалы для отделки дома: половая доска и вагонка. Все отделочные пиломатериалы ребята сгрузили внутрь гаража, чтобы они не промокли под дождём, который должен же был когда то пойти. «Жилая» площадь у них в результате этого временно сильно сократилась.

Потом они довольно быстро закончили укладку стен, сложив брёвна по порядку, и были готовы заняться крышей. Пока они делали стропила и обрешётку, я занялся исследованием того, что предлагает местный рынок кровли. Во время подготовки к строительству в Дубне я выбрал, посоветовавшись с другом, занимавшимся строительством, фальцевую кровлю. Я мог бы заказать её у Александра, и мне привезли бы её на третьей машине, но я решил, что теперь эта кровля стоит дороже, чем я могу себе позволить.

Интересный разговор произошёл у меня в одном из кровельных магазинов Анапы. В этом магазине были выставлены образцы всех современных видов кровли. И вдруг я вижу шифер, который не используют уже даже в нашем селе. Я спросил менеджера: «А зачем вы выставили шифер? Неужели кто-нибудь его купит?» И он ответил: «Знаете, всякое бывает во время строительства. Человек начинает строить, строит, а концу строительства, когда наступает время делать крышу, денег у него, в лучшем случае, остаётся только на шифер».

У меня к октябрю уже появилось чувство, что пора начинать экономить. С самого начала строительства вёл учёт денег, используя программу Excel. У меня, как у бухгалтера, были дебет и кредит, и я сразу видел, сколько денег остаётся после оплаты очередного счёта. В двух файлах я записывал планируемые и реальные расходы, но как ни старался я реально оценивать будущие расходы, они практически всегда оказывались выше планируемых.

В октябре одновременно и параллельно с основными строительными работами начали работать электрики из Ильича и сантехники из Варениковской, так как все коммуникации нужно было проводить под будущим полом. Иногда они и строители мешали друг другу и жаловались мне. Приходилось вмешиваться и мирно решать конфликты. Также в октябре прокладывали газовую трубу и подключали котёл и газовую плиту. Был даже короткий период времени, когда у нас одновременно работали четыре бригады.

В октябре я оплатил работу всех бригад и покупку соответствующих материалов и оборудования. Кредит в моём экселевском файле стремительно сокращался, фальцевую кровлю покупать было просто нельзя. Делать крышу из так называемого профнастила (по дешевизне второй после шифера) я не хотел. Для его крепления в нём сверлят много отверстий, в которые вставляют саморезы. И хотя под шляпкой самореза есть ещё гайка и резиновая прокладка, мне как-то не хотелось иметь крышу, буквально истыканную дырками. А что будет с этой резиной лет через 5-10?

Я посоветовался с Александром, и он предложил привезти мне из Казани очень хорошую металлочерепицу с потайным креплением листов. Мне такое предложение понравилось, я нашёл сайт производителя в Интернете, рассмотрел рисунки, и согласился, так как стоимость именно этой металлочерепицы была заложена Александром в первоначальную смету. Причём привезти её могли не специально для меня, а попутно, на машине, которая повезёт стройматериалы в посёлок Кучугуры на берегу Азовского моря, в 80 км от нас. Дело в том, что Александр нашёл ещё одного заказчика, который хотел построить там небольшой гостевой дом с мансардой. Планировалось, что после завершения нашего строительства бригада соберёт там дом и, наконец, отправится домой к новому году. А ребята уже скучали по дому. Это было видно невооружённым глазом, да они и сами про

это говорили. Но другой работы в Кирове нет, и им приходится по полгода, а то и больше, работать на выезде.

К середине октября коробка дома была полностью закончена, сделали уже и обрешётку крыши. Поверх обрешётки ребята положили специальную гидроизоляционную плёнку, которая служила временной крышей до тех пор, пока я не купил металлочерепицу. Начались утеплительные и отделочные работы. На черновой пол и черновой потолок уложили листы утеплителя («каменная вата») слоем в 10 см, проложили его с обеих сторон паро- и гидроизоляционными плёнками. Затем начали укладывать чистовой пол из половой доски и подшивать чистовой потолок из вагонки.

Шлифовка стен

Какой-либо внутренней отделки мы не планировали делать. Нам нравится вид округлого бревна. Утвердило нас в этом решении также и то, что я видел дом в Темрюке, где тоже не было никакой отделки. Однако требовалась тщательная шлифовка всех брёвен. Дело в том, что исходные брёвна были, хотя и оцилиндрованными, но не очень гладкими. Александр предложил мне отшлифовать все стены, как внутренние, так и внешние. Я колебался насчёт внешних стен, так как деньги стремительно утекали. Мы договорились, что начинаем шлифовку с внутренних, а потом, если я надумаю, то продолжаем шлифовать и внешние стены.

С начала октября Лёша и Женя начали шлифовать брёвна. Через неделю Лёша остался на этой работе один. Женя предпочёл делать всё, что угодно, только не шлифовать. А Лёша шлифовал до самого конца, до середины ноября. По расценкам Александра это была не самая дорогая работа, но, по моему мнению, он её недооценил. Лёша весь рабочий день водил по стенам и торцам брёвен шлифовальным кругом. При этом летела мельчайшая деревянная пыль, забивающая рот, нос и глаза, а электрическая шлифовальная машинка издавала воюющие звуки. Поэтому работал он почти полтора месяца постоянно в очках, респираторе и с ватой в ушах. К жутким условиям работы нужно добавить ещё вибрацию самой машинки в руках. Я понял это, когда попробовал сам отшлифовать одно бревно. Вибрация была «конкретная», как выражался Лёша.

Недооценил также Александр и расход шлифовальных кругов. Поскольку брёвна были влажными, то круги быстро забивались, и нужно было их менять гораздо чаще, чем планировалось. Тот запас, что привезли с собой ребята, кончился довольно быстро, и в результате мне пришлось ездить по всем хозяйственным магазинам Варениковской, Крымска и Анапы и покупать в каждом по несколько штук, так как больше у них не было. Почти через каждые 2-3 дня Лёша сообщал мне: «Круги кончаются», и я ехал искать следующую партию. В то же время мне приходилось по заявке бригадира Алексея покупать и другие расходные материалы, которые они не привезли с собой: гвозди разного размера, саморезы, различные полимерные плёнки и т.д. и т.п. Вместо того чтобы дать мне список того, что будет нужно на неделю вперёд, Алексей говорил мне сегодня о том, что нужно купить сегодня же или завтра. Дальше вперёд он не смотрел. Меня начали раздражать не столько частые поездки за разными «мелочами», сколько то, что я буквально ощущал, как деньги уплывают из моего кармана. Ведь все эти мелочи, которые слагались в итоге в тысячи рублей, в исходной смете не фигурировали. Причём странным

образом моё раздражение внутренне было направлено на Алексея, как будто бы он покупал эти гвозди себе, а не мне. Я старался сдерживаться, не показывать этого ему, но не уверен, что успешно.

Мы с Таней сразу почувствовали разницу между шлифованным и нешлифованным бревном, проведя по ним пальцами, и решили, что Лёша будет шлифовать и внешние стены. А покрывать их специальным средством мы будем уже сами, так как наш бюджет этой статьи расходов уже не выдерживал. К тому же расход средства при покрытии шлифованного бревна, несомненно, будет меньше, чем нешлифованного.

Окна и двери

В октябре я заказал деревянные окна и двери. Несмотря на то, что большинство современных горожан и сельчан вставляют теперь пластиковые окна, мы решили заказать и установить деревянные. Конечно, у деревянных окон есть огромный недостаток – они меняют свои размеры в зависимости от влажности воздуха, и это очень неудобно, но мы с Таней предпочитаем «божьи» материалы человеческим. Окна, сделанные из ПВХ (поливинилхлорида), конечно, выглядят гораздо аккуратнее, но даже с чисто эстетической точки зрения они смотрелись бы на нашем деревянном доме как нечто чужеродное. И наконец, как химики, мы прекрасно понимаем все «прелести» синтетических материалов. Во-первых, любой человеческий полимер постепенно разлагается и при этом выделяет газы. ПВХ – не исключение. При разложении ПВХ выделяются такие вещества как хлористый водород и другие производные хлора, и мы ими должны дышать. Во-вторых, разложение приводит к хрупкости материала. Мы совсем не уверены, что через 20 лет окна из ПВХ всё ещё будут стоять на своём месте.

Ещё при строительстве гаража выяснилось, что найти столяра, делающего деревянные окна, не так просто. Таня вспомнила, что ей понравились двери и окна в доме Сергея Анатольевича в Темрюке. Я позвонил ему и выяснил, что окна и двери он заказывал в станице Курчанской. Я тут же обратился к Диме, который тогда ещё работал у нас на септике, не знает ли он столяра из Курчанской. Он сказал, что каждый день проезжает мимо его дома на главной улице. Я попросил Диму, чтобы он выяснил номер его телефона. После моего звонка столяр приехал к нам, я спросил его: «Вы делаете деревянные стеклопакеты?» Он ответил: «Да», и мы договорились, что он сделает для нас все двери и окна. Предполагаемая стоимость меня вполне устроила. Он сделал замеры, получил аванс, и уехал.

Изготовление заняло довольно много времени, недели две или три. Привёз окна и двери столяр Володя в начале ноября поздно вечером, когда было уже совсем темно. Мы вместе с ним разгрузили их и поставили в дом. Какой же шок мы с Таней испытали на следующее утро, когда посмотрели на эти изделия. Это оказалось совсем не то, что мы видели у Сергея Анатольевича! Это был не тот столяр! Я сделал самую большую ошибку за всё время строительства, не съездив в Курчанскую и не посмотрев на месте образцы его работы. Из того, что этот Володя был из Курчанской, совсем не следовало, что именно он делал окна и двери для Сергея Анатольевича. Я вспомнил, что на мой вопрос: «Делал ли он окна в деревянном доме в Темрюке», он ответил как-то расплывчато, вроде того, что он много кому делает окна.

Я позвонил ему и сказал, что нам его работа не нравится, и мы её брать не будем. Он приехал вместе с женой, она сказала, что у него большое сердце, и он сильно переживает. Он добавил, что, если мы отказываемся платить за работу, ему придётся вешаться, так как он потратил свои деньги на оплату рабочих и т. д. Мы пожалели его, приняли работу, и я оплатил вторую половину денег. Окна и двери были сделаны с использованием тупой фрезы, поэтому все кромки были шершавые. Двери, в том числе входные, он сделал с очень тонкими филёнками, они практически просвечивали насквозь. Но мы решили смириться с тем, что есть. Таня покрыла окна и двери аквалаком, и я попросил Сергея-баптиста помочь мне вставить их. Он приехал, и мы вместе с ним установили на свои места две внешние двери (входную и на террасу) и окна. Дом приобретал всё более жилой вид.

Я начал покрывать все внешние брёвна специальным покрытием «Сенеж Аквадекор». Это покрытие должно защищать древесину от атмосферных осадков, всех видов грибков и насекомых-древоточцев, а также от воздействия солнца. Я видел, что в Темрюке брёвна были покрыты именно этим средством, да и столяр из Гостагаевской рекомендовал именно его, поэтому мы купили несколько 9-литровых вёдер бесцветного «Сенежа» в Анапе, и покрыли им все внешние и позднее внутренние стены. Покрытие внешних стен заняло много времени, так как по инструкции требуется наносить три слоя. Я карабкался на строительные леса, которые остались после основных работ. Их не разобрали, так как ими пользовался Лёша для шлифовки брёвен.

Вторая поездка в Садовый

Денег оставалось всё меньше, пора было задуматься о поисках работы. Я решил встать на учёт в центре занятости в Крымске и на первых порах получать пособие по безработице, но оказалось, что для этого нужно подать пакет документов, включая справку о зарплате за предыдущий год с последнего места работы. У меня такой справки не было, но был Интернет и друзья в Дубне. Большое им спасибо за помощь и поддержку. Женя, которая работает в администрации института, смогла получить в бухгалтерии эту справку и выслала её мне почтой. Встал на учёт как безработный я только 21 ноября.

Съездил я также в хутор Садовый, помня разговор с Игорем Борисовичем, и его предложение найти мне работу. Я напечатал резюме и поехал в Шато 21 октября. Оказалось, что на этой неделе они праздновали день урожая, на который приехала дирекция из Москвы. И именно в то время, когда я появился в приёмной, в кабинете Игоря Борисовича проходило собеседование с кандидатом на должность заместителя директора по работе с персоналом, в котором принимала участие сама генеральный директор. Я подумал, что мне очень повезло, попросил секретаря узнать, стоит ли мне ждать, ответ был положительный. Прождал я часа полтора.

Наконец, кандидат вышел, и позвали меня. Генерального директора моё резюме совсем не впечатлило. Она сказала, что сама родилась в Арзамасе-16 и окончила МИФИ, а потом во время перестройки «делала себя». Полностью сменила род деятельности, начинала «снизу», а теперь достигла нынешнего положения. Мне она сказала: «Умный человек – это не профессия» и спросила: «Готовы ли вы на такую должность, как экскурсовод, например?» Я сказал, что не готов, и разговор на этом закончился.

Я упоминал, что ездил в кровельный центр в Анапе, мне понравился своей мудростью их старший менеджер, мой полный тёзка, тоже Сергей Владимирович, и, хотя я не купил у них кровлю, позже купил водосточную систему, то есть желоба и трубы, а также деревянную раскладную чердачную лестницу. Мы с Таней не хотели использовать чердак ни под жильё, ни под склад, так как не хотим зарастать ненужными вещами. Мы даже не хотели делать лестницу на него, но Александр из Кирова убедил нас, что доступ на чердак нужен, и жизнь подтвердила, что он был полностью прав. Лестница расположена в потолке прихожей, совершенно не занимает пространства и не видна неискущённому посетителю.

Строители заканчивали свою работу в доме, потолок из вагонки и пол из половой доски были почти готовы. Вдруг обнаружилось, что привезённой половой доски не хватает на пол в гостиной, так как её застилали в последнюю очередь, а очень много ушло на настил террасы, куда она вообще не была предусмотрена. Пришлось мне докупать доски в Анапе, позже, когда эти доски высохли, между ними образовались широкие щели. Так выяснилось, что вагонка и половая доска из Кирова были действительно высокого качества, как и было написано на их упаковке.

Ноябрь. Завершение строительства

Наступил ноябрь. Погода была по-прежнему тёплая, совершенно не осенняя по меркам Средней полосы России. Закончив укладку полов и подшивку потолка, строители сделали фундамент для сруба колодца, собрали на нём сруб и сделали крышу. Затем собрали из брёвен две лавки и стол, которые мы хотели поставить на террасу. После этого, оставив Лёшу шлифовать брёвна, уехали собирать дом в Кучугуры. Тот дом строился по обычной технологии, т.е. они должны были только сделать коробку с крышей, а хозяин потом через год должен был делать отделку самостоятельно.

После того как в Кучугуры пришла фура из Кирова с лесом и кровлей, в том числе нашей, я заказал грузовую «Газель» для её доставки к нам. Строители приехали следом на своей «Волге», разгрузили машину, потом за несколько дней, к 8 ноября полностью покрыли крышу, и снова уехали. Лёша снова остался один и продолжал свою работу. Мы же весь ноябрь занимались защитой дерева: я покрывал внешние и внутренние брёвна и потолок, Таня – внутренние стены и потолок, а также покрывала пол лаком. Работы у нас было больше, чем достаточно.

В начале ноября газовщики полностью закончили свою работу, то есть провели трубу малого диаметра от магистрали по границе нашего участка к нашему дому и сделали два ввода на кухню, один для газовой плиты, другой – для котла. Я сам просверлил в бревне две дырки диаметром 20 см для ввода газовых труб. Они даже дали нам газ, не дожидаясь официального разрешения. Во время строительства к нам приезжал пожарный инспектор, который рассказал о требованиях, предъявляемых Гостехнадзором к котельным. В нашем случае котельной служила кухня. Необходимо было сделать форточку в окне, вентиляцию в двери кухни и вентиляционное отверстие диаметром 20 см или в стене или в потолке. Так как сделать ровное отверстие такого диаметра в бревенчатой стене было уже невозможно, пришлось сделать его в потолке, а потом и в металлочерепице. Я пытался объяснить инспектору, что наш котёл не нуждается в притоке воздуха, так как у него

коаксиальная труба (то есть две трубы одна в другой). По одной трубе воздух с улицы поступает в котёл для обеспечения горения, а по другой выходят наружу продукты сгорания. Он сказал, что всё понимает, но правила остаются таковыми с советских времён, когда таких котлов и в помине не было, а правила есть правила. «Сдайте дом, а потом можете заткнуть вентиляционную трубу телогрейкой», – сказал он. Так мы потом и сделали. Но дыру в крыше, к сожалению, уже не заделаешь. Пришлось также купить панели из специального негорючего материала, чтобы закрепить их на дереве за котлом и за плитой, а также и над плитой. Это требование было более здравым, и панели мы после сдачи дома не снимаем.

Погода продолжала нам способствовать, дождей не было, но бывали похолодания до +5 градусов. В такую погоду по инструкции пользования нельзя было делать пропитки. Но таких дней было мало, температура днём в ноябре достигала и 25 градусов. Заметно сократился световой день, так что Лёша, который продолжал упорно шлифовать стены, включал по вечерам переноску и продолжал шлифовать при свете электрической лампочки. Так как ночи становились прохладными, мы включили ему в гараже электрический масляный обогреватель, а сами топили в своём доме печку.

9 ноября я съездил в Анапу и заказал в одном магазине всю сантехнику. Мы с Таней до этого предварительно съездили и подобрали всё оборудование. Через день нам привезли душевую кабину, раковину для ванной комнаты, ванну, унитаз и биде, а также смесители и другую арматуру. Я сам постепенно подключил и установил всё, кроме душевой кабины. Когда мы уже полностью переехали в новый дом, я собрал её с помощью Александра Павловича.

20 ноября. Дом готов!

Итак, мы приближались к концу строительства. И хотя начинали строительство с шапкозакидательским настроением – «даёшь дом за один месяц», а к концу думали о том, что готовы зимовать и в старом доме, всё равно мы успели построить его всего за три месяца и до наступления холодов. К середине ноября дом был готов для проживания. Оставалось подключить котёл и покрыть все деревянные поверхности (а это значит всю внутреннюю поверхность дома) аквалаком (то есть лаком на водной, а не органической, основе), а полы паркетным лаком. Полы покрывала Таня, я – стены. Внешние стены покрывал в три слоя, это было очень важно в виду приближающейся зимы. Поэтому, оценив свои силы и то, что температура воздуха довольно быстро падает, я нанял себе в помощь кубанца Женью, который работал у нас на строительстве гаража весной. Его предложил мне в помощь Сергей, сказав, что у Жени нет сейчас работы. Он привёз его к нам, мы поселили его с вятичем Лёшей в гараже. Женя привёз с собой большой запас еды, который дала ему мама, и забил ею холодильник в гараже. Я поручил ему покрывать самые неудобные и высокие участки дома. Он с честью справился со своей задачей за пять дней, несмотря на то, что часто причитал, как страшно ему работать на высоте.

Хотя строительство было самым главным в нашей жизни тогда, всё-таки были и другие дела, которые отвлекали нас от повседневной рутины и помогали осознать, что мы находимся на юге. Я следил за процессами, происходящими с вином, сливал его с осадка, ставил на хранение и т.д. В «наследство» нам досталось несколько старых грецких орехов,

которые сильно пострадали от морозов в 2006 году, а потом ещё подмёрзли в марте, когда мы были уже здесь. В результате плодоносил только один орех, растущий совсем рядом со старым домом, который защитил его от мороза. Мы собрали с него не меньше трёх вёдер орехов, они оказались тонкокорыми и легко чистятся. Очень приятно было бродить под деревом по утрам и собирать очередную порцию упавших с него орехов. Это было похоже на сбор грибов, так как орехи падали в опавшую листву, и заметить их было не так просто. Особенно много орехов оказывалось внизу после сильного ветра. Орехи «доходили» постепенно и сбор продолжался, наверное, недели две-три. Наш маленький огород всю осень снабжал нас кресс-салатом и зелёным луком, которые не замерзали даже тогда, когда зимой бывали заморозки до минус семи градусов.

Во время строительства часто возникали ситуации, когда нужно было сделать что-то выходящее за рамки сметы. Я говорил, например: «Ребята нужно сделать то-то и то-то. Сделаете?» Алексей отвечал положительно, и они делали. Но при этом, оказывается, записывал все работы на бумагу, которую потом передал своему начальнику. А я почему-то не отдавал себе отчёта в том, что я не рабовладелец, что работают они на меня не бесплатно и не за мои красивые глаза. Александр сделал окончательную смету и попросил, чтобы я оплатил ещё не оплаченные работы до конца года. Я снова был в шоке. В смете значились работы, которые действительно были сделаны ребятами, но до сих пор я и не думал, что их нужно оплатить. Дополнительные работы «весили» почти 20 тысяч.

Если до этого у нас по моим расчётам после окончания строительства должны были оставаться какие-то деньги, то теперь стало ясно, что придётся занимать. 20 ноября я попросил своего коллегу в Дубне дать мне займы 30 тысяч рублей, он сразу же выслал мне их. Через некоторое время пришлось попросить его выслать мне ещё 20 тысяч.

Наше финансовое положение немного поправило то, что при строительстве в Кучугурах не хватило обрезных досок, а у нас осталось довольно много неиспользованных. Ребята приехали к нам на грузовой машине, забрали кубометра три, и мы с Александром учли стоимость досок при нашем окончательном расчёте. Потом Александр Павлович и Валерий тоже попросили продать и им некоторые пиломатериалы, что я с радостью сделал.

19 ноября после приезда комиссии и подписания всех бумаг, нам подключили газ, мы за два-три дня протопили дом и не спеша переносили свои вещи из старого дома и гаража в новый дом. Бригада, забрав Лёшу, окончательно уехала в Кучугуры 20 ноября. Я, наконец, впервые поставил машину в построенный для неё гараж.

Дом под ключ мы построили всего за 3 месяца!!!

Когда мы полностью переехали и начали жить в новом доме, наслаждаясь удобной кроватью в уютной спальне, газовой плитой на кухне и газовым, а не печным отоплением, пошли, наконец, дожди, а потом в середине декабря выпало много снега. Он, правда, через шесть дней растаял, но в течение этого времени пришлось каждый день чистить территорию вокруг домов и гаража. Потом снова установилась тёплая погода, от 10 до 14 градусов, правда тоже с дождями.

30 ноября я вызвал электриков из Варениковской, чтобы они сделали переключение электрических проводов со старого дома на новый. Они быстро это сделали и попросили разрешения посмотреть дом внутри. Это была, можно сказать, первая экскурсия по дому. После этого многие тоже хотели посмотреть его изнутри, и мы всегда с гордостью демонстрируем наше детище.

Центр занятости

Так как деньги кончились, а работы в Садовом я не получил, пришлось заняться поиском работы через ЦЗН (Центр занятости населения) в Крымске, другими словами встать на учёт в качестве безработного. Как я упоминал, сделать это быстро не удалось, в итоге я встал на учёт лишь 21 ноября, спустя более чем полгода после своего увольнения. А по российским законам, если к моменту обращения в ЦЗН прошло более 6 месяцев после увольнения, ты получаешь минимальное пособие в размере 850 рублей в течение тоже 6 месяцев. Для того чтобы получать пособие, нужно было дважды в месяц ездить в Крымск (то есть тратиться на бензин) и отмечаться в ЦЗН.

Поскольку я рассчитывал хотя бы на 4000 рублей в месяц, а тут – практически ничего, я решил гордо отказаться от «услуг» ЦЗН, но Таня меня уговорила, сказав, что в нашем положении и это деньги, и к тому же, может быть, они действительно смогут найти мне работу. Сразу могу сказать, что за 6 месяцев мне ни разу не было сделано ни одного предложения работы.

Сейчас можно ругать себя, почему я не встал на учёт сразу или, по крайней мере, летом. Во-первых, мне было не до этого, все мысли были о строительстве и обустройстве. Во-вторых, я был уверен, что найти работу не так трудно. В-третьих, я не знал закона. В-четвёртых, живя в Дубне Московской области, я просто не представлял себе масштабов безработицы в нашей стране. Теперь я знаю, что реальный уровень безработицы в России очень высок. Ведь в статистику попадают только те, кто состоит на учёте в ЦЗН. Я, например, не числюсь безработным, хотя фактически им являюсь. Но в сельской администрации меня называют «неработающим», а не «безработным». Такая вот хитрая игра слов.

Декабрь. Испытание прочности дома

14 декабря пошёл сильный снег, за раз выпало сантиметров 15-20. Было около нуля и снег тут же начал таять. К несчастью (а может быть и к счастью) накопившийся на крыше снег, съезжая вниз, всей своей тяжестью налёг на желоба водосточной системы, и на следующий день они оторвались от крыши, правда только с правой стороны, и упали на землю. Мы посмотрели и обнаружили, что ребята очень несерьёзно закрепили их, используя короткие, скорее декоративные, гвозди. Пришлось звонить Александру, чтобы он послал их к нам устранять свои огрехи. Они приехали на следующий день, Женина «Волга» не смогла подняться на нашу горку по мокрому снегу, и им пришлось идти 200 метров по снегу в кроссовках. Так как строительные леса с этой стороны уже убрали, то для того, чтобы можно было добраться до крыши, мне пришлось попросить раздвижную лестницу у Виктора Павловича. Строители трудились весь день, надёжнее закрепили желоба и справа и слева, и уехали, когда уже совсем стемнело.

Примерно в это же время оказалось, что, так как наш новый дом был подключен к электросетям без оформления соответствующих бумаг, получается, что мы подключились нелегально. К тому же выяснилось, что у моих электриков нет лицензии на производство работ. Поэтому пришлось в течение декабря и января несколько раз ездить в Крымск, чтобы заказать и оплатить проект электрификации дома и после этого заключить новый договор на подключение домовладения к электрическим сетям. Закончилась эта история только в феврале.

Снег растаял, снова стало тепло. Но нам было не до наслаждения комфортом. Оставалось очень много работы. Нужно было ещё лучше утеплить все пазы между недавно вставленными окнами и дверями, ведь зима уже заявила свои права. Основной проблемой были огромные пазы между верхом окон и брёвнами, высотой сантиметров 10-15. Это было сделано намеренно для того, чтобы брёвна после усадки не раздавили окна. После установки окон мы заполнили эти пазы натуральной конопляной паклей, но сейчас выяснилось, что ветер продувает паклю насквозь. Таня нашла очень простой выход – вырезала куски картона, мы закрепили их изнутри дома и дуть перестало.

Температуру в доме мы поддерживали не самую комфортную, градусов 18. Поскольку нас предупреждали, что никто не въезжает в деревянный дом сразу, а ждёт его усадки, мы решили, насколько возможно, растянуть процесс высыхания брёвен. За счёт своего комфорта.

Через несколько дней после нашего заселения с потолка в гостиной, а потом и в спальне начала капать вода. Постепенно мы выяснили, что это не протечка крыши, не скопившаяся влага в изоляционном материале, а конструкционный недочёт строителей. Наш чердак был сделан полностью герметичным, под металлочерепицей, как я упоминал, была уложена гидроизоляционная полимерная плёнка. Когда мы начали греть дом, влага из брёвен попадала на чердак, более холодный, чем дом под ним. Выйти ей было некуда, она конденсировалась на плёнке и лилась вниз на нас. Пришлось звонить Александру и одновременно искать решение проблемы в Интернете. Совет Александра и рекомендации из Интернета практически совпали – нужно было разрезать плёнку в нескольких местах, чтобы дать возможность влаге выходить наружу, то есть проветривать чердак. Через несколько дней после того, как я это сделал, капель с потолка прекратилась. Потолки, к счастью, не пострадали. Кстати, из Интернета я узнал, что это довольно распространённая проблема. Появляются новые материалы и новые подходы, а опыта у строителей пока мало.

Мы старались, пользуясь хорошей погодой, сделать как можно больше дел на улице. Я закреплял и покрывал пропиткой наличники на окнах и дверях. Кстати, все внутренние двери (кроме двери в ванную) стояли пока в будущем кабинете, ждали пока до них дойдут руки. А Таня взяла тележку и возила оставшийся после строительства «окол» на спуск с горы, чтобы участок дороги в этом месте оставался проезжим и зимой.

Погода в декабре испортилась, как, впрочем, и положено для осени и зимы. Шли дожди, и даже временами выпадал снег. Хотя мы продолжали упорно работать, напряжение предыдущих месяцев спало. Можно было бы начинать радоваться, что мы достигли своей цели, добились желаемого результата, но вместо этого началась депрессия. На это

повлияли, конечно, и чисто объективные факторы: пасмурная погода, осознание того, что деньги кончились, мы остались одни, после того, как столько времени были окружены большим количеством народа.

В своё время мы прочли много литературы, посвящённой борьбе с депрессиями, поэтому не удивились, к этому следовало быть готовыми. Согласно исследованиям, депрессию вызывают любые перемены, и даже радостные события. А у нас в этом году перемен было больше чем достаточно.

Денег для подключения спутникового телевидения у нас не было, поэтому по вечерам мы смотрели по телевизору фильмы, записанные на DVD. Так как приближалось Рождество, мы смотрели в основном добрые рождественские фильмы, днём Таня включала записи рождественских песен. Но настроение всё равно было не лучшим. По ночам нас будили звуки садящихся на место или трескающихся брёвен. В доме было очень влажно и прохладно, с потолка капала вода. Особенно тоскливо стало, когда выпало много снега и пришлось доставать из кладовой валенки, чтобы, обув их, добираться до тёти Даши за молоком. Через сутки после сильного снегопада трактор прочистил главную улицу, но к нашим с Александром Павловичем домам не заехал. Бредя по колено в снегу, я понял, как далеко от цивилизации мы забрались.

Перед самым Новым годом я заболел. Причём это произошло так, как чаще всего со мной бывает в последние годы. Только я подумал, какой я молодец, ни разу не болел в этом году, как на следующий день почувствовал, что у меня поднялась температура. Причём насморка не было, горло не болело, просто повысилась температура, и поламывало суставы. Последние лет двадцать пять я рассчитываю на силы организма, который сам прекрасно знает, что ему делать и никогда меня не подводил. В таких случаях я просто первый день лежу в постели, а потом в зависимости от «дозы» вируса, выздоравливаю на третий-четвёртый день. Не пью никаких лекарств, может быть, просто немного больше пью воды или морса для вывода токсинов.

Новый год

То, как прошёл канун Нового, 2010 года и сам Новый год запомнится надолго. 30 декабря в 15 часов отключили газ. Это означало, что у нас не просто не будет работать газовая плита – это не проблема, есть электроплитка, но не будет отопления, ведь мы отапливаем себя сами. Телефон газовщиков был всё время занят. Я позвонил в сельскую администрацию и узнал, что на центральном газопроводе произошла авария. Исправят через день-два. Перспектива была не очень весёлая. Все эти дни шёл дождь, и было довольно холодно.

На следующий день, 31 декабря, я сообразил, что могу что-то узнать из интернета. Действительно, на кубанских новостных сайтах были сообщения об аварии в нашем районе 30 декабря в 9 утра. Лопнула труба, к тому же газ почему-то ещё и загорелся. По сообщениям СМИ авария была устранена 30-го же декабря, и газ пошёл к потребителям в 17 часов в тот же день. У нас газа не было до сих пор. Я снова позвонил газовщикам. На этот раз дозвонился. Мне сказали: «Газ подключают подворно (ещё одно новое для меня слово), ждите, к вам приедут». Действительно, приблизительно в 5 часов вечера приехала машина с газовщиками, и нам разрешили включить газ. Оказалось, что они подключали

всех постепенно в целях безопасности. Вдруг кто-нибудь забыл отключить газовое оборудование и при включении газа взорвётся. К счастью, на улице мороза не было, дом у нас тёплый, у нас были электроплитка и масляный радиатор, так что всё кончилось, как говорится, лёгким испугом.

Хотя, на самом деле испуг, скорее, был большой. Ведь нам сказали, что, возможно, газа не будет два дня. До этого несколько дней шёл сильный дождь, сопровождавшийся шквалистым ветром. Мы целыми днями сидели дома. Выл ветер, дождь стучал в окна почти параллельно земле. По ночам я представлял себе, как ветер срывает и уносит крышу, ведь водосточные желоба у нас уже отваливались. В своих мрачных грёзах я дошёл до того, что видел и то, как весь дом срывается с фундамента и улетает, совсем как в сказке «Волшебник Изумрудного города», ведь дом у нас лёгкий, гораздо легче саманного, кирпичного или каменного.

30 декабря к нам зашёл Виктор Павлович и пригласил отметить Новый год вместе с ними. Он приглашал и других соседей, но те под разными предлогами отказались, скорее всего, стеснялись. Я болел, газа не было, не было и никакого настроения веселиться. Я поблагодарил за приглашение и сказал, что мы не уверены, что придём. Таня сказала, что точно не пойдёт. Во-первых, идёт сильный дождь, во-вторых, на улице грязно и вечером будет абсолютно темно, а спуск с горы к соседям сейчас должен быть очень скользким. В-третьих, лучше вообще пораньше лечь спать.

Вечером 31 декабря, после того, как газ снова пошёл по трубе, и мы включили котёл, я стал настаивать, что надо всё-таки развеяться, к тому же и дождь немного поутих, а я практически выздоровел. После долгих уговоров Таня согласилась, и в 11 часов вечера мы пошли в гости, благополучно спустившись с косогора около их дома. Кроме нас и хозяев была ещё одна гостья, тоже Татьяна, однокашница Лидии Михайловны по институту, которая приехала в гости аж из Ростова-на-Дону.

Всё было хорошо, много всяких вкусных и интересных блюд, шампанское, и самое главное – разговоры. Но через полчаса после наступления нового, 2010 года, внезапно потух свет, и нам пришлось продолжать праздновать при свечах. Так как мы с Таней уже развеселились, это не повлияло на наше настроение, свечи даже ещё больше «утеплили» атмосферу. Домой мы вернулись после 2 часов. Газовый котёл у нас современный, управляется электроникой, то есть для работы ему нужно электричество. Отсутствие такового означало, что отопления у нас ночью снова не было. Утром мы снова приуныли – ни света, ни отопления, но свет включили уже перед обедом, и котёл вновь заработал. Снова всё оказалось не так страшно, как казалось вначале.

Оглядываясь теперь назад, я очень благодарен Виктору Павловичу и Лидии Михайловне. Они почувствовали, как нам было одиноко, и поэтому пригласили на праздник. Теперь это стало уже доброй традицией, мы встречаем каждый Новый год вместе с ними и другими их гостями.

Заключение

2009 год, год очень больших перемен в нашей жизни, закончился. По радио и телевидению (которые мы, кстати говоря, не слушали и не смотрели, об этом нам

рассказывали другие, в основном Александр Павлович) говорили о наступившем кризисе, о трудных временах, о том, что неизвестно, что ждёт нас впереди. Я думаю, мы вовремя решились на то, что сделали. Потому что позже могли поддаться всеобщему настроению и в очередной раз ничего не предпринять, чтобы изменить свою жизнь.

Подводя итоги спустя несколько лет, можно сказать, что, конечно, не всё получилось, так как мы себе представляли в своих мечтах. Но самое главное получилось – продав двухкомнатную квартиру в четырёхэтажном доме из силикатного кирпича, построенном в 1966 году, – мы смогли быстро построить на вырученные деньги «дом своей мечты» и гараж, в котором стоит новый автомобиль. В 2010 году я смог оформить налоговый вычет на покупку дома и вернул долг коллеге, так что мы никому ничего не должны.

Теперь мы живём на вилле (лат. villa – усадьба, поместье; загородный дом с садом или парком) на Северном Кавказе, пьём свежее коровье и козье молоко, едим картофель, овощи и зелень со своего огорода, пьём чистую воду из собственного колодца, моемся этой же водой, дышим чистым, не отравленным ни промышленностью, ни автомобилями воздухом, заложили сад и виноградник. Общаемся с небольшим кругом людей, которые нам приятны. Чего ещё можно желать себе и тому, кто, прочитав это повествование, отважится последовать по нашим стопам, не обязательно на Кавказ, но обязательно в сторону от чужой колеи?